

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1910 г.

Т II.

(№№ 7—12).

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Мирный Трудъ“, Дѣвичья улица, домъ № 14.

1910.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТАТЕЙ

БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКОГО ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

==== Т II. №№ журнала 7—12. ====

За 1910 годъ.

Слово въ пятокъ четвертой недѣли великаго поста.
Прот. Н. Стеллецкаго, стр. 1—7.

Чувство любви къ ближнимъ и ея непоколебимыя основы.
В. Тихомирова, стр. 8—22, 335—349, 478—497, 624—645.

Натуралистическій монизмъ Геккеля. Свящ. Николая
Липскаго, стр. 23—36, 206—214, 350—362, 789—798 *).

Журналь „Наше Объединеніе“. К. И—на, стр. 37—51.

Идея трагедіи Л. Андреева „Анатема“ и ея развитіе.
Д. Брянцева, стр. 52—77.

Метафизическое ученіе о душѣ у Лейбница и Гербарта.
К. А. Смирнова, стр. 78—104.

Рѣчь, предъ открытіемъ и освященіемъ Общества скорой
медицинской помощи въ несчастныхъ случаяхъ. Высоко-
преосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтыр-
скаго, стр. I—II.

*) См. сл. т.

Раціоналістическія гіпотезы о воскресеніи Господа нашего Ісуса Христа. Профес. Прот. Т. И. Буткевича, стр. 143—165, 279—334, 423—477, 575—623, 719—758 *).

Слово въ 3 пассію. Свящ. І. Филѣвскаго, стр. 166—175.

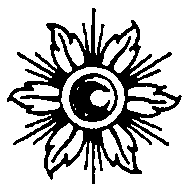
Наука и апологетика А. Лаппарана. Н. П. Ц., стр. 176—205, 646—678, 759—777 *).

Новое изданіе „Троицкое Слово“. К. И—на, стр. 215—232.

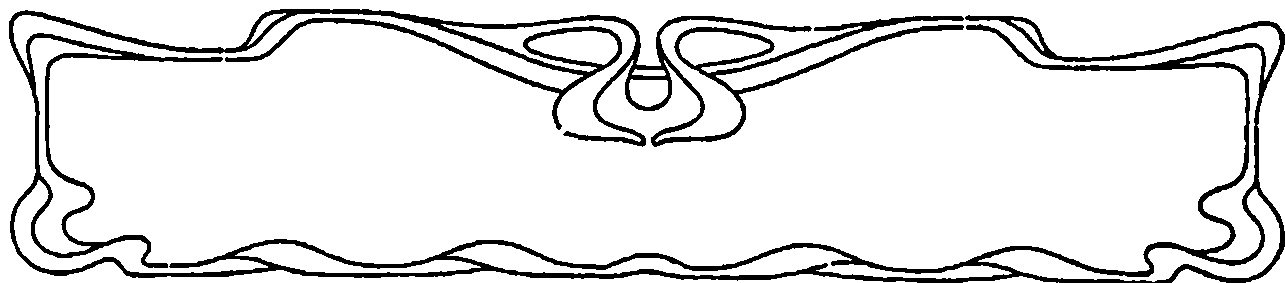
Евангеліе и соціализмъ. А. Райскаго, стр. 363—378, 517—540.

Матеріалістическій монизмъ и этика. Е. Саковича, стр. 498—516.

Спиритизмъ. Свящ. І. Дмитревскаго, стр. 778—788 *).

*) См. сл. т.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ,

содержащихся въ „Извѣстіяхъ и Замѣткахъ по Харьковской епархіи“, №№ 7—12, за 1910 годъ.

I.

Официальный отдѣлъ.

Дни и часы приѣма у Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнаго Арсенія, стр. 105—106.

Руководственныя указанія мѣръ, выработанныхъ Харьковскимъ Епархіальнымъ Миссіон. Совѣтомъ, стр. 106—108.

Протоколь годичнаго собранія Общества вспоможенія нуждающимся воспитан. Хар. Дух. Сем., стр. 108—109.

Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Жен. Учил. за 1908—1909 г., стр. 110—115, 385—391.

Отъ Коммисіи по устройству въ Сакахъ помѣщеній для больныхъ духовнаго вѣдомства, стр. 115.

Епархіальныя извѣщенія, стр. 116—119, 236—238, 391—396, 542—546, 683—687, 818—821.

Отчетъ Харьковскаго Епархіальнаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества за 1909 г., стр. 233—236.

Отъ Правленія Сумскаго Духовнаго Училища, стр. 236, 816—818.

Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго, стр. 379—380.

Отъ Императорской Академіи Наукъ, стр. 380—382, 680—681.

Отчетъ Братства Св. Амвросія Медиолан., стр. 382—385.

Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Миссіонера, стр. 396.

Для свѣдѣнія епархіального духовенства, церковныхъ старость, церковно-строительныхъ комитетовъ и монастырей, стр. 541—542.

Отчетъ о состояніи при Хар. Епар. Жен. Учил. Образцовой одноклассной церковно-приход. школы, стр. 546—551.

Отъ Совѣта Сватово-Луцкой второклассной Церковно-учительской школы, стр. 551.

Письмо на имя Высокопреосвященнаго Арсенія, с. 679.

Отъ Харьковской Духовной Консисторіи, стр. 679—680.

Отъ Отдѣла Воздушнаго Флота, стр. 381—382.

Списокъ лицъ служащихъ въ Сум. Д. У., стр. 687—689.

Воззваніе о помощи, стр. 689—690.

Объявленіе, стр. 690.

Высочайшій Манифестъ, стр. 799—800.

Отъ Харьковского Епархіального Совѣта по миссіонерскимъ дѣламъ, стр. 801—803.

Отъ Правленія Похоронной Кассы духовенства Харьковской епархіи, стр. 803—804.

Разрядный списокъ воспитанниковъ всѣхъ классовъ Харьковской Духовной Семинаріи, стр. 804—810.

Росписаніе пріемныхъ и переводныхъ экзаменовъ въ Харьковской Духовной Семинаріи, стр. 810—811.

Отъ Правленія Харьков. Дух. Семинаріи, стр. 811—813.

Разрядный списокъ воспитанниковъ Сумскаго духовнаго училища, стр. 813—816.

II.

Статьи и замѣтки руководственно-пастырскаго содержанія и другія.

Поученіе на литургіи преждеосвященныхъ Даровъ. Николая Церковническаго, стр. 120—125.

Собесѣдованіе съ сектантами въ сл. Ободахъ, Сумскаго уѣзда. Свящ. Θεодора Сулимы, стр. 125—131.

Слово предъ Плащаницей. К. А. Смирнова, стр. 238—245.

Письмо редакціи ж. „Трезвые Востокы“ на имя Высокопреосвященнаго Арсенія, стр. 245—247.

Къ 49-й годовщинѣ великой крестьянской реформы. Свящ. Іоанна Смирнскаго, стр. 247—257.

Миссіонерскій кружокъ при Тихоновской церкви сл. Титаровки, Старобѣльскаго уѣзда. Свящ. Николая Яновскаго, стр. 257—261.

Свѣтлой памяти Императора Александра III-го и великаго молитвенника земли русской о. Іоанна Сергіева-Кронштадскаго. Свящ. Н. Загоровскаго, стр. 396—400, 557—561 *).

Рѣчи, сказанныя въ засѣданіи Государственной Думы. Прот. А. Станиславскаго, стр. 400—401, 401—405.

„Монахъ Стефанъ Подгорный. Свящ. Феодора Сулимы, стр. 406—410, 562—567.

Слово на второй день св. Пасхи. Свящ. Іоанна Иннокова, стр. 552—557.

Четыре рѣчи члена Государственнаго Совѣта, Прот. Т. И. Буткевича, стр. 691—706, 826—836 *).

Поученіе въ день рожденія Государыни Императрицы. Свящ. Іоанна Дмитревскаго, стр. 821—826.

III.

Епархіальная хроника.

Прощаніе духовенства Харьковской епархіи съ митрофорнымъ протоіереемъ Т. И. Буткевичемъ. Свящ. Маркіана Федоровскаго, стр. 131—136, 265—273.

Некрологъ. Свящ. В. Мухина, стр. 136—137.

Архіерейскія богослуженія. Прот. І. Гончаревскаго, стр. 261—265, 410—414, 707—710.

Посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, Духовной Семинаріи, стр. 567—568, 710—714.

Посѣщеніе Преосвященнымъ Василіемъ, Епископомъ Сумскимъ, семинарской образцовой школы, стр. 568—569.

Годичный актъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ училищѣ. Прот. Іоанна Котова, стр. 837—841.

Прощаніе окончившихъ въ текущемъ году курсъ Харьковской Духовной Семинаріи съ Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Арсеніемъ. Н. Церковничаго, стр. 841—844.

*) См. сл. т.

IV.

Иноепархіальный отдѣлъ.

Архипастырское посланіе къ паствѣ Казанской, стр. 137—141.

Отлученіе отъ церкви, стр. 273—275.

Трезвый приходъ, стр. 275.

Постановленіе Полоцкаго Епархіальнаго Начальства, стр. 275—276.

Изъ переписки бывшаго оберъ-прокурора Св. Синода К. П. Побѣдоносцева съ высокопреосвященнымъ архіепископомъ Томскимъ Макаріемъ, стр. 414—415.

Циркулярное оповѣщеніе Волынскаго духовенства о краткосрочныхъ курсахъ для мірянъ при Пачаево-Успенской Лаврѣ, стр. 569—570.

Пастырское посланіе Преосвященнаго Серафима, Епископа Полоцкаго и Витебскаго, стр. 714—716, 845—849.

Необходимость внѣбогослужебныхъ бесѣдъ, стр. 849.

V.

Разныя извѣстія и замѣтки.

Результаты новыхъ приемовъ въ земледѣліи, с. 141-142.

Алкоголизмъ дѣтей, стр. 142.

Ближе къ смерти, стр. 276—277.

О законоучительскихъ педагогическихъ курсахъ, стр. 277—278.

Школа и памятники родной старины, стр. 278.

Нѣсколько словъ къ духовному юношеству, стр. 415-417.

Добровольный мученикъ, стр. 417—418.

Библиографическая замѣтка, стр. 418—421.

Библия и новѣйшія научныя открытія, стр. 571—572.

Сестра Варвара, стр. 572—574.

Способъ распознаванія мнимо-умершихъ, стр. 717.

Самоубійство княжны Хилковой, стр. 717.

Къ двухсотлѣтію русскаго Выборга, стр. 850—851.

Обращеніе въ редакцію члена Думы свящ. о. Н. Гепецкаго, стр. 851—852.

Географія литературныхъ талантовъ, стр. 852—854.

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1910.

№ 7.

АПРѢЛЬ—книжка первая.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛА БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКАГО:

- Слово въ пятокъ четвертой недѣли великаго поста, на вечернемъ богослуженіи, извѣстномъ подъ именемъ пассіи, 26 марта, 1910 года. **Прот. Н. Стеллецкаго** 1—7
- Чувство любви къ ближнимъ и ея непоколебимыя основы. **В. Тихомирова**. 8—22
- Натуралистическій монизмъ Геккеля. (Продолженіе). **Свящ. Николая Липснаго**. 23—36
- Журналъ „Наше Объединеніе“. **Н. И--на**. 37—51
- Идея трагедіи Л. Андреева „Анатема“ и ея развитіе. **Д. Брянцева** 52—77
- Метафизическое ученіе о душѣ у Лейбница и Гербарта. (Окончаніе). **Н. А. Смирнова** 78—104

II. ОТДѢЛА ИЗВѢСТІЙ И ЗАМѢТОКЪ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

I. Дни и часы приѣма у Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго. Руководственные указанія мѣрѣ, выработанныя Харьковскимъ епархіальнымъ миссіонерскимъ Совѣтомъ и утвержденныя Его Высокопреосвященствомъ.—Протоколъ годичнаго собранія Общества вспомошествованія нуждающимся воспитанникамъ Харьковской духовной семинаріи.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1908—1909 учебный годъ. (Продолженіе).—Отъ Комиссіи по устройству въ Сакахъ помѣщеній для больныхъ духовнаго вѣдомства.—Епархіальныя извѣщенія.—II. Поученіе на литургіи преждеосвященныхъ Даровъ. *Воспитанника VI класса Х. Д. Семинаріи Николая Церковническаго*.—Миссіонерскій листокъ. Собесѣдованіе съ сектантами въ сл. Ободахъ, Сумскаго уѣзда. *Священ. Θεодора Сулимы*.—Епархіальная хроника.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія. (Стр. 105—142).

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Мирный Трудъ“, Дѣвичья ул., № 14.

1910.

ЖУРНАЛЪ

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1) Отдѣла богословско-философскаго и 2) Извѣстій и замѣтокъ по Харьковской епархіи. Сохраняя апологетическое направленіе, журналъ даетъ статьи, прежде всего, церковнаго характера. Съ научно-апологетическою же цѣлію въ этомъ журналѣ помѣщаются изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологій, метафизики и исторіи философіи. Наконецъ въ немъ заключается отдѣлъ подъ названіемъ: „Извѣстія и замѣтки по Харьковской епархіи“. Въ этотъ отдѣлъ входятъ: постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной; статьи и замѣтки руководственно-пастырскаго характера; свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи; перечень текущихъ важнѣйшихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками **ДВА РАЗА** въ мѣсяць, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годовое изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія свыше 200 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., за-границу 12 р. съ пересылкою.

Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской духовной семинаріи, въ харьковскихъ отдѣленіяхъ „Новаго Времени“, во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“; въ **Москвѣ:** въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ кн. магазинѣ И. Д. Сытина; въ **Петербургѣ:** въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостин. дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ отдѣленіяхъ „Новаго Времени“.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полный комплектъ изданія за 1909 г. за **8** руб. съ перес. За другіе годы экземпляры журнала могутъ быть приобрѣтаемы по особому соглашенію съ Редакціей.

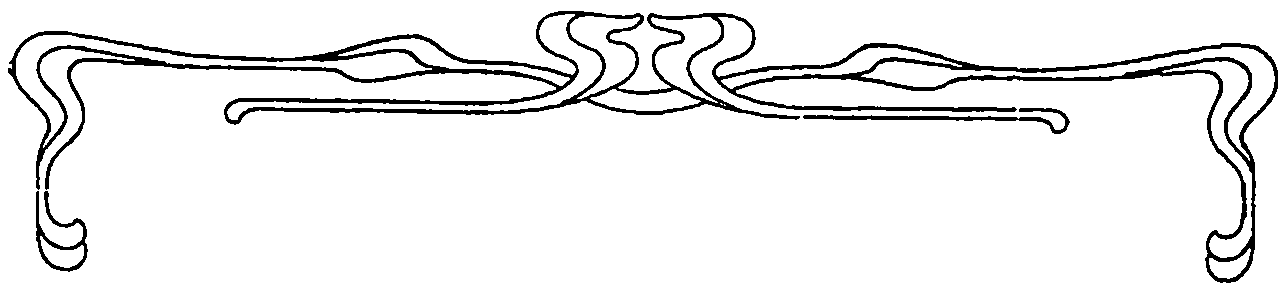
ВЪ РЕДАКЦИИ ПРОДАЕТСЯ:

СОБРАНІЕ СЛОВЪ И РѢЧЕЙ Высокопреосвященнаго Арсенія Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, говоренныхъ въ разныхъ мѣстахъ его служенія. Цѣна за семь книгъ семь рублей съ пересылкой. Весь чистый доходъ поступаетъ согласно волѣ Его Высокопреосвященства, Архіепископа Арсенія, въ пользу Общества вспомошествованія нуждающихся воспитанниковъ Харьковской Духовной Семинаріи.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

С Л О В О

въ пятокъ четвертой недѣли великаго поста, на вечер-
немъ богослуженіи, извѣстномъ подъ именемъ пассіи,
26 марта, 1910 года.

(О ХРИСТИАНСКОЙ РАДОСТИ).

*„И въ печаль имате убо нынѣ; какъ
же узрю вы, возрадуется сердце ваше,
и радости вашей никтоже возметъ отъ
васъ“ (16, 20, 22).*

Лишившись дорогого и близкаго намъ человѣка, мы обыкновенно останавливаемся на его предсмертныхъ словахъ, въ которыхъ онъ открылъ намъ свою душу, излилъ свои чувства, выразилъ свою волю. Не удивительно, если и при настоящемъ воспоминаніи крестныхъ страданій и смерти Спасителя, наша мысль обращается къ послѣднему завѣту Его апостоламъ. На этотъ разъ насъ особенно поражаютъ вышеприведенныя слова изъ прощальной бесѣды Иисуса Христа съ Его учениками: „возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто же возметъ отъ васъ“,—которыми Божественный Наставникъ, идя на вольную страсть, утѣшалъ Своихъ смущенныхъ учениковъ. вмѣсто тяжелой скорби, которую предстояло пережить апостоламъ въ часы страданій Господа, имъ обѣщана была непрестающая радость.

Безъ сомнѣнія, это обѣтованіе непреходящихъ радостей дано было Спасителемъ не однимъ только ближайшимъ ученикамъ Его, а вмѣстѣ съ ними и всѣмъ намъ, вѣрующимъ

въ Него. Поэтому и св. ап. Павелъ неоднократно убѣждалъ вѣрующихъ: „радуйтесь всегда о Господѣ, и пакы реку: радуйтесь“ (Филип. 4, 4; 1 Сол. 5, 16; 2 Кор. 13, 11).

Кто изъ насъ, братіе, не хотѣлъ бы повѣрить этому обѣтованію Спасителя нашего и не послѣдовать апостольскому призванію къ непрестанному радованію? Чего много, какъ не радостей жизни ищемъ всѣ мы? Къ чему направлены всѣ наши желанія, какъ не къ тому, чтобы удалить горести жизни и умножить ея радости? И никто, кажется, не осудитъ этихъ нашихъ желаній, вложенныхъ въ насъ всеблагимъ Творцомъ вмѣстѣ съ дыханіемъ жизни.

Но что мы видимъ въ дѣйствительности? Гдѣ-же та непрестающая радость, которую обѣщаль намъ Господь и стремленіе къ которой вложено Создателемъ въ нашу душу? Многіе ли изъ насъ обрѣли ее и обладаютъ ею? По истинѣ, далеко не многіе, и если бы предъ нами, какъ нѣкогда предъ пророкомъ, раскрылся свитокъ съ изображеніемъ нашихъ судебъ, то мы, безъ сомнѣнія, прочитали бы въ немъ лишь „рыданіе, и жалость, и горе“ (Иезек. 2, 10).

Повидимому, никогда еще не было условій столь благоприятныхъ для умноженія радостей жизни, какъ въ наше время. Современный просвѣщенный человѣкъ становится все ближе и ближе къ тому царственному положенію среди другихъ тварей, къ которому предназначенъ Творцомъ. Нынѣ съ большимъ, чѣмъ когда либо прежде, правомъ человѣкъ можетъ сказать, что онъ владыка природы и все болѣе и болѣе покоряетъ ее себѣ, извлекая изъ нея неисчислимыя богатства и обставляя себя всевозможными удобствами жизни. Каждый день приноситъ намъ извѣстіе о какомъ либо открытіи и изобрѣтеніи, могущихъ служить нашимъ потребностямъ. Электричество, напр., эта неуловимѣйшая сила природы, эксплуатируется нынѣ самыми разнообразными способами: то для быстрого обмѣна мыслей и передвиженія тяжестей, то для освѣщенія ночной темноты, то для врачеванія нашихъ немощей. А что сказать о тѣхъ лучахъ (рентгеновскихъ), при помощи которыхъ нынѣ могутъ наблюдать всякія измѣненія внутри живого тѣлеснаго организма! Не далеко, кажется, и то время, когда люди, подобно птицамъ, будутъ безпрепятственно перелетать огромныя воздушныя пространства, или слышать голоса и даже пѣніе своихъ давно умершихъ

предковъ. Множество усовершенствованій дѣлается и въ области общественной жизни; тысячи людей заняты мыслію объ этихъ усовершенствованіяхъ или преобразованіяхъ. Наконецъ, свѣтъ просвѣщенія, отъ котораго исходитъ столько благъ для жизни, проникаетъ нынѣ всюду, достигая даже самыхъ глухихъ селъ и деревень.

И однакожь радости выпадаютъ на долю очень и очень немногихъ. Желанное всѣми счастье точно райская птичка, порхающая надъ нашими головами и предъ нашими глазами. Мы видимъ ее, гоняемся за ней, но никакъ не можемъ поймать ее. „Больше того, нашими жалобами полонъ свѣтъ. И какими жалобами? Однихъ угнетаетъ нужда, болѣзнь, лишенія, начтожность жизненнаго жребія, выпадающаго на ихъ долю и др. частныя неудовольствія, которыхъ не перечесть. Не станемъ останавливаться на этихъ неудовольствіяхъ, тѣмъ болѣе, что они могутъ казаться болѣе или менѣе случайными, а возьмемъ лучшее состояніе человѣка, въ которомъ онъ, повидимому, долженъ бы былъ имѣть не минуты только радости, но дни и годы полного внутренняго довольства. Въ такомъ случаѣ едва ли не ближе всего подходитъ къ нашей цѣли состояніе того человѣка, имя котораго обратилось въ нарицательное имя мудреца. Казалось, никто не могъ и не можетъ имѣть въ такомъ изобиліи все то, что почитается обыкновенно счастьемъ, какъ Соломонъ, царь израильскій. Онъ построилъ себѣ дома, устроилъ сады и рощи, посадилъ въ нихъ всякія плодовые деревья, приобрѣлъ себѣ слугъ и служанокъ: крупнаго и мелкаго скота у него было больше, чѣмъ у всѣхъ, бывшихъ прежде него въ Иерусалимѣ; собралъ онъ себѣ серебра и золота и драгоценностей отъ царей и областей, завелъ у себя пѣвцовъ и пѣвицъ и сдѣлался великимъ и богатымъ больше всѣхъ (Еккл. 2, 4—10). Что же? Нашелъ ли Соломонъ удовольствіе во всѣхъ утѣхахъ, какими окружилъ себя? „Огнянулся я на все дѣла мои и на трудъ, которымъ трудился,—признается онъ,—и вотъ все суета и томленіе духа, и нѣтъ избавленія подъ солнцемъ“ (Еккл. 2, 11), которое (избавленіе) бы могло дать полное успокоеніе душѣ его.

Другіе изпемогаютъ подъ тяжестью горькаго сознанія невозможности овладѣть полною мудростію. Мудрость—великое благо. Но гдѣ та мудрость, достигнувъ которой, чело-

вѣкъ могъ бы сказать: довольно: я все узналъ и могу успокоиться приобрѣтеннымъ знаніемъ? „Вѣкъ живи, вѣкъ учись“, —говоритъ народная пословица. Чѣмъ выше поднимается человѣкъ по ступенямъ знанія, тѣмъ болѣе возникаетъ въ его пытливомъ умѣ недоумѣнныхъ вопросовъ, и онъ, послѣ долгихъ бесплодныхъ усилій познать истину, съ глубокою грустью долженъ сознаться: я „знаю то, что ничего не знаю“. Вотъ что говорилъ въ сердцѣ своемъ о благѣ мудрости мудрейшій изъ царей земныхъ: „и узналъ я, что и это томленіе духа, потому что во многой мудрости много печали, и кто умножаетъ знанія, умножаетъ скорбь“ (Еккл. 1. 16—18). Въ самомъ дѣлѣ, человѣку, достигшему по сравненію съ другими болѣе степени познанія, съ высоты его кругозора виднѣе всѣ неурюстройства нашей жизни, всѣ тягости, удручающія нашу душу, всѣ болѣзни, какими страдаетъ человѣчество.

Но довольно. Св. Григорій Богословъ по этому поводу говоритъ: „изъ смертныхъ никто еще не хвалился тѣмъ, что онъ, не испытавъ тяжелыхъ бѣдствій, переселился отсель... Не видѣлъ я ни одного блага, которое бы совершенно было изъято отъ скорби“ (Твор. т. IV, стр. 260). И вотъ, подъ бременемъ жизненной тяготы, одни строятъ смѣлые планы касательно переустройства современной жизни общества, надѣясь этимъ путемъ возвратить минувшій будто бы золотой вѣкъ радостей (Еккл. 7, 10): другіе же, совсѣмъ теряя вѣру въ лучшее будущее, готовы повторить слова древняго мудреца: „что было, то и будетъ; и что дѣлалось, то и будетъ дѣлаться, и нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ“ (Еккл. 1, 9).

А между тѣмъ, братіе, не ложно обѣтованіе Спасителя нашего о непреложномъ радованіи, и не напрасно св. Апостоль призываетъ насъ къ нему. Очевидно, при всѣхъ невзгодахъ на землѣ для насъ возможна жизнь, полная радостей,—не тѣхъ мірскихъ радостей, которыя всегда смѣшаны съ горечью и бѣгають отъ насъ въ то самое время, когда мы хотимъ овладѣть ими, а радостей высшихъ, святыхъ. И если въ жизни нашей скорби превосходятъ мѣру радостей, то причина этого въ насъ самихъ. Мы сами закрываемъ для себя источники чистыхъ радостей, сами умножаемъ скорби. „Никто не сможетъ сдѣлать насъ несчастными,—говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ,—если мы сами не сдѣлаемъ себя

такими (Твор. т. II, кн. I, стр. 206). Неудовлетворенное честолюбіе, ненасытная алчность, оскорбленная гордость и проч.—вот главный источник ощущаемой нами житейской тяготы: вот изъ-за чего больше всего льются слезы, и люди трудятся до кроваваго пота, истощая тѣло, истомляя душу и лишая себя радостей.

Но въ насъ самихъ, братіе, заключается и источникъ возможныхъ для насъ высокихъ радостей, не зависящихъ ни отъ какихъ переменъ во вѣшной судьбѣ человека. Никто не сможетъ сдѣлать насъ блаженными—говорить тотъ же отецъ церкви,—если не сдѣлаемъ себя таковыми мы сами, по благодати Божіей“ (Твор. т. II, кн. I, стр. 206). И латинская поговорка гласитъ: „всякій самъ творецъ своего счастья“ (Quisque suae fortunae faber). А истинный путь, которымъ мы можемъ достигнуть обѣщанныхъ Господомъ радостей, указанъ намъ только въ вѣрѣ христіанской. И пока мы не поидемъ этимъ путемъ, міръ не перестанетъ обращаться къ намъ своей худшей стороной. „Бойся Бога и заповѣди Его соблюдай,—совѣтуетъ Екклесіастъ,—потому что въ этомъ все для человека“ (Еккл. 12, 13), стремящагося не только къ „царствію Божію и правдѣ его“ (Мч. 6, 33), но и къ обладанію счастьемъ, доступнымъ ему на землѣ. „Блаженни непорочные въ пути, ходящіе въ законъ Господнемъ“ (Пс. 68, 1); „блаженъ мужъ, бояйся Господа“ (Пс. 61, 1),—поетъ Псалмопѣвецъ. По словамъ Іоанна Златоуста, „Боящійся Бога приобрѣтъ себѣ самый корень радости и владѣть вполнѣ источникомъ благодунія. И какъ малая пещра, упавшая въ безбрежное море, легко исчезаетъ, такъ, что-бы ни случилось съ боящимся Бога, все упадетъ въ великое море благодунія, угасаетъ и исчезаетъ“ (Твор. т. II, кн. I, стр. 202).

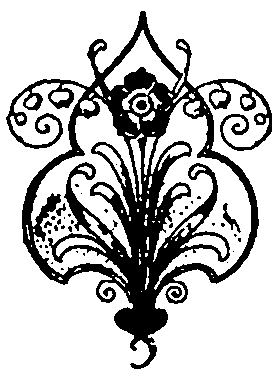
И прежде всего, какія бы ни постигали скорби истинно вѣрующаго человека, послѣдній не замѣчаетъ ихъ тяжести, такъ какъ знаетъ, что „егоже бо любитъ Господь, наказуетъ“ (Евр. 12, 6). Для истинно вѣрующаго не существуетъ лишній, потому что, подобно Апостолу, онъ можетъ сказать: „во всемъ навыкохъ, и насыщаться, и алкати, и избыточествовати и лишатися“ (Филип. 4, 12). Какъ бы ни былъ кого малъ жизненный жребіи, вѣра христіанская способна примирить его съ нимъ, указаніемъ на то, что этотъ жребіи посылается волею Божіей. „Въ велицѣмъ дому,—убѣждаетъ

св. Апостолъ,—не точію сосуди злати и сребряни суть, но и древяни и глиняни“ (2 Тим. 1, 20). Такъ и на обширномъ полѣ жизни человѣческой нужны самые разнообразныя дѣлатели, совокупными трудами которыхъ только и достигаются предназначенныя міру цѣли. Вѣра христіанская есть, наконецъ, та несокрушимая и непоколебимая твердыня, на которой только и могутъ найтись себѣ прибѣжище всѣ изнемогающіе подъ бременемъ сомнѣній и недоумѣній. „Храмину на камени“ создаетъ человѣкъ, хранящій сокровище вѣры. „И сниде дождь, и придоша рѣки, и возвѣяша вѣтри, и нападоша на храмину ту: и не падеся, основана бо бѣ на камени“ (Мѣ. 7, 24—9).

Такъ, братіе, все, что можетъ омрачать радость бытія нашего въ земной юдоли, смягчается и сглаживается вѣрою Христовою. Въ поискахъ за благами жизни мы привыкли возлагать всѣ надежды на преобразованія порядковъ общественной жизни. Но никакія преобразованія, какъ бы они ни были мудры, сами по себѣ не принесутъ намъ счастья. Только въ томъ случаѣ будутъ обезпечены радости нашей жизни, когда мы сами улучшимся и проникнемся духомъ евангельской любви, заключающей въ себѣ неисчерпаемый источникъ радостей. Вотъ почему Спаситель, послѣ настойчиваго увѣщанія къ ученикамъ Своимъ пребывать въ Него любви, непосредственно говоритъ: „сія глаголахъ вамъ, да радость Моя въ васъ будетъ, и радость ваша исполнится“ (Іоан. 15, 11). Кто проникся духомъ Христовой любви, для того жизнь всегда полна радости, какъ бы ни была она неприглядна по своей внѣшности. „Апостолы, по словамъ св. Іоанна Златоуста, подвергались побоямъ, но не скорбѣли. Велико уже и это; но гораздо важнѣе то, что они не только не скорбѣли, но и самые бичи дѣлали поводомъ къ еще большей радости и возвращались „отъ лица собора, радуящися, яко за имя Христово удостоились принять „безчестіе“ (Дѣян. 5, 41) (Твор. т. II, кн. I, стр. 203). По примѣру апостоловъ, первенствующіе христіане, не смотря на всѣ горести жизни, не только не падали духомъ и не почитали себя несчастными, но и находили радость въ самыхъ скорбяхъ своихъ и услажденіе въ страданіяхъ за Господа, съ благодарственными пѣснопѣніями идя на мученія и умирая со словами: „слава Богу за все!“

Итакъ, братіе, въ години унынія и бѣдствій жизни прежде всего, по совѣту Апостола, „испытывайте самихъ себя, въ вѣрѣ ли вы“ (2 Кор. 13. 5). „Стойте же въ вѣрѣ“ и держитесь твердо и неизмѣнно закона Господня, какъ единственно вѣрнаго руководителя жизни человѣческой, и вы откроете въ себѣ самихъ источникъ обѣтованной Господомъ радости, и обряцете покой душамъ вашимъ: таковъ конецъ и нашего къ вамъ слова, которымъ отъ лица Церкви напутствуемъ васъ не только на настоящіе дни св. сорокадесятиницы, когда мы естественно, такъ сказать, налагаемъ на себя христіанскій трауръ, но и на все время, какое кому даруетъ Господь прожить въ вѣцѣ семъ. Аминь.

Профессоръ Богословія,
Прот. Н. Стеллецкій.

Чувство любви къ ближнимъ и ея непоколебимыя основы ¹⁾.

На вопросъ законника, какая наибольшая заповѣдь въ законѣ, Господь Іисусъ Христосъ отвѣтилъ: „Возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ; сія есть первая и наибольшая заповѣдь; вторая-же подобна ей: возлюби ближняго твоего, какъ самого себя; на сихъ двухъ заповѣдяхъ утверждаются законъ и пророки“. (Мѣ. 22, 36—40).

Въ притчѣ о милосердномъ самарянинѣ Христосъ разъяснилъ, что подъ ближнимъ каждый изъ насъ долженъ разумѣть какъ того, кто нуждается въ нашей помощи, такъ и того, кто дѣлаетъ намъ добро. Въ широкомъ же смыслѣ подъ нашимъ ближнимъ разумѣтся всякій человѣкъ, встрѣчающійся съ нами на жизненномъ пути, не исключая и враждебно къ намъ относящагося (заповѣдь Христа о любви ко врагамъ).

I.

Человѣкъ есть квинтъ-эссенція земной жизни, а любовь есть квинтъ-эссенція человѣка, сложное, самое высшее и пріятное состояніе его. Она составляетъ точку приложенія всѣхъ законовъ жизни, какъ заставляетъ служить себѣ всѣ силы человѣка. Основнымъ закономъ жизни является законъ развитія. Въ развитіи человѣкъ переходитъ отъ менѣе совершеннаго къ болѣе совершенному, но, переходя отъ худшаго къ лучшему, онъ, въ то же время и по этому самому,

¹⁾ Научно-богословское чтеніе, произнесенное въ залѣ Харьковской городской думы 14 марта 1910 года.

движется отъ близкаго къ далекому, отъ узкаго къ широкому и отъ конкретнаго (т. е. чувственно воспринимаемаго) къ отвлеченному. Пояснимъ это на примѣрѣ. Когда мы говоримъ, что человѣкъ развился, это значитъ, что умственный кругозоръ его сталъ шире, сердце—чувствительнѣе, воля—силнѣе. Самымъ неразвитымъ человѣкомъ мы назовемъ такого, который не видитъ дальше своего носа: отзывается сердцемъ на чувственно-пріятныя или непріятныя волненія только настоящей минуты и только своей личности, и который всецѣло подчиняется каждому минутному волненію. Наоборотъ, самымъ совершеннымъ человѣкомъ мы бы назвали такого, который бы, подобно живому зеркалу, отразилъ въ своемъ умѣ всю вселенную (все бы постигъ); вмѣстѣ бы въ своемъ сердцѣ все живущее и существующее (все бы полюбилъ), и раздвинулъ бы сферу своей дѣятельности на все мѣста и времена (вездѣ и всегда бы быть и все бы могъ). Но такого человѣка нѣтъ и не можетъ быть: безконечное можетъ вмѣстить только Богъ, но мы, люди, призваны Ему подражать и уподобляться въ своемъ развитіи. Между крайними—самой низшей и самой высшей—степенями человѣческаго развитія и совершенства лежатъ безконечное множество посредствующихъ ступеней, каждую изъ которыхъ нужно предварительно пройти, чтобы достигнуть высшей. Развитіе—кого бы то ни было и въ какомъ бы то ни было отношеніи—есть постепенное восхожденіе, со ступени на слѣдующую ступень, безъ скачковъ.

Закону развитія подчинены все способности человѣческаго духа: умъ, сердце и воля. Все онѣ развиваются постепенно и совмѣстно, но неодинаково быстро и легко. Всего быстрѣе и легче развивается умъ человѣка, медленнѣе чувство, всего медленнѣе и труднѣе воля. Вслѣдствіе неравномѣрности въ развитіи ума, сердца и воли происходятъ ежедневно столкновенія между ними. Разумъ человѣка давно уже призналъ возмутительнымъ, варварскимъ—смыть оскорбленія кровію противника на дуэли, сердце постороннихъ возмущается и секундантовъ и самихъ дуэлянтовъ тоже не находить въ ней пріятности, но дуэль, какъ обычай, существуетъ и даже признается иногда обязательной по закону (среди военныхъ). Нравы, обычаи, законы и весь укладъ жизни измѣняются съ большимъ трудомъ и гораздо медлен-

нѣе, чѣмъ чувства, а—чувства, въ свою очередь, медленнѣе и труднѣе, чѣмъ мысли потому, что на образованіе жизненнаго уклада и сердечнаго настроенія потрачено гораздо больше энергіи человѣческаго существа, чѣмъ на образованіе мыслей: вслѣдствіе этого, они, такъ сказать, стали тяжелѣе и потому малоподвижнѣе.

Всего болѣе способствуютъ развитію человѣчества геніальные люди. Отъ могучаго толчка геніальной воли измѣняется жизненный строй: происходитъ перегруппировка государствъ, возникаютъ новыя жизненныя отношенія, на почвѣ ихъ возникаютъ новыя и измѣняются старыя чувства и происходитъ переоцѣнка цѣнностей въ міросозерцаніи. Таковыми геніями въ области воли были, напр., Александръ Македонскій и Наполеонъ I. Благодаря, напр., завоеваніямъ Александра Великаго, сблизившимъ цивилизованный западъ (Грецію) съ культурнымъ востокомъ (Персіей), у стоииковъ впервые возникла идея всеобщаго братства людей, а съ нею соединилось и соответствующее чувство. Если бы среди людей возставали бы только геніи воли, измѣняющіе укладъ жизни, то развитіе жизни страшно бы замедлилось, потому что жизнь страшно инертна и сейчасъ же, послѣ колебанія и потрясенія отъ полученнаго толчка, старается принять прежнее положеніе. Она страшно консервативна. Но среди необыкновенныхъ людей встрѣчаются и люди съ геніальнымъ сердцемъ, способнымъ испытывать оригинальныя чувствованія, вызывающія подражаніе. Геніи сердца всего сильнѣе движутъ человѣчество. Таковы были основатели нѣкоторыхъ нехристіанскихъ религій, наиримѣръ, Будда, Магометъ. Особенная же геніальность чувства проявлена была въ христіанствѣ. Божественный Основатель его, Богочеловѣкъ Христосъ Іисусъ путемъ необыкновенно живого и глубокаго чувства любви произвелъ, производитъ и будетъ безъ конца производить ни съ чѣмъ несравнимый, неизмѣримо широкій и глубокій переворотъ во всѣхъ областяхъ жизни. Переродилось и перерождается сердце человѣка. Произошла окончательная переоцѣнка всѣхъ цѣнностей, которая уже больше не повторится. Измѣнилась и постепенно измѣняется и самая жизнь. Божественная сила Его геніальнаго чувства любви передалась и Его апостоламъ и до сихъ поръ горитъ въ сердцахъ Его послѣдователей, которые и теперь

повсюду распространяють свѣтъ Его ученія и живительную теплоту Его любви къ человѣку. И на огонекъ ихъ божественнаго разума тысячи людей съ дальнихъ концовъ стекались къ нимъ при ихъ жизни и стекаются постъ смерти къ ихъ святымъ останкамъ, чтобы исцѣлить и отогрѣть свое изстрадавшееся и иззябшее въ холодномъ мѣрѣ сердце. И имъ и отъ нихъ по закону симпатіи передается часть Христовой любви, какъ отъ Адама передается по наслѣдству каждому изъ насъ часть крови, обращающейся въ нашихъ жилахъ.

Вѣдь чувства, какъ извѣстно, отличаются заразительностью. Какъ нѣкоторыя болѣзни, напр., тифъ, холера и т. д. переходятъ, благодаря невидимымъ для глаза микроорганизмамъ, отъ больного человѣка къ здоровому, такъ и наши чувства, не вполне объясненнымъ наукой способомъ, передаются отъ чувствующаго человѣка къ другому. Положимъ, въ моемъ присутствіи человѣкъ, испытывающій чувство боли, страдаетъ, плачетъ и стонетъ. Я, при созерцаніи внѣшнихъ проявленій его страданія, тоже испытываю чувство страданія, и у меня тоже является стремленіе плакать. Въ моемъ присутствіи человѣкъ, переживающій радостное чувство, улыбается, смѣется, скачетъ—и я начинаю улыбаться и испытываю въ душѣ нѣкоторое удовольствіе. Особенно поддаются симпатіи дѣти: они отвѣчаютъ улыбкой почти на каждую улыбку и готовы плакать со всякимъ плачущимъ. Иногда чувство одного охватываетъ цѣлыя собранія людей. Таковъ паническій страхъ, отъ котораго иногда многотысячная, хорошо дисциплинированная и вооруженная армія обращается въ бѣгство. Иногда источникомъ такой паники служитъ чувство страха у одного солдата: оно, передаваясь отъ сосѣда къ сосѣду, поражаетъ всю армію, какъ заразительная болѣзнь, перебирая одного за другимъ, охватываетъ иногда громадный районъ. Передача чувства отъ одного человѣка къ другому и извѣстна въ психологій подъ именемъ симпатіи, или сочувствія. Психологи полагаютъ, что симпатическое зараженіе ребенка чувствомъ другого сначала вызывается тѣмъ, что онъ, по инстинкту подражанія, воспроизводитъ внѣшнія выраженія чувства другихъ, которыя вызываютъ у него и соответствующее чувство въ слабой степени. Потомъ, съ развитіемъ ребенка, на помощь

подражательнымъ движеніямъ въ вызовѣ чувства по симпатіи, приходитъ еще и представленіе, мысль о чувствѣ, волнующемъ другого: она усиливаетъ дѣйствіе подражательныхъ движеній. Идея чувства можетъ и самостоятельно вызвать симпатическое зараженіе, по ассоціаціи между собою и чувствомъ.

Но если бы чувства распространялись только посредствомъ симпатіи, то развитіе ихъ страшно бы замедлилось. Чтобы испытать чувство по симпатіи, я долженъ придти въ непосредственное общеніе съ тѣмъ человѣкомъ, который проникнуть чувствомъ, но это далеко не всегда бываетъ.

На помощь закону симпатіи въ развитіи чувствъ, приходитъ другой законъ—расширенія, или распространенія чувствъ. Чувства переходятъ съ первоначальныхъ своихъ предметовъ на другіе, по смежности и сходству послѣднихъ съ первыми. Мужчина любитъ сначала только дѣвушку, но потомъ переноситъ чувство любви на соприкасающіеся съ ней предметы и существа, какъ то: обувь, платья, одежды, мебель, домъ, родителей ея, прислугу и т. д. При этомъ, чѣмъ ближе находится къ его возлюбленной предметъ, тѣмъ сильнѣе бываетъ переданная, такъ сказать, индуктивная любовь. По той же причинѣ ненависть и злоба переносятъ свою ярость и на всѣ одушевленные существа, близкія ко врагу, и на неодушевленные предметы, принадлежащіе ему. Они тоже дѣлаются ненавистными. Это—примѣры распространенія чувствъ по смежности, по сосѣдству. Но чувства распространяются съ первоначальныхъ своихъ предметовъ и на сходные съ ними другіе предметы. Одинъ изъ друзей Леманна терпѣть не могъ собакъ. Но вотъ обстоятельства заставили его имѣть одну собаку. Онъ къ ней привязался, и мало по-малу его симпатія перешла на весь собачій родъ¹⁾. Такъ, часто мать, потерявшая своего любимого сына, переноситъ иногда свою нѣжность и на чужого молодого человѣка, своею внѣшностью напоминающаго покойнаго. Такимъ именно образомъ и вообще любовь къ людямъ распространяется по смежности и сходству съ ближнихъ на болѣе отдаленныхъ, съ родныхъ на чужихъ.

Но мало этого. Чувства передаются не только отъ сход-

1) Рибо. Психологія чувствованій. Кіевъ, 1897, стр. 163.

наго къ сходному, отъ близкаго къ далекому, но и отъ конкретнаго къ отвлеченному. Чувство любви можетъ соединиться съ вещественными и невещественными образами любимаго существа. Пояснимъ на примѣръ. Мать любитъ своего сына. Самое сильное возбужденіе чувства она испытываетъ при непосредственномъ общеніи съ нимъ, когда ласкаетъ его, кормитъ, глядитъ на него, слушаетъ его рѣчи и т. д. Но она же можетъ испытать чувство и при видѣ портрета своего ребенка или статуи, изображающей его. И портретъ его она готова цѣловать. Если нѣтъ портрета, то достаточно ей вызвать въ воображеніи умственный образъ своего ребенка, чтобы тотчасъ-же почувствовать и возбужденіе любви. Умственный образъ предмета называется въ психологій представленіемъ. Значитъ чувство любви у матери соединяется и съ представленіемъ о ребенкѣ. Но представленіе выражается въ словѣ: „мой сынъ“, „сынъ“. Вслѣдствіе этого чувство любви соединяется какъ бы и съ самимъ словомъ; частичка любви срастается какъ бы съ словомъ, обозначающимъ любимаго человѣка. Въ концѣ концовъ самое слово „сынъ“ вообще дѣлается любезнымъ сердцу. Вотъ эти-то вещественные и умственные образы предметовъ, или представленія, понятія и слова, ихъ выражающія, называются замѣстителями самихъ предметовъ. Слѣдовательно, чувство имѣетъ склонность переходить съ предмета на его замѣстителей. При этомъ, чѣмъ лучше портретъ изображаетъ, напримѣръ, любимаго сына, тѣмъ ярче и живѣе представленіе о немъ, тѣмъ сильнѣе и самое чувство любви у матери. Сила чувства пропорціональна яркости и живости представленія о предметѣ. Общее представленіе уступаетъ въ живости и яркости единичному и потому сочетается съ болѣе слабымъ чувствомъ. Нельзя сказать, чтобы со всѣми, но со многими представленіями и словами у насъ соединяются болѣе или менѣе живыя чувства. Напримѣръ, представленіе о жизни, слово „жизнь“ вызываетъ у мечтательнаго—юнаго человѣка, вступающаго въ это житейское море, такую массу довольно сильныхъ чувствованій, что у него происходитъ пріятное головокруженіе. Чувство благоговѣнія, соединенное съ словомъ „Богъ“, и является причиною, почему запрещается употреблять всеу имя Божіе. Вотъ почему мы считаемъ и называемъ не только предметы, но и слова, ихъ обо-

значающія, священными, пріятными, возвышенными, пошлыми, жалкими, страшными и т. п. Евангеліе, на примѣръ, называется Святымъ, Слово Божіе—Священнымъ Писаніемъ, потому что самыя слова Евангелія заключаютъ въ себѣ частичку святости и божественнаго чувства любви Того, о Комъ оно благовѣствуетъ. Нельзя безъ симпатическаго волненія читать его. Дикари, которымъ миссіонеры, послѣ безуспѣшности своихъ проповѣдей и дѣлъ благотворенія, давали въ руки или читали Евангеліе, отъ одного чтенія Евангелія дѣлались христіанами: они чрезъ одно чтеніе его заражались христіанскими чувствами.

Соединеніе чувства съ представленіемъ, понятіемъ и словомъ имѣетъ, повидимому, рѣшающее значеніе въ дѣлѣ распространенія чувствъ. Кажется, что чувство, помѣстившись на крыльяхъ быстродвижной мысли, получаетъ возможность посредствомъ слова такъ же быстро распространяться, какъ и мысль. Можно бы ожидать, что параллельно съ умственнымъ развитіемъ человѣка будетъ достигаться и соответствующее ему развитіе чувства и воли (нравственное развитіе), но это ожиданіе не оправдывается дѣйствительностію. Умственное развитіе не только всегда и значительно опережаетъ нравственное, но и не всегда сопровождается послѣднимъ. Иногда умъ у человѣка бываетъ христіанскимъ, сердце же—языческимъ, а жизнь—звѣриною. Причина этого въ томъ, что не всякая мысль сочетается съ чувствомъ, какъ и не всякое чувство измѣняетъ жизнь. Есть мысли холодныя, безстрастныя, совершенно не связанныя съ чувствомъ: онѣ всего подвижнѣе, но и всего менѣе оказываютъ вліянія на жизнь.

Таковы мысли разсудка собственно: на примѣръ, мысль о бытіи, причинѣ, свойствѣ. Разсудокъ точно „дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый, добру и злу внимая равнодушно, спокойно зреть на правыхъ и виновныхъ, не вѣдая ни жалости, ни гнѣва“. Онъ, будучи одинаковъ у всѣхъ людей, совершенно безстрастно открываетъ во многомъ единое, въ частномъ общее, въ случайномъ существенное, въ разрозненномъ связь. Чувство же совершенно противоположно разсудку: оно всегда жалѣетъ или гнѣвается; оно или любитъ или ненавидитъ; оно есть всегда или пріятное или непріятное волненіе. Возникаетъ чувство на

почвъ удовлетворенія или неудовлетворенія нашихъ потребностей. Въ основѣ же нашихъ многочисленныхъ потребностей лежатъ немногочисленные инстинкты. Самыми важными изъ нихъ, сообщающими нашей жизнедѣятельности известное направленіе и содержаніе, нужно признать шесть: два низшихъ—инстинктъ самосохраненія и продолженія рода, и четыре высшихъ—инстинктивное стремленіе къ истинѣ, красотѣ, добру и Богу. Чувство и возникаетъ въ слѣдствіе отношенія даннаго предмета къ какой-нибудь потребности. Если предметъ вызываетъ въ нашемъ сознаніи такія ощущенія и представленія, которыя удовлетворяютъ какой-нибудь потребности, способствуютъ ходу нашей жизнедѣятельности, то у насъ возникаетъ въ сердцѣ пріятное чувство; человекъ называетъ тогда самый предметъ пріятнымъ, любитъ его, придаетъ ему цѣнность, дорожитъ имъ, т. е. стремится сохранить его и влечется въ нему. Если же предметъ вызываетъ въ нашемъ сознаніи такія ощущенія и представленія, которыя нарушаютъ нашу потребность, препятствуютъ ходу нашей жизнедѣятельности, то у насъ возникаетъ непріятное чувство; человекъ называетъ тогда самый предметъ непріятнымъ, не любитъ его, считаетъ его ничтожнымъ или негоднымъ и стремится удалить его или отстраниться отъ него. Всякая любовь къ предмету, по существу своему, есть пріятное чувство цѣнности этого предмета, какъ всякая нелюбовь, ненависть и презрѣніе есть непріятное чувство негодности или ничтожества предмета.

Въ оцѣнкѣ предметовъ чувство, предоставленное самому себѣ, всегда бываетъ пристрастнымъ, капризнымъ и упорнымъ: оно оцѣниваетъ съ завязанными глазами, на основаніи темныхъ, неясныхъ возбужденій со стороны многочисленныхъ, противорѣчивыхъ и измѣчивыхъ потребностей человека. Вотъ почему и любовь, какъ чувство, можетъ быть и бываетъ слѣпой, случайной, пристрастной, капризной, но въ то же время упорной и инертной. Она возникаетъ въ глубокихъ тайникахъ человѣческой души, зрѣетъ во тьмѣ, бредетъ ощупью, какъ слѣпой и, случайно натолкнувшись на что-либо неважное, цѣпляется за это, упирается и не хочетъ разстаться съ своею опорой, изъ боязни паденія, и капризно отвергаетъ всѣ другія, болѣе надежныя опоры. Мож-

но полюбить и любить человека за какой-нибудь изгибъ тѣла (Димитрій Карамазовъ—Грушеньку), какъ можно и возненавидѣть человека за противныя уши (Анна Каренина—мужа). Такъ бы человекъ и остался съ своими случайными и элементарными чувствами, если бы чувство не нуждалось въ оправданіи, и если бы остановилась въ своемъ теченіи жизнь. Но ни того, ни другого нѣтъ. Чувство само себя оправдать не можетъ. Оно нанимаетъ для своего оправданія зрячій, но холодный разумъ, который, подобно адвокату безъ твердыхъ убѣжденій, но съ жадной корысти, берется оправдать каждое движеніе слѣпого, но горячаго сердца. Онъ придумываетъ всевозможные софизмы для доказательства особенной цѣнности предмета любви. Фантазія изукрашаетъ любимое лицо всевозможными достоинствами; даже недостатки его выставляются цѣнными качествами. Любимый предметъ дѣлается кумиромъ, а любящій—идолопоклонникомъ. Такою идеализаціей любимаго предмета питается и поддерживается любовь къ нему. Но жизнь измѣняется, —и насъ измѣняетъ, и кумира ниспровергаетъ. Образуются новыя жизненные отношенія; въ связи съ ними пробуждаются заложенные въ души новыя или осложняются и измѣняются старыя потребности: на почвѣ измѣнившихся потребностей возникаютъ новыя чувства,—и начинается переоцѣнка цѣнностей. Разумъ, бывшій защитникомъ стараго чувства, дѣлается въ отношеніи къ нему прокуроромъ: начинаетъ обвинять то, что оправдывалъ; обезцѣнивать то, что возносилъ. Человекъ тогда видитъ, что отъ софиста-разсудка не узнаешь правды; нужно провѣрить себя другими людьми, нужно попытаться, то ли у нихъ на сердцѣ, что и у него: такъ-ли они оцѣниваютъ предметы, какъ и онъ. Если онъ узнаетъ, что другіе люди иначе думаютъ, иначе чувствуютъ, не раздѣляютъ его преклоненія предъ кумиромъ, то онъ начинаетъ смотрѣть на него болѣе безпристрастно. Люди научаютъ своего собрата оцѣнивать предметы не съ своей только личной, субъективной точки зрѣнія, но и съ точки зрѣнія другихъ; а измѣнившіяся обстоятельства жизни и потребности побуждаютъ человека брать при оцѣнкѣ предмета не настоящее только мгновеніе, а всю жизнь, въ ея цѣломъ. Человекъ мало по малу начинаетъ смотрѣть на свои чувства и ихъ объекты какъ бы со стороны и съ вы-

соты. Кругозоръ его расширяется. Такъ, благодаря измѣненію жизненныхъ отношеній и потребностей, колеблющихся чувство, а также—общенію съ другими людьми, которымъ человѣкъ подражаетъ въ дѣйствіяхъ, уподобляется въ чувствахъ (по симпатіи) и съ которыми объединяется въ мысляхъ, прежде индивидуальная, пристрастная и случайная оцѣнка дѣлается объективной, безпристрастной, основательной. Пропастъ между холоднымъ, но зрячимъ разумомъ и горячимъ, но слѣпымъ чувствомъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ дѣлается меньше. Сердце и разумъ, бывшіе прежде нанимателемъ и наемникомъ, дѣлаются друзьями и проникаются взаимно свойствами другъ друга. Разумъ начинаетъ оцѣнивать, а сердце—прозирать. Субъективное дѣлается объективнымъ, индивидуальное—общимъ, а общее стремится сдѣлаться всеобщимъ. Способность объективной оцѣнки предметовъ называлась въ старой психологіи разумомъ. Точки зрѣнія, съ которыхъ разумъ производитъ оцѣнку предметовъ, называются идеями.

Идеи разума—это мысли разсудка о предметахъ, соединенныя съ чувствомъ цѣнности ихъ, т. е. съ любовію къ нимъ. Философъ Платонъ признавалъ такихъ идей безчисленное множество, потому что все, что существуетъ, имѣетъ нѣкоторую цѣнность съ какой-нибудь точки зрѣнія. Но основными идеями мы должны признать мысли о такихъ предметахъ, которые имѣютъ и должны имѣть цѣнность съ точки зрѣнія всѣхъ временъ и народовъ, т. е. всеобщую и необходимую цѣнность. Такихъ идей, соотвѣтственно съ высшими инстинктами человѣка, признается четыре: идея истины, красоты, добра и Бога. Онѣ лежатъ въ основѣ науки, искусства, нравственности и религіи, которыя и составляютъ духовныя, или высшія блага человѣка.

Отсюда нужно различать тройкую точку зрѣнія на предметъ: разсудочную, сердечную и разумную. Выяснимъ различіе между ними на примѣрахъ. Жизнь, на примѣръ, съ точки зрѣнія разсудка,—періодъ времени, ограниченный рожденіемъ и смертію и наполненный разнаго рода содержаніемъ; она—съ точки зрѣнія чувства—то серафимъ, то пьяная вакханка; то океанъ, то тѣсная тюрьма; то блаженство, то мука—смотря по человѣку и обстоятельствамъ; съ точки же зрѣнія примиряющаго разума—она есть самое драгоценное

благо, которое служить условіемъ всѣхъ другихъ благъ,— есть даръ Бога человѣку, который можетъ быть употребленъ и во благо и во зло. Самъ субъектъ, напимѣръ, съ точки зрѣнія слѣпого эгоистическаго чувства—центръ всей вселенной, около котораго и для котораго все—и земля и небо, и люди и Богъ вращаются по окружности; съ точки зрѣнія холоднаго разсудка—такое мнѣніе безсмыслица: данный человѣкъ есть не центръ, а одна изъ безчисленныхъ точекъ безпредѣльнаго круга, центръ котораго не найденъ еще; съ точки же зрѣнія разума, „я“—это высшее на землѣ существо, равноцѣнное другимъ людямъ, или одно изъ многочисленныхъ отраженій истиннаго центра вселенной—образъ Бога. Для холоднаго разсудка,—грудной ребенокъ—это кусокъ живого мяса, вѣсомъ въ 8—10 ф.; для любящаго сердца матери—высшее, неоцѣненное сокровище; для нелюбящаго сердца посторонняго сожителя—существо, которое постоянно питать, не дастъ спать и марается; а для разума—чистое и невпипное дитя,—которое можетъ сдѣлаться или святымъ или грѣховнымъ; есть образъ Божій, который можетъ угодиться и діаволу.

Разумъ человѣка, какъ средняя между быстродвижнымъ разсудкомъ и инертнымъ чувствомъ способность, и есть прогрессивное начало жизни, движущее человѣка по пути къ совершенству; разумъ есть главный факторъ развитія. Идеи и идеалы разума вступаютъ въ борьбу съ чувствами и предразсудками человѣка. Борьба эта никогда и ни въ комъ не прекращается; она называется борьбою то головы съ сердцемъ, то плоти съ духомъ, то свѣта со тьмою, то добра со зломъ. Застрѣльщикомъ въ этой борьбѣ всегда является идея. Ее именно воспѣлъ поэтъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Ее побивали камнями во прахъ,
Ее на крестѣ распичали,
Въ темницѣ томили и жгли на кострахъ
И псамъ на съѣденіе бросали.

То пошлость, то глупость людская стѣной
Повсюду ей путь заграждала,
Но въ темныя щели, какъ день золотой,
Какъ воздухъ, она проникала.

Изъ мрака неволн, изъ пепла костровъ
Сильна и прекрасна вставала,
И ржавыя цѣпи срывала съ рабовъ,
И спящихъ отъ сна пробуждала.

И съяла правду она межъ людей,
Средь лжи вѣковой и разврата“.

Борьбу идей разума съ чувствами и предразсудками человѣка можно представить въ такомъ видѣ. Прогрессивная идея (чрезъ посредство слова, картины, статуи) проникаетъ изъ чьей-нибудь души въ другую душу. Допустимъ, что это—идея всеобщаго равенства людей. Въ чужой душѣ она застаётъ національное (патріотическое) чувство. Последнее образовывалось долго, въ связи съ непосредственнымъ и многообразнымъ отношеніемъ къ родному народу, а потому инертно и упорно. Начинается борьба между идеей и чувствомъ. Борьба обостряетъ чувство цѣнности родного народа, и человѣкъ не хочетъ въ угоду новой идеѣ ограничить патріотическое чувство, объявляетъ безумной идею о равноцѣнности всѣхъ людей и отвергаетъ ее. Но идея-то остается въ душѣ. Въ бессознательной области между нею и старымъ чувствомъ происходятъ стычки, сраженія, пока, наконецъ, она послѣ генеральнаго сраженія не одерживаетъ побѣды надъ противникомъ. Сознаніе побѣды новой идеи надъ старымъ чувствомъ сопровождается чувствомъ радостнаго просвѣтлѣнія: какъ бы раздвигается горизонтъ—и открываются новыя, восхитительныя панорамы. Но побѣдительница не жестока и практична: она не убиваетъ прежняго чувства въ сердцѣ, а только превращаетъ его изъ господина въ раба, заставляя служить себя. Это общій законъ душевной жизни, обусловливающій накопленіе силъ, богатство опыта и единство личности. Чувство высшей, болѣе широкой любви не уничтожаетъ, а только побѣждаетъ низшую, болѣе узкую, заставляя ее и всѣ ея ресурсы служить себя. По этой причинѣ въ душѣ человѣка остаются болѣе или менѣе ощутительныя слѣды всего пережитаго, которые, при благопріятныхъ для нихъ условіяхъ, могутъ ожить и заполнить сознаніе, оживить старое, побѣжденное было чувство; тогда оно можетъ свергнуть рабство и прогнать своего побѣдителя. Но и свергнутый властелинъ не уходитъ далеко: онъ

ждетъ только момента, чтобы, воспользовавшись слабостію или безпечностью мятежника—раба, снова наложить на него болѣе крѣпкія цѣпи рабства. Такъ нравственная жизнь человѣка всегда подвержена колебаніямъ: онъ дѣлается то хуже, то лучше. Нѣтъ человѣка, настолько окрѣпшаго въ добрѣ, которому бы не угрожало паденіе, какъ нѣтъ человѣка, настолько погрязшаго въ порокъ, чтобы для него невозможно было исправленіе и спасеніе. Въ душѣ праведника, самаго, повидимому, чистаго и святаго, находятся всегда элементы грѣха, какъ въ душѣ самаго глубокопадашаго человѣка таятся сѣмена добра. Оскверненное тѣло блудницы можетъ содѣлаться храмомъ Духа Св., какъ часто наши церкви, эти—храмы Духа Св., вмѣщаютъ въ себѣ людей, озирающихъ похотливымъ окомъ другъ друга и, слѣдовательно, прелюбодѣйствующихъ въ сердцахъ своемъ. На лицѣ каждаго человѣка напечатлѣны три печати: печать животности (плоти), человѣчности (души) и божественности (духа или благодати Божіей). И пока онъ живетъ на землѣ, ни одна изъ нихъ не изглаживаетъ окончательно другой. Только не всякій замѣчаетъ ихъ одинаково легко.

Всего цѣннѣе въ человѣкѣ умѣнье во всемъ находить печать Божества. Помогаетъ намъ видѣть въ людяхъ печать, или искру Божества, прежде всего, жизнерадостное настроеніе, въ основѣ котораго лежитъ тѣлесное и душевное здорье. Кто настроенъ радостно, тому все кажется въ розовомъ, лучшемъ свѣтѣ. Всѣ тогда умны, добры, хороши. Всѣхъ бы хотѣлось обнять, расцѣловать и осчастливить. Всѣ кажутся достойными любви. Но радостное тѣлесное самочувствіе дѣлаетъ людей собственно лишь благодушными, или добродушными. И это большое благо: добродушіе—несклонно дѣлать зло; но выше этого—доброта сердечная, любящее, самоотверженное сердце. Какъ благодушіе свойственно здоровому тѣлу, такъ самоотверженная любовь присуща только здоровой душѣ. Когда у человѣка совѣсть покойна, когда онъ постоянно чувствуетъ себя въ общеніи съ Богомъ, во всемъ и всегда на Него надѣется, погружается весь въ созерцаніе міра, любви и славы Божіей, тогда у него возникаетъ въ душѣ тихая, устойчивая, непрестанная радость о Господѣ. Душа его дѣлается божественной и отражается въ своемъ зеркалѣ—въ окѣ человѣка. Онъ смотритъ на все окомъ Бо-

га, т. е. видитъ по всѣхъ людяхъ все божественное, замѣчаетъ малѣйшую искорку Божества. Такими очами смотрѣли на мѣръ всѣ святые угодники. Всѣ они радовались, за все благодарили и вездѣ находили божественное. И намъ это заповѣдало. Старецъ Зосима у Достоевскаго, въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“, говоритъ: „Други мои, просите у Бога веселья. Будьте веселы, какъ дѣти, какъ птички небесныя“, а немного выше онъ же говоритъ: „любите человѣка и во грѣхъ его. Любите все созданіе Божіе, и цѣлое, и каждую песчинку. Каждый листокъ, каждый лучъ Божій любите“. Новопрославленный старецъ Серафимъ такъ и называлъ каждаго: „радость ты моя!“ Глазъ Божій, видящій все доброе и тѣмъ располагающій къ любви, бываетъ и у художниковъ разнаго рода. Они способны подмѣчать малѣйшую крупинку добра среди человѣческаго мусора, и находятъ и выставляютъ героизмъ тамъ, гдѣ мы не увидѣли бы ничего особеннаго. Они показываютъ прекраснаго, идеальнаго человѣка. Таковы наши поэты-идеалисты—Жуковский, Пушкинъ, А. Толстой, Тургеневъ и особенно Достоевскій. „Люди—вездѣ люди, писалъ Достоевскій брату: и въ каторгѣ между разбойниками я отличилъ, наконецъ, людей. Повѣришь-ли, есть характеры глубокіе, сильныя, прекрасныя, и какъ весело было подъ грубой корою отыскать золото!“¹⁾ Это писатели съ окомъ Божіимъ. На устахъ ихъ улыбка. Но есть писатели и съ окомъ человѣческимъ. Они видятъ въ человѣкѣ и божественное и человѣческое. Созерцаніе божественнаго наполняетъ душу любовію, а усмотрѣніе „слишкомъ человѣческаго“ вызываетъ смѣхъ. Оба чувства соединяются и получается любовный смѣхъ, смѣхъ на подкладкѣ симпатіи, юморъ. Писатели-юмористы, которыхъ можно назвать и реалистами (Гоголь, Чеховъ и др.), смѣются надъ всѣмъ конечнымъ, мелкимъ и пошлымъ, но не забываютъ, что за всѣмъ этимъ и рядомъ со всѣмъ этимъ существуетъ великое, высокое, благородное и святое. Они видятъ контрастъ между идеальнымъ и реальнымъ человекомъ, но искренно сочувствуютъ и любятъ все живое и твердо вѣрятъ въ силу разума и воли человѣка и въ промышль Творца. Любовь ихъ передается и читателямъ.

1) Сиповскій. Пет. русск. слов. ч. III, в. 2, СПб. 1908, стр. 370.

Но есть писатели какъ бы съ окомъ діавола. Они видятъ только злое, только одну пошлость, свинство, звѣрство. Ихъ за это можно назвать писателями „пошлости“. Они пишутъ: „Никакого Бога нѣтъ... И людей нѣтъ... Рожн однѣ есть, множество рожъ. Все рожн, рожн, рожн“.¹⁾ Герои ихъ часто хохочутъ. Чувство презрѣнія и человѣконенавистничества передается отъ такихъ писателей и ихъ читателямъ. И они начинаютъ смотрѣть на людей какъ бы сквозь очки діавола и по діавольски чувствовать, т. е. ненавидѣть и презирать людей. Въ наше безвременье, когда неврастенія и истерія подточили чувство цѣнности жизни, а недовольство собою—чувство цѣнности человѣческой личности, особенно много такихъ писателей-человѣконенавистниковъ.

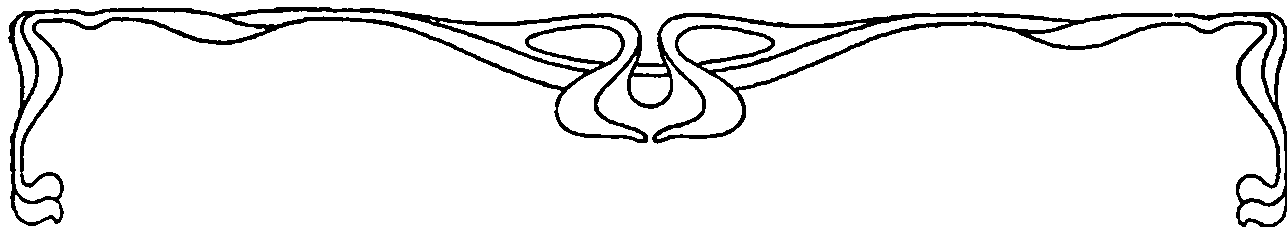
Представленный очеркъ возникновенія, развитія и распространенія чувствъ приводитъ насъ къ такому заключенію. Новыя, оригинальныя чувства первоначально возникаютъ на почвѣ измѣнившихся потребностей, въ зависимости и связи съ измѣненіемъ жизненныхъ отношеній; за чувствами же возникаютъ новыя, соотвѣтствующія имъ вѣрованія и идеи. Таковъ именно ходъ нравственнаго развитія у эмоциональнаго гения. Когда же возникшее такимъ образомъ гениальное чувство пошло въ міръ, то для другихъ людей становится возможнымъ болѣе скорый способъ возникновенія и развитія этого чувства, а именно: идея гения, проникшая въ другую душу, порождаетъ вѣрованіе въ возможность своего осуществленія, вѣрованіе производитъ чувство, чувство порождаетъ склонность дѣйствовать соотвѣтствующимъ образомъ, при помощи извѣстныхъ средствъ, и идея такъ обр. осуществляется. Гениальное чувство можетъ передаваться и по симпатіи отъ гения къ лицамъ, съ нимъ соприкасающимся, и отъ нихъ по преемству къ другимъ, безъ конца.

Теперь намъ пужно показать, какъ создается у отдѣльнаго человѣка почва, благоприятная для возрастанія чувства, исходящаго отъ гения, въ данномъ случаѣ чувства любви къ ближнимъ.

В. Тихомировъ.

(Продолженіе будетъ).

1) „Савва“ Л. Андреева.

Натуралистическій монизмъ Геккеля.

Критическое изслѣдованіе степени научной состоятельности враждебной христіанству монистической философіи.

(Продолженіе *).

Посмотримъ теперь, насколько Геккелевскому натуралистическому монизму удалось достигнуть намѣченной цѣли—истолкованія жизненныхъ явленій чисто механическимъ путемъ. Жизненные явленія—процессы питанія, роста, размноженія, законы наследственности и централизаціи, даже процессы психической жизни монисты пытаются свести на физико-химическія явленія, въ основѣ которыхъ лежитъ матерія съ ея силами и энергіями.

Допустимъ, что намъ послѣ тщательныхъ изслѣдованій удалось бы воспроизвести всѣ такіе процессы. Допустимъ, что мы такъ далеко шагнули впередъ, что въ любомъ самомъ сложномъ жизненномъ процессѣ намъ стала ясна послѣдовательность и взаимная связь отдѣльныхъ моментовъ этого процесса: мы наблюдаемъ движеніе атомовъ или молекулъ, которыя то сближаются одна съ другою, то взаимно отталкиваются, входятъ то въ одни, то другія соединенія и т. д. Въ этомъ случаѣ, т. е., уяснивши себѣ механическую послѣдовательность явленій, сопровождающихъ жизненный процессъ, могли бы мы сказать, что поняли этотъ жизненный процессъ? Едва ли. Мы не уяснили бы при этомъ еще одного и при томъ самаго существеннаго въ процессѣ: мы не уяснили бы себѣ идеи жизненнаго явленія, которая, не

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, № 6 за 1910 годъ.

будучи причиной физическихъ и химическихъ явленій, въ то же время составляетъ фундаментъ жизненнаго процесса и только она, эта идея и объясняетъ этотъ жизненный процессъ. Представимъ себѣ, что намъ хотятъ объяснить, что такое представляетъ изъ себя корабль, и говорятъ: корабль возникъ слѣдующимъ образомъ. Въ такомъ то лѣсу срублены были огромныя деревья, которыя затѣмъ попали на лѣсопильные заводы, гдѣ подверглись такой то обработкѣ; потомъ лѣсной матеріалъ свезли на корабельную верфь, гдѣ понадобилась работа плотниковъ, столяровъ; туда же привезли желѣзо, добытое въ горахъ Урала и привращенное на заводахъ въ листы, прутья, гвозди и т. д., кузнецы, слесаря, инженеры сдѣлали то-то и то-то. Словомъ, подробно бы описали послѣдовательный рядъ процессовъ, въ результатъ которыхъ появился корабль. Поняли бы мы отсюда, что такое корабль? Нѣтъ, этого мы не поняли бы, потому что не имѣли бы идеи корабля. Только тогда мы поймемъ, что такое корабль, когда каждый отдѣльный процессъ, каждая отдѣльная частичка цѣлаго поставлена въ связь съ идеей этого цѣлаго, какая имѣется въ головѣ строителя, и всѣ отдѣльныя части такимъ путемъ приведены были бы къ единству и изъ этого единства объясняемы.

Тоже нужно сказать и относительно всякаго организма. Организмъ представляетъ единство, представляетъ нѣчто цѣлое. Въ каждомъ частичномъ явленіи жизни организма выступаетъ идея цѣлаго и только потому эти частичныя явленія пріобрѣтаютъ смыслъ и значеніе. Помимо чисто физическихъ и химическихъ процессовъ, обусловливающихъ жизнь организма, въ организмѣ дѣйствуетъ внутренній законъ, который обусловливаетъ единство цѣлаго. Наличие этого внутренняго закона, дѣйствующаго въ организмѣ, видна, между прочимъ, изъ того, что внѣшнія вліянія на организмъ, дающія поводъ къ жизненнымъ явленіямъ, никогда не дѣйствуютъ на него прямо и непосредственно, но всегда организмъ оказываетъ предварительно опредѣленное противодѣйствіе этимъ явленіемъ, подвергаетъ ихъ внутренней переработкѣ. Роль этого внутренняго закона, присущаго организму, какъ именно организму, станетъ для насъ яснѣе, когда мы посмотримъ, какое вліяніе онъ оказываетъ въ отдѣльныхъ жизненныхъ явленіяхъ.

Физико-химическіе процессы питанія припоровлены именно къ цѣли самосохраненія организма и внѣ отношенія къ этой цѣли, къ результату, достигаемому процессами питанія, они, эти процессы, не могутъ быть поняты. Слѣдовательно, именно идея даетъ смыслъ, объединяетъ въ одно цѣлое послѣдовательные процессы питанія, хотя, разумѣется, не она даетъ толчекъ движенію и перемѣщенію атомовъ.

Размноженіе, какъ и наслѣдственность, точно также становятся понятными при представленіи цѣли того и другого процесса. Въ размноженіи цѣлью служитъ сохраненіе рода, въ наслѣдственности—сохраненіе типа. Цѣль и результатъ приспособленія—достиженіе органическаго развитія. Возможно ли эти процессы объяснить чисто механическими, физико-химическими причинами?

Всюду мы видимъ, что клѣточка изнутри, какъ бы самопроизвольно реагируетъ на внѣшніе стимулы. „Оболочка клѣтки, говоритъ естествоиспытатель Reinke, пропускаетъ внутрь клѣтки только тѣ вещества и въ такомъ количествѣ, какихъ и сколько требуется для ея нуждъ, при томъ неодинаковыя въ различныя времена, при различныхъ условіяхъ; все же неподходящее, нецѣлесообразное отталкивается и не проходитъ чрезъ эту оболочку. Такимъ образомъ, здѣсь мы имѣемъ уже выборъ, а не механическій процессъ. Мало того, клѣточка создаетъ себѣ не только матеріалъ для работы, но даже, такъ сказать полуфабрикаты, т. е., вещества, которыя могутъ послужить впослѣдствіи такимъ матеріаломъ, которыя она держитъ въ запасѣ, чтобы въ каждую минуту употребить ихъ въ дѣло, какъ только это потребуется. Клѣточка—машина высшаго сорта, а не механически объяснимый аппаратъ въ родѣ карманныхъ часовъ, или музыкальнаго ящика“. Чѣмъ объяснить это свойство клѣтки? Быть можетъ, укажутъ на такъ называемые катализаторы—вещества, находящіяся въ организмахъ, которыя или ускоряютъ химическіе процессы, или же задерживаютъ ихъ, сами въ то же время оставаясь неизмѣнными. Такіе катализаторы необходимы и въ клѣточкахъ, такъ какъ иначе окисленіе углеродистыхъ соединеній совершалось бы слишкомъ медленно и не достигалась бы поэтому физиологическая цѣль; они называются окислителями. Но неужели этимъ объясняется тайна органическаго процесса? Вѣдь такимъ объяс-

неніемъ катализаторамъ, или окислителямъ приписывается сознательная, разумная дѣятельность!

Далѣе, при половомъ размноженіи, какъ объяснить унаслѣдованіе потомками характерныхъ особенностей рода, даже индивидуальныхъ чертъ предковъ? И тѣ, и другія особенности должны, конечно, заключаться уже въ яйцѣ. „Въ мужскомъ организмѣ, говоритъ Кгöпиг, возникаетъ безчисленное количество копій индивидуума микроскопическихъ размѣровъ, сѣменныхъ живчиковъ. Въ каждой отдѣльной копіи заключенъ весь оригиналь до мельчайшихъ своихъ подробностей, хотя совершенно непостижимо, какъ это каждая ничтожная частичка тѣла можетъ отразиться въ соответствующемъ мѣстѣ копіи, болѣе того, въ милліонахъ копій. Столь же почти непостижимо образованіе янчекъ въ женскомъ организмѣ, потому что каждое яйцо также, очевидно, должно быть точной копіей оригинала. Къ этому вдобавокъ присоединяется таинственная загадка соединенія двухъ копій (женскаго яйца и мужской сѣменной клѣтки) въ одну, чтобы составить одну общую копію двухъ оригиналовъ, при чемъ копія болѣе напоминаетъ собою то одинъ, то другой оригиналь, хотя часто уклоняется болѣе или менѣе значительно и отъ одного и отъ другого“. Какимъ образомъ, спрашиваетъ Вünge, мужская клѣтка, столь малыхъ размѣровъ, что ихъ помѣщается 500 милліоновъ на пространствѣ одной кубической линіи, въ состояніи перенести всѣ характерныя особенности отъ отца къ сыну?“

Механическіе процессы питанія, размноженія, приспособленія и наслѣдственности, совершаются въ направленіи, характеръ котораго обуславливается не внѣшними условіями, а внутренними законами клѣточки, или организма. Именно эти внутренніе законы и производятъ то, что клѣточка всегда представляетъ изъ себя нѣчто цѣлое, единое, до нѣкоторой степени самопредѣляющее. Это свойство клѣточки не есть дѣйствіе механической причинности, такъ какъ клѣточка есть ничто иное, говоритъ Риндфлейшъ, какъ „маленькій, круглый комочекъ яйцебѣлковаго вещества, откуда рѣшительно нельзя понять, почему она не распускается въ сосѣдней каплѣ воды и не погибаетъ такимъ образомъ“¹⁾.

¹⁾ Rindfleisch, Aertsl. Philos. S. 15.

Если мы обратимъ вниманіе на явленія жизни высшихъ организмовъ, то тамъ еще яснѣе выступитъ роль этого внутренняго фактора, обуславливающаго единство организма. Раздѣленіе труда и централизиція, какъ мы наблюдаемъ въ жизни высшихъ организмовъ, составляютъ характерное отличіе органической жизни отъ неорганической и никоимъ образомъ не могутъ быть объяснены изъ чисто механическихъ причинъ. Въ мірѣ неорганическомъ разъ только части тѣла получаютъ возможность вступить въ новыя соединенія, всякая связь ихъ съ цѣлымъ прекращается. Отъ камня механическимъ путемъ можно отдѣлить какую угодно часть, которую затѣмъ можно превратить въ порошокъ, рассыпать и т. д. Оторванные части и послѣ этого сохраняютъ тѣ же физико-химическія свойства, какими онѣ владѣли раньше, когда были въ соединеніи съ цѣлымъ. Но то мы имѣемъ въ органическомъ тѣлѣ. Здѣсь части организма соединены въ одно цѣлое такъ, что влѣ этого соединенія продолжать жизни не могутъ: здѣсь каждая клѣточка живетъ для другой и всѣ другія живутъ для нея, здѣсь внутреннее единство, а не совмѣстное лишь пребываніе одной возлѣ другой. И это-то внутреннее, тѣсное единство отнюдь не можетъ быть результатомъ механическихъ причинъ, наоборотъ, именно послѣдовательность и связь механическихъ причинъ является результатомъ этого внутренняго единства.

Теперь мы приведемъ выдержку изъ сочиненія Энгерта. „Жизнь клѣточки и ея проблема вводитъ насъ въ глубь загадокъ природы: если мы не въ состояніи разрѣшить этихъ загадокъ, то по крайней мѣрѣ умѣстно поставить вопросъ: чему учить насъ эта жизнь клѣтки? Этотъ вопросъ есть путеводная нить, ведущая насъ въ область чисто духовныхъ явленій и дѣйствій.

Подобно тому, какъ Геккель, изображая жизненные явленія, извлекаетъ отсюда философскіе выводы для своего принципа механическаго міровоззрѣнія, такъ едѣлаемъ теперь и мы, но я полагаю, наши выводы будутъ болѣе обнимать собою факты и не будутъ этихъ фактовъ извращать.

Жизнь клѣтки есть явленіе природы, имѣющее слѣдующія три характерныя свойства: единство, обусловленность собственными законами и замкнутость въ одну поставленную для достиженія цѣль. Этимъ самымъ клѣточка

уже выходить изъ предѣловъ монистической системы: натуралистическій монизмъ знаетъ лишь взаимную связь и причинную зависимость двухъ членовъ одного отъ другого, между тѣмъ жизнь есть совокупность многихъ процессовъ въ одномъ цѣломъ, въ одномъ высшемъ единствѣ; такого единства натуралистическій монизмъ не знаетъ. Отдѣльная клѣточка съ ея силами въ системѣ натуралистическаго монизма имѣетъ цѣну и значеніе лишь по отношенію къ другимъ, лишь постольку, поскольку она влияетъ на другія клѣточки; тогда какъ въ дѣйствительности жизнь клѣтки имѣетъ цѣнность сама по себѣ, только по отношенію къ клѣткѣ, какъ таковой, основа и цѣль ея дѣйствительности въ ней самой; каждый организмъ до известной степени самъ является для себя закономъ. Натуралистическій монизмъ въ процессахъ природы имѣетъ въ виду ихъ конецъ, заключительный результатъ, между тѣмъ жизнь клѣтки, какъ и вообще жизнь, имѣетъ свое завершеніе въ достигаемой цѣли, которая освѣщаетъ весь ходъ процесса и которая есть сѣмя будущаго, а не означаетъ лишь произведенную затрату силъ. Смыслъ созрѣвшаго плода не въ томъ только состоитъ, что онъ есть конечный результатъ дѣйствія известныхъ силъ.

Поскольку, такимъ образомъ, отдѣльные жизненные процессы пріобрѣтаютъ смыслъ и значеніе только по отношенію къ цѣлому, жизнь клѣтки въ строгомъ смыслѣ есть явленіе закономерное. Законъ, норма, порядокъ есть ничто разумное. Подобно тому, какъ при постройкѣ зданія всякое дѣйствіе строителя, выходящее изъ рамокъ даннаго плана, есть дѣйствіе неразумное, такъ жизнь клѣтки можетъ быть названа вполне разумнымъ явленіемъ, потому что здѣсь ни одинъ жизненный процессъ не отступаетъ отъ идеи цѣлаго.

Но въ такомъ случаѣ жизнь клѣтки будетъ означать царство мысли даже въ микроскопически—ничтожныхъ процессахъ. Идея эта въ широкомъ смыслѣ выражаетъ слѣдующее: единство, сохраняющееся въ потокѣ быванія, автономію и самостоятельное реагированіе на внѣшнія вліянія, элементы цѣлесознающей воли. Все это, взятое объективно, и есть клѣточная жизнь въ бессознательныхъ явленіяхъ.

природы. Жизнь есть идея, объективное изображеніе, воплощеніе мысли въ чувственныхъ формахъ.

Вотъ что мы имѣемъ въ жизни клѣточки въ спекулятивномъ смыслѣ: то, что составляетъ истинное зерно жизни, ея *существеннѣйшую принадлежность и глубочайшую основу*, — это есть духъ; сила жизни, какъ это съ наглядной ясностью обнаруживается въ жизни клѣточки, есть участіе въ ней духовнаго начала.

Но можетъ ли существовать мысль безъ мыслящаго духа?

Клѣточки и ея жизнь, дѣйствительно, обнаруживаютъ великое единство органическаго міра; „клѣточка, по выраженію Рейнке, есть біологическая единица въ царствѣ растительномъ и животномъ, а человѣкъ и отдѣльно взятая, свободно существующая клѣточка представляютъ собою морфологическія и фізіологическія границы организмовъ“ ¹⁾. Когда всѣ біологическія проблемы сводятся исключительно на проблемы клѣточки, гдѣ онѣ являются въ своей относительно простѣйшей формѣ, тогда проблемы эти получаютъ свой надлежащій характеръ, а царство организмовъ принципиально сводится къ одному базису, къ одной основѣ.

Мы могли бы согласиться съ натуралистическимъ монизмомъ въ томъ, что единство природы вызываетъ въ насъ чувство глубокаго изумленія; но единство это не въ томъ заключается, чтобы охватить множественность явленій однимъ принципомъ, одной точкой зрѣнія безъ субъекта, который бы мыслилъ это единство. Клѣточка, дѣйствительно, есть та точка Архимеда, съ которой можно обозрѣть всю совокупность живущихъ существъ. Все царство жизни отсюда представляется, какъ одна грандіознѣйшая морфологическая и фізіологическая лѣстница живыхъ существъ, начинающая отъ безформенной амебы, размножающейся посредствомъ дѣленія, и кончая единымъ и въ то же время сложнымъ клѣточнымъ государствомъ, какое представляетъ изъ себя организмъ человѣка со своимъ миллиарднымъ количествомъ гражданъ, со всѣми своими разнообразными видами жизненныхъ проявленій. Но такая лѣстница суще-

¹⁾ Theor. Biolog., s. 14.

ствуется только для мыслящаго существа, она *духовна* по своей *сущности* и *содержанію* и возникаетъ изъ духа.

Какъ объяснить то, что все разнообразнѣйшее царство организмовъ имѣетъ одинъ и тотъ же основной характеръ клетюлярной (клеточной) организациі? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ является слѣдующій параграфъ.

§ 2. Разнообразіе жизни.

Клеточка, какъ мы видѣли, является первоосновой органической жизни. Но органическая жизнь безконечно разнообразна по своимъ формамъ и проявленіямъ. Нѣтъ двухъ существъ, буквально сходныхъ между собою: два листа одного и того же дерева чѣмъ—нибудь отличаются одинъ отъ другого. Еще рѣзче выступить это различіе, если мы возьмемъ для сравненія экземпляры растительнаго, или животнаго царства, принадлежащіе къ двумъ различнымъ видамъ, или родамъ. Возникаетъ вопросъ, какъ могло возникнуть это разнообразіе жизни, если въ основѣ этой жизни одна и та же органическая клеточка? Натуралистическій монизмъ на этотъ вопросъ отвѣчаетъ такъ называемой эволюціонной теоріей, которой пытаются объяснить и разнообразіе существующихъ на землѣ видовъ животнаго и растительнаго царства и вмѣстѣ ту цѣлесообразность, которая наблюдается въ строеніи организмовъ.

Творцемъ эволюціонной теоріи считается Чарльсъ Дарвинъ, который обосновалъ и развилъ ее въ своемъ сочиненіи: „О происхожденіи видовъ путемъ естественнаго подбора“, появившемся въ 1859 году. Сущность теоріи Дарвина состоитъ въ слѣдующемъ. Растительные и животные организмы стремятся къ размноженію въ геометрической прогрессіи. Вслѣдствіе этого постоянно возникаетъ недостатокъ въ средствахъ къ существованію, а отсюда борьба между организмами за эти средства, борьба за существованіе. Въ этой борьбѣ погибаетъ безчисленное множество организмовъ и остаются въ живыхъ только болѣе совершенные индивиды. Тѣ свойства растительныхъ и животныхъ организмовъ, которыя помогли имъ выдержать борьбу за существованіе, по наслѣдству переходятъ къ ихъ потомкамъ и такимъ обра-

вомъ постоянно происходитъ естественный отборъ лучшихъ, т. е. болѣе сильныхъ экземпляровъ, естественное совершенствованіе организмовъ, постоянная эволюція ихъ. Случайно организмъ пріобрѣтаетъ какое-нибудь свойство, которое оказывается полезнымъ въ борьбѣ за существованіе. Этого бываетъ достаточно, чтобы это новое свойство было передано по наслѣдству и упрочилось въ организмъ. Процессъ накопленія все новыхъ и новыхъ свойствъ, пріобрѣтаемыхъ организмами путемъ наслѣдственности, совершается медленно, но постоянно: организмы медленно, но постоянно видоизмѣняются, варьируютъ, пріобрѣтая все новыя свойства въ результатъ чего получается разнообразіе видовъ животнаго и растительнаго царства и, такъ какъ при этомъ унаслѣдываются постоянно только болѣе совершенныя свойства, дающія преимущество въ борьбѣ за существованіе, то отсюда все болѣе идущее впередъ совершенство организациі отдѣльныхъ экземпляровъ. Подробнѣе о естественномъ подборѣ будетъ рѣчь ниже.

Какъ въ онтогеніи, т. е., въ исторіи развитія отдѣльнаго организма мы имѣемъ послѣдовательный рядъ видоизмѣненій, метаморфозъ, начиная отъ зародыша—яйцевой клѣтки и кончая зрѣлымъ организмомъ животнаго или растенія, такъ въ филогеніи-исторіи происхожденія всей совокупности организмовъ мы имѣемъ такой же рядъ метаморфозъ, рядъ ступеней, начиная отъ какой-нибудь одноклѣточной амебы вплоть до совершеннаго организма человека.

По примѣру Дарвина натуралистическій монизмъ представляетъ себѣ развитіе органической жизни въ видѣ родословнаго дерева. „Родственную связь всѣхъ существъ одного какого-нибудь класса можно, говоритъ Геккель, иногда изобразить въ формѣ одного большого дерева. Думаю, что такая картина вполне будетъ соответствовать дѣйствительности. Зеленныя и дающія почки вѣтви представляютъ собою, какъ виды теперь существующіе, такъ и длинныя слѣдовавшіе одинъ за другимъ ряды исчезнувшихъ видовъ, которые возникали въ теченіе предшествующихъ лѣтъ. Во всякомъ періодѣ роста всѣ растущія вѣтви стремились перерости и заглушить со всѣхъ сторонъ появляющіеся побочные отрост-

ки. Большіе сучья на древесномъ стволѣ были нѣкогда живыми вѣтками, пока дерево было молодо. Изъ многихъ отростковъ, которые были живыми тогда, когда дерево само было въ видѣ трости, остались въ живыхъ только двѣ-три вѣтви, которыя теперь, превратившись въ мощныя развѣтвленія ствола, даютъ начало всѣмъ другимъ побѣгамъ и отросткамъ. Подобно этому и изъ многихъ видовъ, жившихъ въ давно минувшія времена, мы имѣемъ только очень немногихъ и измѣненныхъ ихъ потомковъ. Отъ первоначальнаго развѣтвленія дерева уцѣлѣло нѣсколько засохшихъ вѣтокъ и сучьевъ и эти-то засохшіе вѣтви различной величины являются представителями всѣхъ тѣхъ семействъ, родовъ и видовъ, которые извѣстны намъ только въ окаменѣломъ видѣ и которые теперь уже не имѣютъ своихъ живыхъ представителей.

Подобно тому какъ иногда мы встрѣчаемъ одинокую тонкую вѣточку, выросшую между двухъ толстыхъ вѣтвей, которая, благодаря счастливой случайности, уцѣлѣла и продолжаетъ жить, такъ можно встрѣтить иногда животное, напр., утконоса, который до извѣстной степени связываетъ двѣ большихъ вѣтви живыхъ существъ, будучи родственъ одной и другой вѣтви.

Подобно тому какъ почки, становясь вѣтвями, производятъ новыя почки, а эти въ свою очередь, если онѣ достаточно сильны, разрастаются во всѣ стороны и заглушаютъ болѣе слабые побѣги, такъ, я увѣренъ, происходитъ и съ великимъ деревомъ жизни, которое своими мертвыми и отломанными отъ дерева сучьями наполняетъ земную кору, а своими цвѣтущими и все еще дальше идущими развѣтвленіями покрываетъ ея поверхность ¹⁾.

Несомнѣнное доказательство въ пользу десцендентной теоріи, т. е., теоріи происхожденія одного вида отъ другого, представляетъ собою, по мнѣнію Геккеля, прежде всего антигенія. Слѣдя за развитіемъ зародыша животнаго или человѣка еще въ чревѣ матери, мы видимъ послѣдовательный рядъ ступеней, какія проходитъ послѣдовательно этотъ зародышъ, переходя отъ низшей животной формы къ слѣдую-

¹⁾ Fleischmann, Descendenttheorie. S. 4 ff.

щей высшей, пока наконецъ не достигнетъ наивысшей формы человѣка или животнаго; видимъ, какъ у этого зародыша появляются органы, которые были необходимы животному на низшей ступени развитія и которые затѣмъ у зародыша уничтожаются какъ ненужныя (напр., жабры, указывающія на предковъ, жившихъ нѣкогда въ водѣ); видимъ уже у организма достигшаго зрѣлости зачатки такъ называемаго рудиментарныхъ органовъ, которые нѣкогда были необходимы животному, пока оно стояло на низшей ступени органической лѣстницы, и ставшіе ненужными на той ступени, на какой оно стоитъ теперь (напр., 11-я и 12-я пары реберъ у человѣка, пальцы ноги, ушные мускулы, слѣпая кишка, червеобразный отростокъ ея и т. д.).

Для доказательства только что высказаннаго предположенія о происхожденіи видовъ одного отъ другого Геккель придумалъ, такъ называемую, гастреальную теорію, сущность которой состоитъ въ слѣдующемъ.

Все царство животныхъ, по этой теоріи, распадается на двѣ существенно отличныя одна отъ другой группы: одноклѣточные перво-животныя (*protosoa*) и многоклѣточные состоящія изъ тканей (*metasoa*); первыя въ теченіи всей своей жизни остаются отдѣльными клѣтками, или же иногда представляютъ изъ себя неустойчивый агрегатъ клѣтокъ безъ образованія тканей; послѣднія, начиная существованіе одной клѣткой, потомъ послѣдовательно дѣлятся, образуя такимъ способомъ ткани.

Отсюда получаетъ свое объясненія и различіе въ способахъ индивидуальнаго размноженія: первыя размножаются дѣленіемъ, почкованіемъ или же образованіемъ споръ; послѣднія преимущественно половымъ способомъ, при которомъ двѣ клѣтки, мужская сѣменная и женская яйцевая клѣтка соединяются въ одну клѣтку-родоначальницу. Изъ этой клѣтки-родоначальницы *metasoa* образуются настоящіе зародышевые листики и прежде всего два примарныхъ—это образованіе у *protosoa* совершенно отсутствуетъ: изъ наружнаго листика развиваются внѣшніе кожные покровы и нервная система, изъ внутренняго-кишечный каналъ и прочіе органы. Это и есть зародышевая форма, которую Геккель называетъ гастролой, и такъ какъ у всѣхъ *metasoa* форма

зародыша совершенно одинакова, то отсюда именно Геккель выводитъ заключеніе, что всѣ metazoa происходятъ отъ одной общей первоначальной формы гастролы: даже и теперь существуютъ еще такія гастреады (remmatodiscus, orthonectid-ы и др.).

Эта родоначальная форма въ первобытныхъ времена раздвоилась на двѣ главныя группы: на древнѣйшихъ низшихъ животныхъ (безъ каналовъ въ тѣлѣ, безъ крови и безъ задняго прохода) и на позднѣйшихъ высшихъ животныхъ, къ которымъ относятся животныя—червеобразныя и высшіе типы животнаго царства, которые изъ нихъ развиваются: звѣздчатыя животныя, мягкотѣлыя, членистоногія, сумчатыя и позвоночныя.

По отношенію къ человѣку изъ этой теоріи слѣдуетъ сдѣлать выводъ, что и *человѣческая* родоначальная клѣтка, какъ и у всѣхъ metazoa, есть простѣйшая клѣточка, возникающая такъ же, какъ у metazoa. Изъ нея развивается гастролла, а затѣмъ хордула; эта послѣдняя есть особенность человѣческаго развитія, общая у него со всѣми другими позвоночными. Затѣмъ появляются жаберныя щели, какъ указаніе на жившихъ въ водѣ предковъ человѣка; хотя въ послѣдствіи онѣ исчезаютъ, однако, человѣческій эмбрионъ съ трудомъ можно отличить отъ эмбриона остальныхъ позвоночныхъ животныхъ. Появленіе характерной зародышевой оболочки, амниона и серолецмы, которыя общи рептиліямъ, птицамъ и млекопитающимъ, указываетъ на общность происхожденія человѣка и названныхъ животныхъ; равно какъ и плацента (родовое мѣсто), при помощи которой совершается питаніе зародыша, ставитъ человѣка въ разрядъ плацентныхъ животныхъ, первобытныхъ волосатокожихъ. Сходство эмбриональнаго развитія человѣка и человѣкообразной обезьяны такъ велико, что Гексли могъ сказать: „различіе между человѣкомъ и человѣкообразной обезьяной менѣе значительно, нежели различіе между этой обезьяной и низшими породами обезьянъ“ ¹⁾.

Этимъ самымъ дается указаніе на промежуточное звено между человѣкообразной обезьяной и человѣкомъ, на

¹⁾ Haeckel, Verträtsel, S. 80.

перво-человѣка, какъ родоначальника различныхъ человѣческихъ расъ.

Насколько важное значеніе придаетъ Геккель даннымъ онтогеніи въ вопросѣ о десцендентизмѣ, т. е., происхожденіи видовъ, видно изъ слѣдующаго устанавливаемаго Геккелемъ біогенетическаго закона. „Исторія зародыша есть повтореніе, экстрактъ исторіи рода, экстрактъ тѣмъ болѣе совершенный, чѣмъ болѣе онъ удерживаетъ наслѣдственныхъ чертъ развитія и, наоборотъ, тѣмъ менѣе совершенный, чѣмъ болѣе приобрѣтено имъ новыхъ свойствъ посредствомъ приспособленія“.

Въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ кэногенезисомъ (*каинос-новый*), тогда какъ тамъ, гдѣ организмъ получаетъ свойства отъ предковъ путемъ наслѣдственности, на лицо имѣется палингенезисъ. Чѣмъ въ большей степени дѣйствуетъ палингенезисъ, тѣмъ правильнѣе экстрактъ; наоборотъ экстрактъ можетъ стать фальшивымъ подъ вліяніемъ кэногенезиса.

Для доказательства біогенетическаго закона могутъ служить слѣдующіе факты: развитіе всѣхъ высшихъ животныхъ и растений изъ простаго яйца, гастрюла *metasoa*, относительно большой процентъ поваренной соли у эмбрионовъ млекопитающихъ животныхъ, зачатокъ хвоста у человѣческаго эмбриона и др.

Безпристрасно оцѣнивая значеніе основнаго біогенетическаго закона, слѣдуетъ, намъ кажется, сказать, что онъ дѣйствительно, указываетъ тѣ пути, по которымъ идетъ природа, создавая тотъ или другой высшій организмъ путемъ постепеннаго построенія, не будучи въ состояніи произвести его сразу; затѣмъ, кромѣ того, законъ этотъ указываетъ не только на такіе факторы развитія, какъ законъ приспособленія къ окружающимъ условіямъ и законъ роста живой матеріи, но также и на значеніе наслѣдственности въ дѣлѣ развитія: характеръ зародыша обусловливается характеромъ его предковъ.

Авторитеты естествознанія далеко не согласны съ Геккелемъ въ вопросѣ о значеніи біогенетическаго закона. Васманнъ называетъ фантастичнымъ построеніе Геккелемъ родословнаго дерева. Гегенбауеръ признаетъ лишь второстепен-

ное значеніе онтогеніи для філогеніи, такъ какъ къ палингенезису примѣшивается каногенезисъ, дѣлая такимъ образомъ фальшивыми отногенетическіе экстракты філогенетической послѣдовательности развитія. Штейнманъ говоритъ „Рекапитуляція (повтореніе родового процесса въ онтогеніи) оказывается слишкомъ несовершенной, слишкомъ сбивчивой для того, чтобы служить руководителемъ при построеніи родословнаго дерева; какъ мы знаемъ, она можетъ указать намъ именно ложный путь ¹⁾).

Свящ. Николай Липскій..

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Fleischmann Desrendentheorie. S. 233

Журналъ „Наше Объединеніе“.

Новый духовно-нравственный, политическій, экономическій и литературный журналъ монархическаго направленія *).

18 декабря 1909 г. вышелъ въ свѣтъ первый номеръ указаннаго нами новаго духовнаго журнала. Журналъ выходитъ еженедѣльно отъ 2-хъ до 2-хъ съ половиною печатныхъ листовъ. За истекшіе съ тѣхъ поръ мѣсяцы онъ достаточно охарактеризовалъ себя и болѣе или менѣе ясно очертилъ свою основную задачу: объединить духовенство Кишиневской епархіи между собою и своими прихожанами для совмѣстной работы—*духовно-нравственнаго подъема и экономическаго улучшенія* положенія христіанскаго населенія Бессарабіи. Такова основная идея этого журнала. Вмѣстѣ съ этимъ журналъ стремится ограждать темныхъ людей отъ эксплуатаціи иноплеменныхъ народностей и развивать въ нихъ сознание, что у себя дома они—хозяева. А для этого онъ ставитъ себѣ еще одну задачу—привлечь къ приходской дѣятельности всю деревенскую интеллигенцію и объединить ее въ одну семью, гдѣ всѣ члены ея служили бы одному общему дѣлу, по возможности, сглаживая всякаго рода тренія между всѣми классами сельскаго населенія Бессарабіи. Журналъ такимъ образомъ не задается научною разработкою какихъ-либо богословско-философскихъ вопросовъ, онъ хочетъ быть

*) Подписка принимается: Ст. Каларашъ, Бессарабской губ. Редакторъ-издатель священникъ Іеремія Чеканъ. Цѣна изданія на годъ 4 р., на полъ года 2 р., на 3 мѣсяца 1 р. и на 1 мѣсяць 33 к.

только практическимъ руководствомъ духовнаго и экономическаго преуспѣянiя для сельскихъ жителей своей епархіи. Онъ по преимуществу говоритъ сельскому духовенству, желая установить необходимую планомѣрность въ его трудахъ, безъ которой его дѣятельность не можетъ быть вполнѣ продуктивной или богатой. Онъ называетъ себя только „Аудиторіей“, гдѣ каждый членъ ея, не отрываясь отъ своего мѣста и дѣла, можетъ находиться въ духовномъ общеніи со всѣми своими собратіями.

Предлагая свой журналъ преимущественно сельскому духовенству и сельской интеллигенціи Кншиневской епархіи, о. Чекань, издатель-редакторъ этого журнала, сохраняетъ однако надежду, что его журнальные идеи могутъ найти распространеніе и въ другихъ епархіяхъ, могутъ быть полезными и для нихъ. По крайней мѣрѣ, вотъ что, между прочимъ, говоритъ о. Чекань въ своемъ письмѣ на имя Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго:

„Ваше Высокопреосвященство, Милостивый Архипастыръ и Отецъ! Препровождая при семъ три номера издаваемаго мною журнала „Наше Объединеніе“, почтительнѣйше прошу Ваше Высокопреосвященство, если соблагovolите найти его заслуживающимъ вниманія, рекомендовать ввѣренному Вамъ духовенству хотя-бы по одному экземпляру на каждый округъ. Не преслѣдуя матеріальныхъ выгодъ, а только распространеніе проводимыхъ имъ идей, я согласенъ высылать духовенству ввѣренной Вашему Высокопреосвященству епархіи на льготныхъ условіяхъ—по 3 р. въ годъ и 25 коп. въ мѣсяць за экземпляръ“.

Принимая все это во вниманіе, мы хотѣли бы ближе познакомить нашихъ читателей, по крайней мѣрѣ, съ нѣкоторыми практическими совѣтами или планами, съ которыми выступаетъ новый журналъ и показать какъ онъ рѣшаетъ ихъ,—насколько объ этомъ уже можно судить по первымъ номерамъ журнала.

I.

Журналъ задается разработкою у насъ идеи общенароднаго „Объединенія“. Онъ справедливо говоритъ, что кто сознательно и осмысленно слѣдитъ за теченіемъ обществен-

ной жизни и активно хочет участвовать въ быстро развивающихся событіяхъ послѣднихъ лѣтъ, тотъ не можетъ не видѣть, что только въ единеніи сила и только предъ плотно сомкнутыми рядами объединенныхъ можетъ и должно отступить наше общественное зло. Но въ то время, когда вокругъ духовенства кипѣла работа, вырабатывались программы выступленій различныхъ партій, намѣчались задачи, планы и идеалы, во имя которыхъ должна была идти борьба и вырабатываться новыя формы жизни,—духовенство оставалось если не равнодушнымъ то безсильнымъ, разрозненнымъ и потому въ сторонѣ отъ общественнаго движенія. Поэтому духовенству необходимо принять участіе въ этой мирной работѣ, если оно не хочетъ окончательнo остаться за бортомъ и потерять свое вліяніе на народъ.

Но какъ надобно понимать это „объединеніе“? Не значить ли это, что наше духовенство должно быть безпартійнымъ, внѣ всякихъ партій, или создавать свой какой-то пресвитеріанскій космополитизмъ, возвышающійся надъ всеми партіями? Отнюдь нѣтъ. Извѣстно, что всѣ религіозныя секты, выдѣляющія себя отъ политическихъ партій, считаютъ свое ученіе и свою дѣятельность по преимуществу необходимою и какъ-бы наиболее идеальною и высшею, а потому впадаютъ въ глубокое противорѣчіе съ историческими условіями общественной или государственной жизни. Съ другой стороны, космополитизмъ, будь онъ мериканскій или социальный, въ сущности есть вытравленіе въ себѣ національности, національныхъ устоевъ жизни. Это есть чувство безразличія къ историческимъ завѣтамъ своего народа во имя какой-либо исключительной идеи, на примѣръ, у католиковъ, во имя папскаго верховенства, у социалистовъ во имя пролетарскаго или рабочаго благосостоянія. Ничего подобнаго не желаетъ новый журналъ. „Священникъ, говоритъ о. Чеканъ, какъ гражданинъ, долженъ любить свое отечество, долженъ своею вѣрой дорожить и своихъ прихожанъ блюсти. А это уже есть своего рода политика именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ противники наши говорятъ, что мы (духовенство) должны быть внѣ политики. Если они все для насъ дорогое стараются разрушить, а мы стоимъ, то этимъ какъ мы, такъ и они занимаемся политикою и проводимъ ее въ жизнь“. „Священнику быть безпартійнымъ (только слово дру-

гое, а смыслъ тотъ-же), это такъ-же невозможно, какъ невозможно ему быть безъ фізіономіи, безъ лица“. Очевидно, наши „духовные объединители“ берутъ современную жизнь во всемъ ея разнообразіи, понимая тѣсную связь и зависимость каждой отдѣльной личности съ общимъ церковнымъ, государственнымъ и бытовымъ строемъ. Они не довольствуются только личнымъ усовершенствованіемъ себя, личнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей и своего личнаго призванія въ одиночку, обособленно; они хотятъ союзнаго совершенствованія всего окружающаго ихъ общества, всего государства, улучшенія и оздоровленія церковнаго, соціальнаго и народнаго строя. Они, конечно, исходятъ изъ христіанскихъ религіозно-нравственныхъ пониманій и указаній, но они не забываютъ, что жизнь постоянно развивается, постоянно возникаютъ новыя потребности и задачи, въ особенности въ наше взволнованное время, и что только въ правильномъ единеніи со всѣмъ этимъ развитіемъ можно находить оправданіе, силу и благотворное вліяніе. Такимъ образомъ, здѣсь рѣчь идетъ не о клерикальномъ или пресвитеріанскомъ космополитизмѣ, не о захватѣ духовенствомъ власти надъ народомъ или о порабощеніи духовенствомъ городского или сельскаго населенія; рѣчь идетъ о возсозданіи христіански-братскаго союза между всѣми легализованными партіями, сословіями и обществами. Здѣсь рѣчь идетъ о единой и планомѣрной жизни всѣхъ партій и сословій въ современномъ обществѣ. Укажемъ теперь на нѣкоторыя частнѣйшія стороны или проявленія предполагаемаго объединенія.

II.

„Объединенные члены“ нашего новаго общества должны отличаться характеромъ *національностью*, т. е. охраняющимъ отличительныя черты русскаго народа. Въ чемъ же именно состоитъ наша національность?—Это рѣшено уже тысячелѣтнею исторіею нашего отечества и ясно формулировано въ слѣдующихъ положеніяхъ: *православіе, самодержавіе и народность*, т. е. она состоитъ въ національномъ усвоеніи христіанства, въ національномъ возрѣннн на верховную власть и въ національномъ охраненіи народныхъ особенностей. Пусть вѣрно то, что наше пониманіе христіанства не есть само-бытное, самостоятельное, а есть греческое, византійское, какъ

латинскія племена поняли его въ римско-католическомъ смыслѣ, а англосаксонскія племена въ протестантскомъ. Пусть вѣрно и то, что мы усвоили себѣ наше христіанство не столько въ теоретическомъ, или богословско-философскомъ смыслѣ, сколько въ обрядовомъ, церковно-уставномъ и каноническомъ. Тѣмъ не менѣе оно завѣщено намъ нашими предками, сроднилось съ нашею душою, и нашъ русскій народъ почерпаетъ въ немъ и пьетъ ту живую воду, которая очищаетъ его, оживотворяетъ и какъ сказочному богатырю даетъ могущественную силу и энергію духа. Но оно не есть нѣчто неподвижное, схематическое, формальное; напротивъ, оно способно къ безконечному развитію. Оно даже требуетъ разумнаго пониманія христіанства. Еще Лейбницъ сказалъ, какъ истинная философія непременно должна быть религіозной, такъ и истинная религія непременно должна быть философскою.

Вторая характеристическая черта нашей національности есть самодержавіе. По этой чертѣ нашъ Царь есть верховный Отецъ нашего обширнаго Отечества, возвышающійся надъ всѣми партіями, сословіями и соглашениями. Онъ есть олицетвореніе возможной правды и милости на землѣ. Въ этомъ отношеніи онъ есть какъ-бы средоточіе всѣхъ электрическихъ и культурныхъ волнъ народной жизни, направляющій всѣ пружины общественной жизни къ благу всѣхъ своихъ народностей. Его самодержавіе поэтому не есть ни абсолютизмъ, ни деспотизмъ, ни монархическая олигархія, ни тѣмъ болѣе феодальный договоръ различныхъ народностей подъ предсѣдательствомъ случайно избраннаго президента. Онъ самодержавенъ. Въ своихъ рѣшеніяхъ и распоряженіяхъ, проникнутый всецѣло желаніемъ блага народнаго, Онъ совершенно свободенъ и независимъ и отвѣтственъ только предъ Богомъ, своею совѣстію и исторіею. И счастливъ народъ, имѣющій такого царя, и счастливъ царь, когда народъ понимаетъ его и любитъ. Счастіе здѣсь возникаетъ отъ сліянія царя съ народомъ. Оно особенно рельефно называется, когда, по выраженію одного нашего поэта:

„Душа царя съ душой народа
„Сливается въ союзъ святой.
„Растетъ разумная свобода,
„Союзъ скрѣпляя вѣковой“.

Богъ на небѣ, царь на землѣ—вотъ идеаль русскаго народа, а идеальный образъ отца и дѣтей—вотъ основа царскаго самодержавія. Богъ милуетъ и караетъ, и царь милуетъ и караетъ, какъ поступаетъ и каждый благоразумный отецъ въ своемъ семействѣ.

Третья характерная черта нашей національности есть народность. Въ чемъ состоитъ эта черта? Безъ сомнѣнія, въ охранѣ національнаго воспитанія, экономическомъ и духовно-нравственномъ развитіи и въ осмысленной, а не инстинктивной только любви къ отечеству. Отсюда возникаетъ разумный патріотизмъ. Для патріота благо и благосостояніе государства есть *цѣль* его жизни, а не *средство* только его эгоистическихъ, анархическихъ или космополитическихъ цѣлей. Государство существуетъ для народа, но и народъ существуетъ для государства. Такъ смотритъ на это дѣло и ж. „Наше Объединеніе“ и даже подчеркиваетъ то обстоятельство, что онъ хочетъ держаться именно „монархическаго направленія“. Въ своей весьма дѣльной замѣткѣ: „Пробужденіе націонализма“ о. Чекавъ говоритъ. „У нашихъ прихожанъ (т. е. бессарабскихъ) еще живъ христіанскій духъ и намъ, духовенству, не теряя времени, нужно... возможно полнѣе использовать близость къ намъ своихъ прихожанъ для ихъ же блага въ смыслѣ духовно-нравственнаго развитія, *національнаго самосознанія и экономическаго улучшенія ихъ положенія*“.

И далѣе. „Во всѣхъ этихъ областяхъ развитіе должно идти параллельно, дабы имѣть своихъ прихожанъ не только истинно православными христіанами, но и свободными отъ эксплуатаціи инородцами, честными и культурными гражданами—патріотами“. Въ заключеніи о. Чекавъ говоритъ: „поэтому намъ, духовенству, предстоитъ выполнить еще, такъ сказать, государственную обязанность, въ полномъ смыслѣ патріотическую—поднять національное чувство своихъ прихожанъ, объяснить имъ, что они родные дѣти по вѣрѣ и духу великой славянской націи, величайшаго русскаго государства, которому и впереди предстоитъ сыграть важнѣйшую роль въ судьбахъ народовъ міра; что они имѣютъ право на уваженіе къ себѣ и другихъ народовъ, поэтому въ то же время они должны стараться быть достойными этого уваженія, приобрѣтаемаго своими духовными качествами,

исполненіями нравственныхъ обязанностей предъ Богомъ и людьми, развитіемъ ума, воли, трезвостію, честностію, трудолюбіемъ—словомъ своимъ сомоусовершенствованіемъ“.

Совершенно справедливо. Только путемъ усовершенствованія всѣхъ сторонъ общественной жизни можно достигать братскаго и высокоцѣннаго націонализма. Безъ этого же условія націонализмъ можетъ казаться коснымъ, тяжелымъ и даже мучительнымъ. Только при посредствѣ именно усовершенствованнаго націонализма можно обогатить міровую культуру новымъ богатымъ вкладомъ и высказать человѣчеству новое слово, слово славы, какъ утверждаетъ это нашъ славянофильскій поэтъ, К. С. Аксаковъ:

„О, братья, плѣнь тяжелый духа,
Постыдный плѣнь мы разорвемъ,
Всею силой нравственнаго слуха
Призывъ нашъ внутренній поймемъ!“

* * *

Духъ братства, кроткій, величавый,
Духъ мира снова воскресимъ
И скажемъ свѣту слово славы,
Еще не слыханное имъ!“

Таковъ національный символъ нашей народной вѣры.

III.

„Объединеніе“, о которомъ говоритъ журналъ, должно начаться въ средѣ самого духовенства. И прежде всего, духовенство должно войти въ живое и ближайшее единеніе съ правящими іерархами, съ мѣстными или епархіальными архіереями. „Ближайшая наша задача, говоритъ о. Чекашъ, уничтожить средостѣніе между архіереемъ и священникомъ и сблизить ихъ до отеческаго сердечнаго взаимообщенія. Мы стремимся предать въ область забвенія то старое житейское правило, что не видѣть, а то и совсѣмъ не знать архіерея, верхъ житейской мудрости. Напротивъ, мы того мѣшны, что раздѣленное пропастію скрытности сельское духовенство никогда не станетъ къ своему архіерею въ сыновнія отношенія, никогда не объединится между собою и съ своими при-

хожанами, словомъ, никогда не достигнетъ того объединенія, проповѣдникомъ котораго является нашъ журналъ, а потому не достигнетъ и тѣхъ результатовъ, къ которымъ мы стремимся“. О. Чеканъ энергично осуждаетъ тотъ ложный взглядъ, что низшему духовенству надобно бояться своего архіерея, даже не вѣрить ему, потому что онъ будто-бы только тѣмъ и занятъ, что ищетъ случая, кого-нибудь наказать, и когда утверждаютъ, что такой взглядъ имѣетъ жизненное основаніе, величайшая ошибка. О. Чеканъ держится совершенно противоположнаго мнѣнія. По нему, архіерей по отношенію къ духовенству является отцемъ, который совсѣмъ не ищетъ удовольствія въ издѣвательствѣхъ надъ своими дѣтьми, хотя бы даже и заблудшими... Поэтому сердечность, отзывчивость и довѣріе духовенства къ своему архипастырю —необходимыя условія этого единенія. Съ другой стороны, чтобы наше, т. е. духовенства, единеніе съ архипастыремъ не ограничивалось только предложеніемъ и исполненіемъ, а было въ полномъ смыслѣ органическимъ, необходимо близкое знакомство архіерея съ нами и съ нашими прихожанами, другими словами, знакомство съ епархіей не по донесеніямъ о.о. благочинныхъ, а на основаніи личныхъ наблюденій надъ епархіей. Въ виду этого журналъ выражаетъ желаніе, чтобы правящій архіерей знакомился съ приходскимъ духовенствомъ и его прихожанами непосредственно, по возможности со всѣми и, такъ сказать, на мѣстахъ: но такъ какъ это по обширности у насъ епархій, трудности, сложности и разнообразію архіерейской епархіальной дѣятельности недостижимо: то онъ желалъ бы возможно большаго увеличенія епархіальныхъ викаріатствъ. Онъ говоритъ, что посѣщеніе архіереемъ захолустной деревни оставляетъ отрадное впечатлѣніе на десятокъ лѣтъ. А сколько недоразумѣній можно было бы уладить и всякаго рода умственныхъ шатаній рассѣять на мѣстахъ?—Быть можетъ, все это имѣетъ свою хорошую сторону и можетъ быть признано резоннымъ. Очевидно, однако же, о. Чеканъ признаетъ дѣятельность о.о. благочинныхъ, призванныхъ быть ближайшими помощниками правящихъ архіереевъ, малоуспѣшною и потому предлагаетъ возможно-большее увеличеніе числа викаріатствъ (въ Бессарабской епархіи на первыхъ порахъ, по крайней мѣрѣ, двухъ —въ Хотинѣ и Бѣльцахъ). Но не будетъ ли это своего рода

возвратомъ къ древнему институту хоръ—епископовъ, т. е. сельскихъ епископовъ? Это не желательно. Послѣдующими каноническими постановленіями, какъ извѣстно, этотъ институтъ былъ отмѣненъ. Во всякомъ случаѣ, хотя подобные церковные вопросы и могутъ быть обсуждаемы въ журналѣ, но окончательное рѣшеніе ихъ, какъ намъ кажется, принадлежитъ уже будущему Всероссійскому Церковному Собору.

Еще съ большею силою журналъ настаиваетъ на объединеніи духовенства, и низшаго и высшаго, между собою. Онъ справедливо говоритъ, что для мыслящаго и сознательнаго пастыря едва ли нужны доказательства необходимости и своевременности объединенія духовенства. Въ самомъ дѣлѣ, кто привыкъ сознательно и осмысленно участвовать въ общественной жизни, кто зорко слѣдитъ за быстро развивающимися событіями послѣднихъ лѣтъ, тотъ не могъ не замѣтить, что призывъ „объединимся“ есть господствующій въ нашемъ обществѣ. Къ сожалѣнію, духовенство въ массѣ позже всѣхъ сознало громадное значеніе объединенія, великую мощь солидарности. И въ то время, когда вокругъ него кипѣла работа, вырабатывались программы общественныхъ выступленій группъ и партій, намѣчались очередныя задачи и цѣли, —духовенство оставалось, если не равнодушнымъ, то безсильнымъ, разрозненнымъ и потому въ сторонѣ отъ общественнаго движенія. А паства, увлеченная открывшейся, заманчивой перспективою свободъ, постепенно уходила изъ-подъ его вліянія. Духовенству поэтому необходимо принять участіе въ этой мирной организаціонной работѣ, если оно не хочетъ окончательно остаться за бортомъ и потерять свое вліяніе на народъ. Правда, на пастырскихъ собраніяхъ Бессарабской епархіи, какъ и повсюду, поднимались иногда вопросы о направленіи пастырской дѣятельности при современныхъ условіяхъ жизни, напримѣръ, о единеніи съ прихожанами, возрожденіи прихода и пр. Но на этихъ собраніяхъ, какъ говоритъ о. Чеканъ, мы занялись изысканіемъ средствъ возродить прихожанъ, себя же оставили въ прежнемъ состояніи и нисколько не подготовились къ столь трудному дѣлу. Между тѣмъ возродить прихожанъ могутъ только пастыри, возрожденные, объединенные тѣсно между собою и всецѣло проникнутые идеальными пастырскими цѣлями. Какимъ образомъ?

IV.

Кромѣ высокихъ пастырскихъ обязанностей, на священникѣ лежатъ еще обязанности гражданинъ. Священникъ не только приходскій пастырь, но и гражданинъ въ своемъ государствѣ, обязанный пектись о благосостояніи своихъ согражданъ или своихъ прихожанъ. Что же въ этомъ отношеніи можетъ сдѣлать духовенство для своихъ прихожанъ? Очень многое. И прежде всего о. Чеканъ энергично возвышаетъ голосъ за повсемѣстное открытіе приходскихъ совѣтовъ. Это тѣ же приходскія попечительства, только нѣсколько расширенныя. Въ кругъ обязанностей ихъ должны входить не только церковно-приходскіе вопросы, но и приходская благотворительность и всѣ экѳномическіе приходскіе вопросы. „По нашему пониманію, говоритъ онъ, приходскій совѣтъ есть форма совмѣстной свободной дѣятельности причта и прихожанъ, а въ такой дѣятельности—объединеніе, ибо объединеніе выражается только въ дѣятельности“. „Мы приходимъ къ выводу, говоритъ онъ далѣе, что приходскій совѣтъ составляетъ сущность каждаго прихода, какъ дѣятельнаго союза вѣрующихъ, иначе духовной связи между всѣми членами этого союза не будетъ, а будетъ только обыкновенная встрѣча людей, мало или ничего общаго между собою не имѣющихъ“. А потому съ формальнымъ учрежденіемъ приходскихъ совѣтовъ отношенія между причтомъ и прихожанами не только не ухудшатся, а, напротивъ, улучшатся, благодаря точному выясненію ихъ взаимныхъ отношеній“. Безъ сомнѣнія, сужденія эти безспорны. Извѣстно, что въ наше время высказываются различныя сужденія объ организаціи прихода, его юридическомъ значеніи и правовомъ положеніи въ приходѣ духовенства и пр. Но достаточно ли православные прихожане, особенно сельскіе, знакомы съ подобными вопросами и усвоили себѣ правильные отвѣты на нихъ? Готовы ли они къ новому порядку дѣлъ?—Вотъ что говоритъ объ этомъ членъ Государственнаго Совѣта и профессоръ С.-Петербургскаго университета, о. прот. Горчаковъ: „Я являюсь убѣжденнымъ сторонникомъ и того (юридическаго значенія прихода) и другого (правового положенія духовенства). Но прежде нежели основать приходъ, надобно озаботиться о томъ, чтобы прихожане сами прониклись этимъ

стремленіемъ. За мной—жизненный опытъ и наблюдательность, которые говорятъ мнѣ, что такого стремленія среди прихожанъ не было и нѣтъ. Когда я думаю объ этомъ, мнѣ слышится обычная фраза „ты дѣлай, батюшка, какъ знаешь, —мы тебѣ довѣряемъ, насъ ужь не утруждай“... О. Чеканъ ясно сознаетъ это и потому предлагаетъ своимъ сопастырямъ предварительную подготовку прихожанъ къ усвоенію правильныхъ воззрѣній на приходъ. Весь его проэктъ въ этомъ отношеніи, въ сущности, можетъ быть выраженъ въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: Каждый епархіальный округъ долженъ устроить пастырское собраніе для обсужденія этого вопроса; собраніе затѣмъ изберетъ двухъ священниковъ, энергичныхъ и хорошихъ ораторовъ, на которыхъ возложить обязанность во всѣхъ приходяхъ даннаго округа открывать приходскіе совѣты. Когда въ данномъ приходѣ все будетъ подготовлено, тогда, по предварительному соглашенію мѣстнаго причта и окружнаго объединителя, назначается день для общаго приходского собранія съ приглашеніемъ и сосѣднихъ священниковъ съ четырьмя-пятью ихъ прихожанами, для этого дѣла подготовленными. Собранія открываются затѣмъ торжественно, избираются члены совѣта, учреждается совѣтъ и пр. О. Чеканъ совершенно убѣжденъ, что въ этомъ состоитъ живой союзъ пастырей съ пасомыми и что осуществленіе его на дѣлѣ не есть утопія, а живая дѣйствительность. „Каждый изъ насъ думаетъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, что „одинъ въ полѣ не воинъ“; но соберемъ же всѣ воедино, страхнемъ съ себя малодушное невѣріе въ свои силы и понесемъ свою лепту въ общую сокровищницу“.

Очень интересны также его сужденія объ экономическомъ улучшеніи своихъ прихожанъ. „Есть у насъ, говоритъ онъ, одна задача, которая предносится духовенству. Задача эта—улучшеніе экономическаго быта крестьянъ путемъ учрежденія мелкаго кредита и кооперацій. Здѣсь тоже открывается обширное поле для нашей дѣятельности и нѣкоторые изъ насъ много и съ большимъ успѣхомъ уже потрудились на этомъ поприщѣ. Пусть же каждый возьметъ за ту работу на пользу крестьянъ, которая ему по-плечу, но пусть онъ не оставляетъ въ невѣдѣніи объ удачахъ и неудачахъ и своихъ собратьевъ, пусть онъ знаетъ, что вни-

мательныхъ слушателей у него будетъ достаточно, не будетъ недостатка и въ послѣдователяхъ“. О. Чекавъ указываетъ затѣмъ юридическій или формальный путь, утвержденный существующимъ у насъ законодательствомъ, для открытія подобныхъ кооперацій. Вообще же дѣло это сколько благотворное, столько и трудное. Если гдѣ, то именно въ этой бытовой дѣятельности надобно обладать мудростію змѣиною и чистотою голубиною, по заповѣди Спасителя: „будьте мудры, яко змѣи и цѣли, яко голуби“. Здѣсь недостаточно одного одушевленія благими пожеланіями при всей возможной энергіи, здѣсь необходимо еще практическое пониманіе дѣла и хорошее знакомство съ этой дѣятельностію ¹⁾.—Въ своей же замѣткѣ „Борьба съ нищетой въ деревнѣ“ журналъ говоритъ также или лучше повторяетъ проектъ священ. Яновскаго о борьбѣ съ деревенскою нищетой. По этому проекту вводится добровольный или обязательный взносъ денегъ, ежемѣсячно или ежегодно, въ пользу деревенскихъ нищихъ. Въ сущности проектъ предлагаетъ то, что давно уже существуетъ въ еврейскихъ общинахъ. Извѣстно, что у евреевъ есть бѣдные, но нѣтъ нищихъ, кромѣ случайныхъ, напримѣръ, случайно попавшихъ въ чужую общину и не имѣющихъ права пользоваться общинною благотворительностію болѣе опредѣленнаго времени. Еврейскіе нищіе содержатся на счетъ своей общины.

V.

Мы старались выяснитъ основныя практическія задачи современнаго православнаго духовенства какъ понимаетъ это ж. „Объединеніе“. Всѣ онѣ сводятся къ тому, чтобы отечество наше по преимуществу было православнымъ, православная вѣра—господствующей, а хозяиномъ Россіи былъ рус-

¹⁾ Коопераціи вводятся у насъ по образцу западныхъ странъ. Для хорошаго практическаго знакомства съ ними мы можемъ указать на весьма дѣльный трудъ В. К. Саблера, подъ заглавіемъ: „О мирной борьбѣ съ социализмомъ“. Послѣ интереснаго очерка современнаго направленія социализма, почтенный Авторъ въ своемъ трудѣ сообщаетъ свѣдѣнія о крестьянскихъ и католическихъ Союзахъ, христіанскихъ Синдикатахъ рабочихъ, Ссудо-сберегательныхъ товариществахъ и пр. Онъ пишетъ свое сочиненіе въ виду надвигающагося повсюду безбожнаго социализма. Изданіе 1908 г. СПб. цѣна т. I 90 к., т. II 2 р. Изданіе продается у извѣстныхъ книгопродавцевъ.

скій человекъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы и слабый не былъ обремененъ сильнымъ и бѣдный не эксплуатировался богатымъ, словомъ, чтобы въ нашемъ отечествѣ осуществлялась возможная на землѣ правда. Задачи несомнѣнно—патріотическія, современные и благородныя. Но нельзя сказать, чтобы всѣ мнѣнія журнала высказываемы были по нѣкоторымъ вопросамъ съ одинаковою силою и убѣдительностію и не требовали болѣе разносторонней разработки, смягченій, ограниченій и даже поправокъ. На нихъ скорѣе надобно смотрѣть какъ на оригинальныя или личныя мнѣнія того или другого сотрудника, а не какъ на окончательныя заключенія или сужденія. Приведемъ одинъ примѣръ. Журналъ говоритъ, между прочимъ, о вредномъ вліяніи евреевъ на христіанъ и какъ будто бы сожалѣетъ о томъ, что еврейскіе мальчики охотно посѣщаютъ приходскія школы, ежедневно дежурятъ въ нихъ за исключеніемъ субботы и усвояютъ ветхій и новый Заветъ лучше христіанскихъ мальчиковъ. Ужели это не желательно? Ужели лучше было бы, если бы еврейскіе мальчики усвоили себѣ понятія о христіанскомъ вѣроученіи въ талмудическихъ хедерахъ?—Въ статьѣ „Поруганіе православія“ журналъ указываетъ также на замѣтное паденіе православія и спрашиваетъ, гдѣ причина этого прискорбнаго явленія и что можетъ служить къ его устраненію? И между прочимъ отвѣчаетъ: „много виновато (въ этомъ) отношеніе стараго режима къ вѣчно юному еврейскому вопросу. Не давъ евреямъ полныхъ правъ, старый режимъ предоставилъ имъ одно право—надругательства надъ вѣрой“. Ужели, это правда? Не превеличеніе ли это? Авторъ этой статейки указываетъ далѣе на Кубанскихъ казаковъ—субботниковъ, которые живутъ совершенно свободно и на военной службѣ получаютъ чины унтеръ-офицеровъ, вахмистровъ и пр., хотя іудеи на повышеніе на военной службѣ не имѣютъ. Авторъ видитъ въ этомъ противорѣчіе закону и говоритъ „если однимъ іудеямъ разрѣшается жить въ данной мѣстности, то почему же нельзя тамъ же жить и другимъ, такъ сказать, чистокровнымъ іудеямъ?.. Если же сознаютъ всю опасность вреднаго талмудическаго ученія, то почему не гонять евреевъ вонъ, за границы Имперіи“? Очевидно, быть можетъ безсознательно для себя, благонамѣренный Авторъ впадаетъ при этомъ или въ одобреніе беззаботнаго о народѣ „режима“ былаго Польскаго

государства, или впадаетъ въ крайнюю средневѣковую нетерпимость Испаніи. Извѣстно, что въ былой Польшѣ евреи не были ограничены чертою осѣдлости и свободно жили повсюду. Но вотъ что говорили объ этомъ убѣжденные католическіе священники, ревностные проповѣдники католичества:

„Polonia est nova Babilonia:
Paradisus Haebreorum
Et infernus Rusticorum“ ¹⁾.

Съ другой стороны, пагубною можетъ оказаться и испанская средневѣковая нетерпимость. Извѣстно, что средневѣковая Испанія, по своей вѣроисповѣдной нетерпимости, изгнала у себя всѣхъ евреевъ, нежелающихъ креститься, и этимъ значительно подорвала свое народное благосостояніе. Не сомнѣваемся поэтому, что оба противоположныя мнѣнія суть крайности, недопустимыя ни съ христіанской, ни съ государственной точки зрѣнія.

Авторъ указанной статейки упрекаетъ еще тѣхъ священниковъ, которые присоединяютъ къ православію евреевъ неосмотрительно и говорятъ: „сколько (есть) молодыхъ людей, окончившихъ среднюю школу, которые изъявляютъ желаніе креститься, и ихъ крестятъ, если не заявятъ прямо, что... крестятся лишь для того, чтобы поступить въ высшую школу“, дающую имъ извѣстныя права. Быть можетъ, подобныя упреки справедливы. Но какъ быть въ тѣхъ случаяхъ, когда у священника нѣтъ возможности отличить истинное желаніе креститься отъ ложнаго?—У насъ это дѣло оформлено извѣстными постановленіями, но у насъ нѣтъ древняго института „оглашенія“. Да и возможенъ ли онъ въ наше время? Думаемъ однако же, что и не искренне крещающійся, которому Богъ судья, не лишается возможности войти въ благодатное общеніе со всѣми православными. Мы ничего не говоримъ уже объ отечественномъ высшемъ образованіи, которое во всякомъ случаѣ должно сблизять крещенаго еврея съ природными жителями страны болѣе, чѣмъ образованіе, получаемое въ хедерахъ. Но довольно этого примѣра.

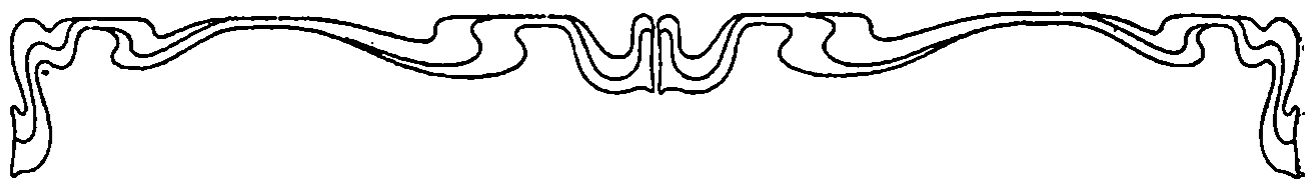
Очевидно однако же, что новый журналъ хочетъ остаться вѣрнымъ своему желанію быть свободной „Аудиторіей“

¹⁾ Польша есть новый Вавилонъ: рай для евреевъ и адъ для сельскихъ жителей.

для свободнаго обмѣна мнѣній всѣхъ сочувствующихъ журналу. Онъ открываетъ свои страницы каждому, кто только можетъ и кто хочетъ высказать свое личное мнѣніе, но непременно въ патріотическомъ и православномъ духѣ. Съ этой же точки зрѣнія онъ освѣщаетъ и нѣкоторые важнѣйшіе факты общественной жизни. Не задаваясь рѣшеніемъ богословско-философскихъ вопросовъ, онъ мало интересуется и оффиціальными свѣдѣніями, иногда переполняющими наши „Епар. Вѣдомости“. Онъ справедливо говоритъ: „ограничиваться сообщеніями оффиціальныхъ свѣдѣній это значитъ дать пищу простому любопытству. Естественно, такія свѣдѣнія въ большинствѣ случаевъ забываются и въ практической жизни значенія почти не имѣютъ“. Онъ хочетъ быть только строго практическимъ православно-патріотическимъ руководителемъ своихъ читателей при ихъ встрѣчѣ съ разнообразными фактами общественной жизни. И благодаря именно этому направленію, журналъ встрѣчаетъ въ средѣ своихъ читателей несомнѣнное сочувствіе и одобреніе. Самъ Редакторъ-Издатель его въ своемъ, уже упомянутомъ нами письмѣ на имя Высокопреосвященнаго Арсенія говоритъ:

„Смѣю увѣрить, что журналъ „Наше Объединеніе“ встрѣченъ духовенствомъ кишиневской епархіи весьма сочувственно и несмотря на сравнительно недавнее свое существованіе—два мѣсяца, нѣтъ уголка въ нашей епархіи, гдѣ бы его не читали. За это столь короткое время онъ уже почти успѣлъ провести идею закрытія торговли и всякаго рода базаровъ въ воскресные и праздничные дни по всей Бессарабіи, вслѣдствіе чего началось усиленное въ эти дни посѣщеніе прихожанами храмовъ“.

Наконецъ мы должны повторить, что журналъ издается преимущественно для сельскаго или приходскаго духовенства. Онъ и редактируется сельскимъ священникомъ и на селѣ. И мы думаемъ, что именно наше приходское духовенство всего ближе стоитъ къ народной жизни, у самаго, такъ сказать, источника этой жизни. А потому его литературный голосъ не только интересенъ, но и въ высокой степени поучителенъ. Желаемъ новому журналу самаго широкаго распространенія.

Идея трагедіи Л. Андреева „Анатема“ и ея развитіе.

Въ прошедшій зимній сезонъ (1909 года) большое вниманіе было удѣлено двумъ пьесамъ Л. Андреева „Анфиса“ и „Анатема“. Обѣ эти пьесы были поставлены на многихъ сценахъ и выдержали по многу представленій. Появленіе ихъ на сценахъ привлекло къ нимъ вниманіе какъ прессы, такъ и литературы. Около нихъ тотчасъ же возгорѣлась ожесточенная полемика. Однако большее вниманіе привлекла „Анатема“, какъ своимъ замысломъ, такъ и развитіемъ фабулы. Высказывались самыя разнообразныя взгляды на то, что хотѣлъ изобразить авторъ подъ главными дѣйствующими лицами этой трагедіи.

Въ виду столь живого интереса, возбужденнаго пьесой, а равно и въ виду затрогиваемыхъ въ ней вопросовъ, умѣстно еще разъ возвратиться къ этому произведенію Андреева и попытаться разобратся въ немъ, не принося въ изложеніе страстности и субъективности.

„Анатема“ названа трагедіей, и такое названіе дано ей совершенно правильно.

Какъ мнѣ кажется, авторъ въ своей трагедіи хотѣлъ затронуть идею борьбы, которая ведется Сатаной противъ Бога и Его міровой творческой дѣятельности, эта идея ясно проходитъ чрезъ всю пьесу. Мысль изобразить борьбу Сатаны съ Богомъ нельзя считать новой. Не разъ даже геніальные писатели задавались подобными же задачами и по своему осуществляли ихъ. Такъ создано было великое произведеніе Мильтона „Потерянный Рай“, такъ Петрарка изобразилъ „Адъ и Чистилище“. Нѣтъ ничего удивительнаго, что и Л. Андреева привлекла подобная же идея.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ трагедіи является Анатема, могущественный умный духъ, противникъ Бога. Анатема представленъ духомъ, который своимъ пытливымъ умомъ хотѣлъ бы проникнуть туда, куда проникнуть ему не дано. Ему не дано проникнуть за врата, но онъ упрямо стремится за нихъ какими бы то ни было путями. Онъ не хочетъ мириться съ мыслью, что можетъ быть какая-то тайна. И его умъ ищетъ переступить порогъ этой тайны. Но весь трагизмъ его положенія въ томъ и заключается, что его умъ гораздо пытливѣе, чѣмъ его, хотя и могущественныя, силы. Силы его не соотвѣтствуютъ его уму. Но его умъ ничѣмъ въ мѣрѣ интересоваться не хочетъ. Онъ устремляется только на одно: что тамъ за входами? Какъ Имя Тому, Кто находится за этими вратами?

Но этотъ духъ не только духъ умный, но и духъ безъ сердца. Его старое сердце изсохнуло. Остался одинъ только умъ, который отъ этого сталъ еще суше. Пытливость его развивается, но она не согрѣвается теплотою сердца. Его умъ стремится проникнуть въ тайну не только въ силу своей пытливости, но еще и потому, что не видитъ или, лучше сказать, не хочетъ видѣть того, что видятъ другіе, не хочетъ понимать того, что понимаютъ другіе. Охраняющій входы говоритъ Анатемѣ:

„Мое лицо открыто, но ты его не видишь. Моя рѣчь громка, но ты ея не слышишь. Мои велѣнія ясны, но ты ихъ не знаешь“.

Трагедія тѣмъ и начинается, что Анатема вновь является къ Охраняющему входы и вновь заводитъ съ нимъ рѣчь объ интересующемъ его Анатему вопросѣ.—Въ прологѣ представлено пустынное мѣсто, усѣянное голыми камнями; въ глубинѣ видныя ворота, а у вратъ стоитъ нѣкто Охраняющій входы съ тяжелымъ мечемъ въ рукахъ.

Къ нему Анатема обращается съ своею рѣчью. Рѣчь его клонится къ тому, чтобы этотъ нѣкто отступилъ отъ вратъ; а онъ Анатема глянулъ бы за нихъ, глянулъ бы только чрезъ скважину и все поцѣлъ бы. Его умъ не можетъ мириться съ неизвѣстностью; онъ хочетъ и долженъ узнать. Ради этого онъ говоритъ Охраняющему дерзости, подступаетъ къ нему, но и отскакиваетъ отъ него, боясь его могущества; не достигнувъ дерзостью ничего, онъ начинаетъ упра-

шивать Охраняющаго, умолять его, чтобы онъ открылъ Имя Того, чьи входы онъ охраняетъ. Но Охраняющій не удовлетворяетъ его желанія, потому что Анатема еще не родилась для жизни.—Но, не добившись отъ Охраняющаго Имени Того, Кто за входами, Анатема, повидимому, все таки самъ знаетъ это Имя; онъ его слышалъ; но не вѣритъ, что таково Его Имя. Имя живущаго тамъ есть Любовь. И это Имя положено въ основаніе всей міровой жизни. Но съ мыслью, что Любовь есть Имя Его и что Любовь есть основа жизни, Анатема не можетъ примириться. И это вполне понятно, потому что въ немъ самомъ любви нѣтъ; и онъ не можетъ себѣ представить, что она можетъ быть у другихъ и не только быть, но и являться основаніемъ всей міровой дѣятельности. И онъ предполагаетъ, не скрывается-ли за этимъ, что-либо иное, а не то только, о чемъ говорятъ. Нѣтъ-ли здѣсь какой-либо тайны; а можетъ быть даже и обмана. Охраняющій не далъ ему никакого удовлетворенія на его мучительный вопросъ. И у него является мысль самому произвести опытъ и чрезъ него попытаться раскрыть тайну, которую отъ него скрываютъ. Предметомъ такого опыта онъ хочетъ избрать Давида Лейзера. Онъ хочетъ сдѣлать этого еврея тѣмъ камнемъ, которымъ „метнетъ въ гордое небо и дрогнуть основы высокихъ небесъ“. Своимъ опытомъ съ Давидомъ онъ хочетъ доказать, что любовь не можетъ быть основой жизни, что любовь можетъ приводить не къ жизни, а къ смерти. Уходя отъ Охраняющаго, онъ съ угрозой говоритъ ему: „устами Давида возвѣщу я правду о судьбѣ челоуѣка“. И „мы съ Давидомъ приходимъ благодарить, съ Давидомъ Лейзеромъ, великимъ, могучимъ, бессмертнымъ Давидомъ Лейзеромъ“. Эти послѣднія слова онъ говоритъ съ насмѣшкой, потому что уже предвидитъ, до какого жалкаго состоянія онъ доведетъ Давида чрезъ ту любовь, о которой ему говорятъ, какъ о началѣ жизни и безсмертія.

I.

Итакъ Анатема избираетъ Давида Лейзера, какъ средство, чтобы доказать Охраняющему, что не любовь можетъ быть основой жизни, а только умъ, разумъ; любовь можетъ приводить только къ обнаруженію зла, къ разрушенію любви и къ уничтоженію.

Задумавъ произвести такой опытъ надъ Давидомъ Лейзеромъ, Анатема начинаетъ приводить его въ исполненіе. — Давида Лейзера онъ избираетъ по слѣдующимъ соображеніямъ. Давидъ—старый еврей, всю жизнь прожившій въ крайней бѣдности, отъ бѣдности потерявшій четырехъ дѣтей и собирающійся потерять и пятого взрослога Наума; онъ и самъ уже потерялъ всякую привязанность къ жизни и собирается умирать. Порвавъ почти всѣ привязанности, Давидъ любитъ уединяться на берегъ моря и тамъ бесѣдовать съ Богомъ.—Давидъ Лейзеръ человѣкъ праведный.

И вотъ этому Давиду Лейзеру Анатема даетъ большое богатство въ видѣ наслѣдства отъ умершаго брата Моисея.

Давидъ Лейзеръ приходитъ въ ужасъ отъ этого событія и не хочетъ принимать денегъ. Онъ совершенно правильно разсуждаетъ, на что ему это богатство. Когда были живы его дѣти и умирали отъ голоданія, тогда не было денегъ; а теперь, когда онъ самъ умираетъ, Наумъ тоже скоро умретъ, ему даютъ это богатство. Это богатство не можетъ быть послано Богомъ; оно должно быть послано сатаной.—Но его семья смотритъ на дѣло совѣшерино иначе. Мать и дѣти безконечно рады. И они начинаютъ жить новой богатой жизнью.

Какъ ко всему пріятному, семья скоро привыкаетъ къ своему новому положенію. Дочка Роза рядится и принимаетъ всевозможныхъ ухаживателей, мечтая выйти замужъ не только за богатаго, но и за весьма знатнаго человѣка. Умирающій Наумъ и тотъ усердно учится танцевать. Одинъ только Давидъ воспоминаетъ съ сокрушеніемъ о погибшихъ дѣтяхъ и смотритъ съ болью на Наума.

Однако Анатема далъ богатство Давиду не для того, чтобы семья его благодумствовала; поэтому онъ безпощадно стремится внести сначала рознь, а потомъ и вражду къ этому любвеобильному Давиду, какъ-бы чрезъ эту же его любовь.

Для этого Анатема внушаетъ Лейзеру, чтобы онъ раздалъ свое богатство бѣднымъ. Если умерли его дѣти, если онъ самъ голодалъ со своей семьей, то пусть не голодаютъ другіе бѣдные, пускай они живутъ и благославляютъ судьбу. Лейзеръ принимаетъ эту мысль Анатемы. И съ цѣлью раз-

дать имущество, онъ призываетъ къ себѣ свою семью и бѣдняковъ и имъ всѣмъ объявляетъ свое рѣшеніе раздать свое наслѣдство.

Но къ чему же приводитъ это добросердечіе?

Это добросердечіе прежде всего вноситъ раздоръ въ семью Лейзера. Его жена противъ раздачи; но она любитъ своего мужа и привыкла вѣрить его словамъ и поступкамъ; поэтому и рѣшеніе своего мужа встрѣчаетъ, какъ рѣшеніе правильное, хотя для нихъ и тяжелое. Горько сожалѣть о рѣшеніи отца и Наумъ; но онъ слишкомъ слабъ, чтобы противиться этому. Его же дочь Роза поднимаетъ бунтъ и, узнавъ о рѣшеніи отца, покидаетъ его и мать, потому что они забыли о ея красотѣ и не хотятъ ее поддержать.—Такъ любовь Давида внесла вражду въ семью.

Однако Анатема спѣшитъ направить дѣло такимъ образомъ, чтобы возбудить вражду и въ облагодѣтельствованныхъ имъ.

Съ этой цѣлью онъ созываетъ отъ четырехъ океановъ все море горя людского.

Дѣйствительно, вѣсть о томъ, что Лейзеръ раздаетъ деньги созываетъ въ городъ всю бѣдноту, какъ изъ города, такъ и съ его окрестностей. Бѣдныхъ собирается такъ много, что сдѣланныхъ ранѣе предположеній нельзя осуществить; чтобы удовлетворить всѣхъ нужно уменьшить намѣченное. А это ведетъ къ возбужденію перваго неудовольствія бѣдняковъ: они ожидали большаго, а приходится получать меньшее. Но это еще только начало.

Вѣсть о Лейзерѣ быстро распространяется всюду. Но вѣсть уже не какъ о раздателѣ денегъ; нѣтъ, а какъ о какомъ то особенномъ человѣкѣ. Изъ дальнихъ странъ приходитъ первый вѣстникъ и спрашиваетъ: „Гдѣ Давидъ? Правда ли, что онъ исцѣляетъ больныхъ; даетъ хлѣбъ; воскрешаетъ мертвыхъ?“ Такъ вѣсть, изшедшая изъ города о раздачѣ денегъ, возвратилась обратно увеличенной до неузнаваемости. О Давидѣ Лейзеръ стали говорить какъ о чудотворцѣ.

И люди начинаютъ неудержимо стремиться къ нему. Одни ищутъ у него денегъ, другіе исцѣленій, иные утѣшеній, а иные и прямо-таки воскрешенія дорогихъ умершихъ. Такъ, Анатема созвалъ со всѣхъ концовъ четырехъ океа-

новъ все море горя и бѣдъ. Лейзеръ видитъ, какъ къ нему идутъ, ташутся хромые, слѣпые, со всѣми ужасными болѣзнями. Наконецъ къ нему же является и мать съ мертвымъ младенцемъ, умоляя воскресить его.

Люди возвеличили Давида; они думаютъ о немъ, какъ о великомъ чудотворцѣ, которому все возможно. А между тѣмъ Давидъ Лейзеръ тотъ же бѣдный еврей, какимъ онъ былъ и раньше. У него осталось только 300 р., которые онъ хотѣлъ употребить на поѣздку въ Иерусалимъ, въ этотъ священный городъ. У него нѣтъ даже лишней копейки. Онъ спрашиваетъ у Нулюса, нѣтъ ли у него еще копейки. Но Нулюсъ съ демоническимъ смѣхомъ отвѣчаетъ, что у нихъ больше ничего нѣтъ; нѣтъ даже копейки. Онъ оттѣняетъ это затѣмъ, чтобы показать Лейзеру его собственное безсиліе, его ничтожество. Съ одной своей любовью Лейзеръ ничего не можетъ сдѣлать. Любовь бесплѣнна. Сила и могущество не въ любви. Въ этомъ же намѣреніи показать Лейзеру его безсиліе, Анатема или Нулюсъ предлагаетъ ему воскресить умершаго младенца. Лейзеръ видитъ эту невозможность и еще болѣе убѣждается въ своемъ безсиліи.—А между тѣмъ люди идутъ къ нему; ждуть отъ него всего, что каждому хотѣлось бы имѣть. Безсиліе и слава—вотъ трагизмъ, которыя окружаютъ теперь Лейзера. Анатема такимъ образомъ достигъ своего. Но онъ ведетъ дѣло и дальше. Онъ хочетъ возбудить въ людяхъ и вражду къ Лейзеру. Къ Лейзеру является молодая женщина обезчещенная людьми, съ мольбою о помощи. А Лейзеру уже помочь нечѣмъ. Кромѣ 300 рублей, онъ все израсходовалъ. Но его жена внушаетъ ему поступиться и этими послѣдними деньгами въ пользу этой женщины. Лейзеръ отдаетъ и эти деньги. Этимъ онъ показываетъ всю силу своей любви къ людямъ. Но эта же крайняя любовь возбуждаетъ только еще болѣе сильную ненависть. Люди, которымъ онъ отказалъ, услышавши, что онъ далъ женщинѣ и далъ денегъ много, выводятъ заключение, что у Лейзера должно быть еще есть средства, но онъ начинаетъ давать ихъ съ выборомъ. Такъ Анатема достигъ того, что люди раздѣлились въ своихъ мнѣніяхъ о Давидѣ. Начинается борьба между противоположными взглядами. Его приверженцы настаиваютъ, чтобы онъ, Давидъ, показалъ свою силу; другіе же ищутъ, чтобы онъ помогъ имъ.

Все это настолько разстраиваетъ Давида, что онъ принимаетъ предложеніе Нулюса и бѣжитъ съ нимъ въ пустыню. Онъ хочетъ скрыться отъ людей, чтобы люди не требовали отъ него невозможнаго.—Но толпа устремляется за ними и находитъ ихъ. Давидъ совершенно обезсилѣлъ и хотѣлъ бы только уснуть, отдохнуть. Однако Анатема хочетъ довести до конца начатое. Когда толпа окружаетъ Давида и требуетъ отъ него чудеса, Анатема говоритъ ему, чтобы онъ сказалъ имъ, что онъ ничего не можетъ, не можетъ обратить эти камни въ хлѣбы. Но этому признанію толпа не вѣритъ, она думаетъ, что на этотъ разъ Давидъ солгалъ имъ. Это такъ разстраиваетъ толпу, что она беретъ камни и безжалостно побиваетъ ими своего благодѣтеля.

Давидъ палъ; толпа разбѣжалась. Анатема съ торжествомъ становится ногой на спину Давида и восклицаетъ побѣду. Но Давидъ еще не умеръ; онъ очнулся и заплетающимся языкомъ говоритъ: „вотъ я нашелъ копеечку, пойду отдамъ имъ“ и съ этими словами любви къ побившимъ его онъ умираетъ.

Анатема торжествуетъ надъ трупомъ Лейзера, торжествуетъ вдвойнѣ. По его мнѣнію онъ доказалъ, что любовь приводитъ къ безсилію и смерти, а не къ безсмертію и вѣчности; по его же мнѣнію онъ вполне доказалъ, что не любовь, а умъ двигаетъ жизнью. Его дьявольски умно задуманный планъ исполненъ и его умъ торжествуетъ, какъ лишнее подтвержденіе, что съ умомъ можно достигнуть всего.

Съ торжествомъ ставъ на мертваго Лейзера, Анатема удаляется отъ мертваго, сбрасываетъ съ себя принятую форму и уходитъ съ земли. Онъ опять идетъ къ Охраняющему входы. Но теперь онъ приходитъ туда, какъ побѣдитель. Онъ увѣренъ, что побѣдилъ Охраняющаго, и очень удивляется, что тамъ все осталось по старому: врата остаются плотно закрытыми, Охраняющій стоитъ на своемъ мѣстѣ; нѣтъ ни трубъ, возвѣщающихъ его побѣду, нѣтъ и цвѣтовъ, украшающихъ побѣдителя. А онъ то ждалъ того и другого. Но не встрѣтя ничего, онъ все таки гораздо свободнѣе располагается у ногъ Охраняющаго. Однако не имѣя силъ долго сдерживать себя, Анатема съ торжествомъ объявляетъ: „А знаешь? Вѣдь люди то сами побили Лейзера“. Этимъ извѣстіемъ онъ видимо хотѣлъ совершенно сразить Охраняю-

щаго, показать ему, какъ блестяще онъ задумалъ и выполнилъ планъ для доказательства безсилія любви. Но каково же удивленіе, мистическій ужасъ и изступленіе, когда онъ слышитъ голосъ Охраняющаго, что Давидъ Лейзеръ тѣмъ не менѣе достигъ безсмертія и вѣчности. Выходило, что планъ Анатемы не только не осуществился, что онъ Анатема самъ оказывается побѣжденнымъ. Анатема съ этимъ никакъ не хочетъ мириться и въ изступленіи кричитъ Охраняющему: „Ты лжешь“. Онъ никакъ не можетъ понять, какъ это поражение Давида привело его же къ побѣдѣ. Это для его великаго ума совершенно не постижимо; и онъ повторяетъ: „Ты лжешь, лжешь и лжешь“. Наконецъ Анатема взываетъ къ Давиду Лейзеру во имя ихъ дружбы: „приди и скажи Ему, что Онъ лжетъ“. Но и Давидъ Лейзеръ не является на его зовъ. И онъ одинъ въ изступленіи повторяетъ одно: „Ты лжешь“.

Въ этомъ актѣ обнаруживается вся глубина трагизма сатаны. Анатема, хотя и говоритъ Охраняющему, что Онъ лжетъ, однако чувствуетъ, что тотъ говоритъ правду, что Давидъ Лейзеръ достигъ и безсмертія и вѣчности. И планъ его рухнулъ; его замыселъ разрушенъ, какъ карточный домикъ. Умъ его вновь посрамленъ ненавистной ему любовью. Но это не все. Предъ нимъ опять встаетъ та же тайна, которую онъ хотѣлъ разрушить. Своимъ замысломъ онъ ни на шагъ не приблизился къ разъясненію ея. Отъ этого онъ такъ изступленно и поноситъ Охраняющаго.

Онъ грозитъ Охраняющему новыми опытами, болѣе страшными чѣмъ опытъ съ Лейзеромъ. Но все-таки онъ остается побѣжденнымъ.

Такъ, по нашему мнѣнію, задумана и осуществлена Л. Андреевымъ идея борьбы сатаны съ Богомъ.

II.

Заканчивается трагедія тѣмъ, что Анатема въ изступленіи хулилъ Бога, говоря, что Онъ впадаетъ въ ложь, и обѣщая землѣ новыя страшныя бѣдствія. Анатема говоритъ, что его и на этотъ разъ обманули. Отъ этого онъ и изрыгалъ такія хулы на Охраняющаго. Но правъ ли былъ Анатема, такъ представляя дѣло? Какъ смотритъ самъ создатель этого произведенія? На чью сторону становится онъ? Ана-

темы или Охраняющаго? Износить ли онъ хулы на Бога, передавая, какъ Анатема ополчался на Охраняющаго, или же только объективно передаетъ глубину изступленія Анатемы?

На эти вопросы въ трагедіи есть отвѣты и отвѣты вполнѣ опредѣленные. Характеромъ своего изложенія Андреевъ говоритъ, что Анатема былъ глубоко не правъ. Онъ правымъ считаетъ Охраняющаго входы.

Своимъ опытомъ надъ Давидомъ Лейзеромъ чего хотѣлъ добиться Анатема? Помимо доказательствъ безсилія любви и силы ума, онъ хотѣлъ къ ногамъ Охраняющаго входы привести съ собой и Лейзера—этого праведнаго человѣка такимъ же возставшимъ на Бога, какимъ былъ и самъ. И онъ былъ увѣренъ, что достигнетъ своего. Но для достиженія этого онъ прибѣгалъ къ всевозможнымъ средствамъ: запугиванью, лжи, обману, клеветѣ, коварству. И все это онъ употребилъ по отношенію къ слабому человѣку.

Съ цѣлью достигнуть намѣченнаго, Анатема всѣ усилія употреблялъ на то, чтобы оклеветать Бога и внушить Давиду мысль, что не онъ Давидъ виновенъ въ своемъ обнаружившемся безсиліи, а Богъ. Онъ,—а не кто другой далъ ему его великую любовь. Ей, т. е. любви подчиняясь, Давидъ созвалъ отъ всѣхъ четырехъ странъ міра всю глубину человѣческаго горя. И горе возстало на этотъ зовъ любви, на этотъ божественный голосъ. Но когда оно пришло къ ногамъ Давида, тутъ-то и обнаружилось все безсиліе Давидовой любви. Его любовь оказалось недостаточной, чтобы осушить всю эту бездну горя. Кто виноватъ? Онъ—Богъ. Онъ далъ Давиду бездну любви; онъ не далъ этой безднѣ силъ замѣнить это горе людское. Эту мысль Анатема всѣми силами и старается внушить Давиду. Вторая половина пятой картины представляетъ собой яркое изображеніе борьбы духа человѣческаго съ духомъ сатаны. Сатана хочетъ, чтобы Давидъ принялъ его мысль, что онъ Давидъ обманутъ Богомъ точно такъ же, какъ и онъ Анатема. Когда Давидъ изнемогаетъ отъ сознанія своего безсилія, Анатема повелительно говоритъ ему:

„Встань, Давидъ! Будь мужемъ предъ лицомъ великаго страха. Не ты ли призвалъ ихъ сюда? Не ты ли голосомъ любви громко воззвалъ въ безмолвіе и тьму, гдѣ по-

чиваетъ неизреченный ужасъ? И вотъ они пришли къ тебѣ съверь и югъ, востокъ и западъ, и четырема океанами слезъ легли у ногъ твоихъ. Встань же, Давидъ!”

И когда Лейзеръ говоритъ: „Что же мнѣ дѣлать, Нулюсь“? Анатема отвѣчаетъ: „Скажи имъ правду“.

Однако, какую правду долженъ сказать Давидъ? Онъ долженъ сказать, что онъ, Давидъ, беспилепъ; беспиленъ вслѣдствіе своей любви; а беспиленъ, потому что обмануть. Анатема говоритъ ему: „Ты обмануть, Лейзеръ, ты обмануть, какъ и я“...

Вотъ что онъ долженъ сказать людямъ. Онъ долженъ громко крикнуть имъ, что онъ самъ обмануть Богомъ, а потому обманулъ ихъ.

„Не обманула ли Лейзера любовь? Она сказала, я сдѣлаю все—и только пыль подняла по дорогѣ, какъ слѣпой вѣтеръ изъ за угла, который врывается съ шумомъ и ложится тихо“.

„Выйди и скажи имъ это, и они послушаютъ тебя“, скажи имъ:

„Пойдите къ Тому, Кто далъ Давиду любовь, и спросите Его, зачѣмъ Онъ обманулъ брата нашего Давида“.

Вотъ чего Анатема добивается отъ Давида. Онъ долженъ возстать на Бога самъ. А это къ чему приведетъ? Да къ возмущенію и всего великаго множества собравшихся людей.

„Они поднимутъ свой голосъ къ небу, говоритъ Анатема Давиду, и мы услышимъ отвѣтъ неба, Давидъ“.

Вотъ чего онъ добивается отъ Давида. Онъ хочетъ, чтобы Давидъ самъ взбунтовался противъ Бога и увлекъ къ тому же самому и всю массу людей.

„Скажи имъ правду, и ты подынешь землю“.

И наконецъ онъ добивается того, что Давидъ говоритъ:

„Я иду, Нулюсь. И я скажу имъ правду, я никогда не лгалъ“.

Давидъ Лейзеръ уходитъ, чтобы сказать народу правду. И Анатема думаетъ, что онъ скажетъ ему именно ту правду, которую онъ хотѣлъ бы. А поэтому въ торжествующемъ изступленіи онъ взываетъ къ Богу:

„Слушай же; возради, если можешь! Это не дьяволъ говоритъ съ тобой, это не сынъ зари возвышаетъ свой смѣ-

лый голосъ—это человекъ, это твой любимый сынъ, твоя забота, твоя любовь, твоя нѣжность и гордая надежда—извивается подъ твоею пятою, какъ червь“.

И какъ же Анатема недоволенъ на Давида, когда тотъ возвращается и говоритъ ему, что ему люди не повѣрили. Онъ ждалъ отъ Давида хулы на Бога; а Давидъ говорилъ ему, что онъ говорилъ людямъ о своемъ безсиліи.

И у Анатемы создается новый планъ. Планъ заставить Лейзера обмануть ожидающихъ людей. Они пришли къ нему—Лейзеру, по его же зову; а Анатема предлагаетъ ему бѣжать отъ нихъ въ пустыню и скрыться отъ нихъ.

Давидъ такъ измученъ свалившимся на него, что принимаетъ предложеніе Анатемы. Анатема рисуетъ предъ Давидомъ, какъ тотъ будетъ жить въ пустынѣ, вдали отъ людей, отъ ихъ грѣховъ чистымъ и святымъ, будетъ молиться и поститься; и ни грязь, ни проказа людскія не пристанутъ къ нему. Подъ вліяніемъ всего этого у Давида вырывается крикъ:

„Въ пустыню! Въ пустыню“!

Увлечши Давида, Анатема приводитъ его за городъ на берегъ моря въ какой-то тупикъ, откуда уже никуда нельзя уйти. Онъ же сдѣлалъ и то, что нѣкоторые увидѣли и узнали Давида и извѣстили о томъ, гдѣ Давидъ находится. И народъ огромной массой устремился къ Давиду; окружилъ его и отрѣзалъ всѣ пути къ отступленію.

Поставивъ въ такое положеніе Давида, Анатема возбуждалъ противъ него народъ, внушая Давиду и самъ надменно повторяя имъ: „Прочь! Прочь“! Въ то же время Анатема всѣ усилія направляетъ къ тому, чтобы возбудить самого Давида противъ народа. И когда толпа все больше и больше начинаетъ напирать на Давида, онъ внушаетъ Давиду, чтобы тотъ проклялъ собравшихся. Давидъ поднимаетъ руки. Но въ это время камни, брошенные въ него, повергаютъ его на землю.

Анатема въ изступленіи разражается адскимъ хохотомъ. По его мнѣнію, онъ хоть этимъ, а всетаки достигъ своего. Давидъ проклялъ людей. Въ поднятіи рукъ Давидомъ онъ видитъ его измѣну людямъ и Богу. Въмѣсто любви Давидъ изнесъ людямъ свое проклятіе.

„А-хъ, ты побѣдилъ, Давидъ. Смотри, смотри, какъ бѣ-

жить проклятое тобой стадо. Ха-а. Они падают со скаль. Они бросаются въ море. Ха-а. Они топчатъ дѣтей. Это сдѣлалъ ты, великій, могущественный Давидъ Лейзеръ. Любимый сынъ Бога—это сдѣлалъ ты. Ха-ха-ха“.

Заключительныя слова ясно показываютъ, какое значеніе придавъ Анатема послѣднимъ разыгравшимся при его непосредственномъ участіи событіямъ. Онъ думаетъ, что вполне достигъ намѣченной цѣли. Давидъ возсталъ противъ людей и проклялъ ихъ. Онъ же, Давидъ, виновенъ и въ томъ, что люди подавили другъ друга и даже дѣтей. Вотъ какимъ преступникомъ сдѣлался Давидъ, этотъ любимый Богомъ сынъ. Хорошъ, нечего сказать, сынъ Божій. И это сознаніе доставляетъ ему безумную радость.

„Ахъ, куда же мнѣ дѣваться съ радостью моею, вослицаетъ онъ. Ахъ, куда же мнѣ пойти съ вѣстью моею—для нея мало мѣста на землѣ. Востокъ и Западъ, Сѣверъ и Югъ, смотрите и слушайте—Давидъ, радующій людей, убитъ людьми и Богомъ“!

И, съ его точки зрѣнія, радоваться такъ вполне естественно. Онъ-Анатема, побѣдилъ не только Давида съ его любовью, но и самаго Бога, Который отвергъ теперь Давида и Самъ руками людей убилъ его.

„Слышишь ты? „Заключаетъ онъ къ Богу“. Возрази, если можешь“.

Вотъ истинная цѣль всей дѣятельности Анатемы по отношенію къ Лейзеру. Вотъ та цѣль, къ которой онъ такъ неуклонно толкалъ Давида, но вотъ и тѣ средства, которыя онъ употребилъ для достиженія намѣченнаго. По просту говоря, онъ совершенно опуталъ Давида. Положеніе Давида было самое тяжелое. Простому человѣку бороться съ могущественнымъ духомъ едва ли подъ силу.

Но посмотримъ теперь, какъ Давидъ выдержалъ эту борьбу. И правильно ли Богъ даровалъ Давиду безсмертіе? Правъ ли былъ Анатема, когда кричалъ Охраняющему, что онъ лжётъ? Неужели же Охраняющій обманулъ Анатему, давъ безсмертіе недостойному, высохшему червяку, недостойному жизни? Или же лгалъ не Охраняющій, а Анатема, когда называлъ Давида изсохшимъ червякомъ? И въ этомъ отношеніи трагедія даетъ ясный и опредѣленный отвѣтъ.—Лгалъ Анатема на Давида, называя его безжизненнымъ чер-

вякомъ. Давидъ чрезъ всю трагедію проходитъ одинаково высокимъ въ своей любви къ людямъ и глубокой преданности къ Богу. Анатема, не смотря на всѣ свои огромныя усилія, не могъ побороть слабаго челоуѣка и возстановить его противъ Бога.

Возвратимся къ тому моменту, какъ семья Лейзера зажила богатой жизнью. Семья быстро освоилась съ своей новой жизнью. Но Давидъ ею не доволенъ. И источникъ недовольства тотъ же, что былъ и раньше. У него были дѣти и онъ былъ бѣденъ; онъ теперь богатъ, но дѣтей нѣтъ: они умерли отъ голоданія; остался Наумъ, да и тотъ по мнѣнію докторовъ, умереть черезъ мѣсяць. Самъ же Давидъ старъ. Голодъ, вошедшій даже въ его кости, требуетъ пищи; но старый желудокъ извергаетъ ее обратно. На что ему богатство! И эта мысль заставляетъ его среди богатства тосковать по бѣдности. Онъ остается чужимъ богатству. И этимъ захотѣлъ воспользоваться Анатема. Онъ хочетъ внушить мысль о необходимости раздать свое наслѣдство бѣднымъ. И когда на это Давидъ сначала говоритъ:

„Корки хлѣба не дали Давиду, когда онъ былъ голоденъ; ихъ ли сытостью насыщу свой голодъ, который въ костяхъ“?—то какъ краснорѣчиво и убѣдительно доказываетъ Анатема Давиду, что онъ долженъ роздать имущество бѣднымъ. Но это онъ дѣлалъ затѣмъ, чтобы возбудить Давида противъ Бога:

„Верни Богу, что далъ тебѣ Богъ“.

Однако достигъ ли онъ своей цѣли? Нѣтъ. Мысль о погибшихъ дѣтяхъ совершенно растворяетъ Давида. Чрезъ любовь къ своимъ дѣтямъ въ немъ пробуждается не возстаніе на Бога, а любовь къ людямъ:

„Нулюсь, да неужели ты не понялъ, говоритъ Давидъ, что уже давно я жду бѣдныхъ, и голосъ ихъ въ ушахъ и сердцѣ моемъ? Зови бѣдныхъ сюда“.

Эти слова Давида повергли Анатему въ мрачное раздумье. Онъ чувствуетъ, что не мысль о бунтѣ, а любовь къ людямъ заставляетъ Давида звать бѣдныхъ, и онъ мрачно прибавляетъ:

„Подумай, Давидъ, кого ты зовешь. Не обмани меня Давидъ“.

Давидъ говорить ему, что онъ никогда никого не обманывалъ и велитъ ему звать его семью и бѣдныхъ.

Анатема уходитъ, видимо, успокоенный, чтобы исполнить порученное, и не слышитъ онъ молитвы-размышленія, которую произноситъ Давидъ, оставшись одинъ. Въ какую ярость Анатема пришелъ бы, если бы услышалъ, что скажетъ Давидъ. Но онъ не слышалъ. Не Анатемъ, а Всевышнему возсылаетъ Давидъ горячую благодарную молитву, прославляя Его за внушенную ему мысль.

„Духъ Божій пронесся надо мною и волосы поднялись на головѣ моей. Аданой, Аданой! Кто, страшный, вѣщалъ голосомъ стараго Нулюса, когда заговорилъ онъ о моихъ маленькихъ умершихъ дѣтяхъ? Только стрѣла, пущенная изъ лука Всевышняго, такъ мѣтко попадаетъ въ самое сердце. Воистину на краю бездны удержалъ ты меня и изъ когтей діавола ты вырвалъ духъ мой. На вершину горы ты поднималъ меня и міру явишь мое старое, печальное лицо. Ты повелишь—ягненокъ станетъ львомъ, ты повелишь, и яростная львица протянетъ сосцы свои, полныя силы, ты повелишь Давиду Лейзеру, поблѣвшему въ тѣни, безстрашно подниматься къ солнцу. Аданой! Аданой!“

Въ этой молитвѣ излилось сердце преданнаго Богу сына. Такъ измѣнилъ Давидъ Анатемъ съ самаго же начала. Но не обманулъ онъ его, а только далъ волю тому, что было въ немъ всегда; но чего Анатема не зналъ, или, если и зналъ, то не придавалъ ему большого значенія, думая что можно измѣнить мысли человѣка, или можно заставить его дѣйствовать по своей волѣ.

Давидъ же, разъ отдавшись охватившей его мысли, неудержимо начинаетъ идти по открывшемуся для него пути. Онъ какъ бы совсѣмъ не представляетъ себѣ, что и четыре милліона рублей могутъ распылиться и не оставить отъ себя слѣда. Отдаваясь чувству, онъ велитъ созвать всѣхъ бѣдныхъ, нищихъ, озлобленныхъ, падшихъ: однимъ словомъ всѣхъ, кому въ какомъ бы то ни было отношеніи плохо живется; всѣхъ онъ зоветъ и всѣхъ хочетъ утѣшить и обрадовать. Любовь положительно овладѣла всѣмъ его существомъ. Онъ не замѣчаетъ того коварства, съ которымъ Анатема нѣсколько разъ прерываетъ монологъ Давида:

„Но всѣхъ ли ты позвалъ“.

Давидъ всѣхъ зоветъ: онъ не думаетъ, что можетъ не хватить и его четырехъ милліоновъ. Но вслѣдъ за Анатемой повторяетъ его заклинанія:

„Сѣверъ и Югъ, Востокъ и Западъ всѣхъ зоветъ Давидъ“.

И за то какъ же радъ Анатема, думая, что внушилъ Давиду нужную для него, Анатемы, мысль. И въ увлеченіи онъ цѣлуетъ руки Давида и мечется въ полномъ восторгѣ. Онъ и вообразить себѣ не можетъ, насколько далекъ Давидъ отъ его расчетовъ.

Однако это становится яснымъ и для Анатемы въ великій день для Давида, когда его встрѣчали всѣ облагодѣтельствованные имъ.

Сначала Давидъ не хотѣлъ принимать всѣхъ этихъ выражений признательности, потому что считалъ себя только выразителемъ воли Всевышняго.

„Что я сдѣлалъ такое, чтобы заслужить восторгъ и ликование и слезы безумной радости исторгнуть изъ глазъ? Я далъ вамъ деньги и хлѣбъ—но эти деньги Всевышняго, отъ Него пришедшія и къ Нему чрезъ васъ вернушіяся“.

Анатема недоволенъ этими словами Давида; но скрываетъ свое недовольство подъ упрекомъ, что Давидъ въ своемъ эгоизмѣ забылъ о людяхъ, которые ждутъ отъ Давида ласки.

Эти слова, сказанныя съ хитростью, возвращаютъ Давида къ людямъ. Давидъ видитъ предъ собою дѣтей. Это приводитъ ему на память его маленькихъ дѣтей. И его охватываетъ великій порывъ жалости сначала къ своимъ дѣтямъ, а потомъ и къ чужимъ.

„О мои маленькія птички, умершія на голыхъ вѣтвяхъ зимы! О дѣти, дѣточки, маленькія дѣточки! я же свое вамъ отдалъ, я вамъ далъ мое старое сердце, а вамъ далъ печаль и радость мою—не всю ли имъ отдалъ я душу, Нулюсь?“

И онъ беретъ дѣтей и плачетъ надъ однимъ изъ нихъ, вспоминая своихъ погибшихъ дѣтей.

Въ исходѣ этого дня Давидъ съ женой Сурою проходятъ по той площади, на которой они торговали, и здѣсь Давидъ переживаетъ впечатлѣнія кончающагося дня. День этотъ великій: онъ далъ ему высшую радость и утѣшеніе.

Охваченный этой радостью онъ совершенно не думаетъ о смерти. Напротивъ, радость какъ бы наполнила его жизнью. Жизнь людей, облагодѣтельствованныхъ имъ, онъ считаетъ какъ бы своею и въ этомъ онъ видитъ свое безсмертіе. И эта мысль наполняетъ его глубокой благодарностью, но опять таки не къ Анатемъ, а къ Богу. Это мѣсто у Андреева положительно трогательно.

„Нулюсь, смерти нѣтъ для человѣка. Какая смерть? Что такое смерть? Кто печальный выдумалъ это печальное слово смерть? можетъ быть она и есть, я не знаю, но я, Нулюсь, я бессмертенъ“. Гдѣ конецъ небу—я потерялъ его. Гдѣ конецъ человѣку—я потерялъ его. Я бессмертенъ: Адамой! Аданой! Да славится во вѣки вѣковъ таинственное имя Того, Кто даетъ безсмертіе человѣку“. „Безконечной дали время отдаю я духъ человѣка: да живетъ безсмертно въ безсмертіи огня, да живетъ онъ безсмертно въ безсмертіи свѣта, который есть жизнь. И да остановится мракъ предъ жилищемъ безсмертнаго свѣта! Я счастливъ, я бессмертенъ—о Боже“!...

Предыдущей молитвы Анатема не слышалъ. Но эту молитву—славословіе онъ слышалъ прекрасно: и зато въ какое изступленіе онъ впалъ.

„Имя! Имя! Ты знаешь имя Его? Ты обманулъ меня?

„Это ложь! О, докуда же я буду слушать этого глупца“?

Мы не знаемъ, что Анатема называетъ въ этомъ случаѣ ложью. Славословіе ли это, или мысль о безсмертіи. Скорѣе всего и то и другое. Порывъ любви, охватившій Давида, внушилъ ему мысли о безсмертіи, о радости. И Анатема спѣшитъ съ новыми заклинаніями:

„Сѣверъ и Югъ, Востокъ и Западъ, я зову васъ. Скорѣе сюда на помощь къ Діаволу. Четырмя океанами слезъ хлыньте сюда и въ пучинѣ своей схороните человѣка. Сюда! Сюда“!

Онъ хочетъ какъ можно скорѣе разбить эту вѣру Давида; хочетъ показать ему не безсмертіе и силу, а бессиліе и смерть и тѣмъ дать торжество своей идеи.

И дѣйствительно, на призывъ Анатеми собирается къ Лейзеру такая масса горя людского, что Давидъ положительно приходитъ въ ужасъ отъ нахлынувшихъ къ нему слезъ и бѣдствій людскихъ. Анатема его всѣмъ этимъ уст-

рашаеть. Давидъ падаетъ духомъ и говоритъ собравшимся людямъ, что у его болѣе ничего нѣтъ, что онъ такой же бѣдный старый еврей, который самъ скоро умретъ. Однако подъ вліяніемъ раскинутыхъ сѣтей Анатемы Давиду никто не вѣритъ. Всѣ думаютъ, что онъ только еще не готовъ, чтобы начать совершать великія дѣла и всѣ терпѣливо ждутъ.

Успокоеніе, наступившее вмѣстѣ съ ночью, когда Давидъ больше не видитъ ни слѣпыхъ, ни хромыхъ, ни другихъ несчастныхъ, когда они больше не угнетаютъ его своимъ видомъ, у него вопреки ожиданіямъ Анатемы вновь поднимается любовь къ людямъ, охватываетъ его и выражается въ неудержимомъ порывѣ къ всѣмъ этимъ несчастнымъ. Къ нимъ онъ простираетъ свои руки и зоветъ:

„Сюда! Сюда! Ко мнѣ! Я здѣсь! Я съ вами!“

Какъ громъ, неожиданно разразившійся поражаетъ человека, такъ этотъ призывъ Давида поражаетъ Анатему.

„Что! Ты ихъ зовешь? Опомнись Лейзеръ. Анатема думалъ, что онъ наладилъ измѣну и бѣгство, что духъ Давида совсѣмъ уже упалъ. И вотъ въ это самое время Давидъ кричитъ ему:

„Ты понимаешь! Мы люди и мы пойдѣмъ вмѣстѣ! И мы пойдѣмъ вмѣстѣ! Сюда, братья, сюда!“

На запугиванье Анатемы Давидъ гнѣвно отвѣчаетъ:

„Молчи—ты чужой! Ты говоришь, какъ врагъ Бога и людей. Ты не знаешь ни жалости, ни пощады. Мы истомились, мы устали.—Уже и мертвые устали ждать. Сюда, и мы пойдѣмъ вмѣстѣ. Сюда!“

Анатемѣ наконецъ удается вновь устрашить Давида, показать ему его безсиліе. Давидъ ослабѣваетъ и вновь готовъ въ пустыню. Но и здѣсь мысль о Богѣ его не покидаетъ.

„Что скажетъ мнѣ Богъ? И что я отвѣчу Богу? И подумайте, Нулюсь, развѣ я могу теперь хоть что нибудь отвѣтить Богу!“

И только соблазнительная мысль о спокойной и чистой жизни въ пустынѣ заставляеть Давида рѣшиться на бѣгство. И онъ бѣжитъ.

Наступаетъ послѣдній актъ жизненной трагедіи Давида. Анатема напрягаетъ всѣ силы, чтобы жертва сдѣлала

такъ, какъ онъ хочетъ. Какъ затравленный звѣрь, Давидъ оказался въ западнѣ. Съ одной стороны Анатема, дерзко отгоняющій толпу, чтобы раздражить ее, а съ другой эта толпа, ожидающая отъ Давида чего то необыкновеннаго.

Давидъ окончательно падаетъ подъ вліяніемъ всего этого. А между тѣмъ Анатема только и твердитъ:

„Встрѣть ихъ гордо! Правдою, правдою ударь ихъ Давидъ!“

Но какъ не усиливается Анатема возстановить Давида противъ людей, это ему не удается. Въмѣсто гордаго слова, какъ того желаетъ Анатема, съ его устъ срываются слова любви и убѣжденія.

Его послѣдній монологъ „Я васъ люблю“.., есть дѣйствительно крикъ любви, отдавшей себя людямъ, чтобы только облегчить страданія людей. Всѣ убѣжденія Давида не дѣйствуютъ на толпу. Она раздражается противъ него и берется за камни.

Анатема пользуется этимъ моментомъ и говоритъ ему:

„Прокляни ихъ, Давидъ. Они сейчасъ убьютъ тебя, скорѣй!“

Давидъ поднимаетъ руки, а люди побиваютъ его камнями.

Анатема бѣшенно радуется, воображая, что Давидъ проклялъ людей. А между тѣмъ Давидъ, придя въ себя опять говоритъ:

„Я къ вамъ. Подожди же меня, Сура. Я сейчасъ“ (и умирая Давидъ пользеть за побившими его).

Его умъ слабѣетъ; его мысли нутаются. Но послѣднія его слова о томъ, что его и слѣдовало побить камнями, что онъ на порогѣ хочетъ посмотрѣть на маленькихъ дѣтокъ. А послѣднія его слова:

„Знаете ли, Нулюсь, кажется, я нашелъ одну копейку. Я же говорилъ тебѣ, Нулюсь, взгляни въ эту бумагу... Абрамъ Хессинъ мой другъ... Абрамъ Хессинъ мой другъ.“

Такимъ образомъ съ мыслью о людяхъ съ любовью къ нимъ онъ и умираетъ.

Мы прослѣдили къ какимъ средствамъ прибѣгалъ Анатема, чтобы дать торжество своимъ планамъ и такимъ образомъ побѣдить Охраняющаго входы. Но мы указали и на то, насколько удалось Анатемѣ совратить Давида Лейзера и сдѣлать его такимъ богоборцемъ, какимъ былъ онъ самъ.

Мы видѣли, что сколько усилій Анатема не дѣлалъ, ему не удалось вырвать изъ груди Лейзера ни любви къ людямъ, ни преданности къ Адаю. Въ своей преданности къ Богу онъ ни разу не ослабѣвалъ. Ослабѣвалъ онъ только въ своихъ чувствахъ къ людямъ, но и то только временами и притомъ подъ вліяніемъ чаръ и внушеній Анатемы. Онъ и какъ жить, такъ и умереть любящимъ и преданнымъ. Поэтому было совершенно естественнымъ, что онъ достигъ безсмертія и вѣчности. II Охраняющій входы нисколько не лгалъ и не обманывалъ, когда говорилъ Анатемѣ, что Давидъ достигъ безсмертія и вѣчности. II при этомъ это не было оживленіемъ изсохшаго червяка: нѣтъ, смерть Лейзера была только переходомъ и разцвѣтомъ новой лучшей жизни, на той же основѣ любви, которую такъ хотѣлъ разрушить Анатема.

III.

Теперь необходимо перейти къ разсмотрѣнію послѣдняго, по нашему мнѣнію, наиболѣе труднаго вопроса: кого разумѣть Андреевъ подъ Давидомъ Лейзеромъ? Кого онъ изобразилъ подъ видомъ этого стараго еврея? Правда ли, что подъ Давидомъ Лейзеромъ онъ изобразилъ Іисуса Христа, а подъ жизнью его—жизнь и дѣло Христа? Инициатива всего дѣла находится въ рукахъ Анатемы. Давидъ Лейзеръ является лицомъ страдательнымъ, надъ которымъ сатана задумалъ производить опыты. Отсюда выходило бы, что и Христосъ есть лицо страдательное; а дѣйствующимъ является сатана, толкнувшій Іисуса изъ Назарета на такую дѣятельность.

Одинъ средній обыватель, посмотрѣвъ на эту трагедію, говоритъ: „откуда это взяли, что подъ Лейзеромъ нужно разумѣть Іисуса Христа: я же, когда смотрѣлъ, ничего подобнаго не видѣлъ“. Къ такому выводу можно легко прийти, если смотрѣть на Давида, какъ опредѣленное лицо. Если сравнить Давида съ Іисусомъ Христомъ, то сходства открыть нельзя. Давидъ Лейзеръ человѣкъ уже совсѣмъ старій, который думаетъ, что ему скоро нужно будетъ умереть. Его окружаютъ жена и дѣти; теперь ихъ только двое, было раньше шестеро. Давидъ—это совершенно простой человѣкъ, который раньше торговалъ самъ, а теперь за него торгуетъ

Сура и ей помогают Роза и Наумъ. Все отличіе его отъ прочихъ людей въ томъ только и заключалось, что онъ никогда не ропталъ на Бога, какъ бы порой ему ни жилось тяжело. Онъ самъ такъ на себя и смотритъ. Когда Сура ему говоритъ, что онъ человѣкъ особенный, онъ на это ей отвѣчаетъ: „кто жъ я? Ужъ не губернаторъ ли?“ А когда бѣдота начинаетъ одолѣвать его, ожидая отъ него чего то великаго, онъ только то и дѣлаетъ, что повторяетъ: „у меня ничего нѣтъ, я все отдалъ; у меня больше ничего нѣтъ“. Онъ и бѣжитъ съ Анатемой потому, что отлично сознаетъ свою слабость и безсиліе. Духовный образъ Давида совсѣмъ не напоминаетъ евангельскаго Христа.

Но противъ такого заключенія можетъ быть выдвинуто такое возраженіе: пускай это такъ; пускай Давидъ Лейзеръ не похожъ на евангельскаго Христа; но, можетъ быть, Л. Андреевъ понимаетъ и евангеліе по своему, находято, чего тамъ нѣтъ, и не видя того, что тамъ есть.

Это возраженіе имѣетъ свою силу и значеніе и вотъ почему. Н. Бердяевъ въ своей ст. „Философская истина и интеллигентская правда“¹⁾ отмѣтилъ, что русская интеллигенція весьма безцеремонно обращается съ воззрѣніями различныхъ авторитетовъ: по своему усмотрѣнію выбираетъ одно, опускаетъ другое, передаетъ свободно третье, а порой и прямо такъ искажаетъ четвертое; а все это за тѣмъ, чтобы подъ флагомъ тѣхъ или иныхъ авторитетовъ провести свои взгляды. И выходитъ, отъ ученія того или иного авторитета не осталось и слѣда, вмѣсто него изложена какая то отсебятина, но эта отсебятина названа именемъ выдающагося авторитета. И необразованная публика воображаетъ, что она читаетъ взгляды извѣстнаго философскаго авторитета. Такъ безцеремонно обращаются и съ авторитетами, и съ публикой многіе изъ новѣйшихъ учителей. Такъ вотъ и Л. Андреевъ не является-ли такимъ именно учителемъ, по своему передающимъ факты евангельской исторіи?

Чтобы разсмотрѣть поставленный вопросъ, коснемся сначала не самой трагедіи, а другого его произведенія, гдѣ онъ прямо говоритъ объ Иисусѣ Христѣ. Такимъ его произведеніемъ является рассказъ „Иуда Искаріотскій и другіе“.

¹⁾ Кн. „Вѣхи“, сборникъ статей о русской интеллигенціи.

На немъ мы и останавливаемся. Съ Иисусомъ этого произведенія и сравнимъ Давида Лейзера.

По изображенію Л. Андреева, Иисусъ Христосъ великій Учитель. Онъ совершенно не похожъ ни на одного изъ людей. Онъ неудержимо влекся ко всѣмъ обездоленнымъ и отверженнымъ. Изъ-за этого Онъ допустилъ до себя и Іуду, несмотря на то, что всѣ Его предупреждали о немъ, какъ о человѣкѣ шкуда негодномъ. Не смотря на это, Онъ всетаки сдѣлалъ его своимъ ученикомъ и даже распорядителемъ ихъ общаго имущества. А когда Іуда укралъ нѣсколько динаріевъ, то всѣ ученики страшно возмутились и хотѣли расправиться съ нимъ. Но Христосъ не только удержалъ ихъ отъ этого, но даже не осудилъ Іуду, чѣмъ совершенно обезоружилъ своихъ учениковъ. Однако приблизивъ его къ себѣ, Иисусъ не могъ побѣдить въ себѣ той невольной антипатіи, которая возбуждалась и въ немъ личностью Іуды. Не смотря на всѣ усилія Іуды снискать его расположение, Иисусъ всетаки оставался къ нему холоднымъ. Это чувство антипатіи особенно усилилось въ послѣдніе дни, когда Іуда началъ свои переговоры о предательствѣ. Иисусъ чувствуетъ въ немъ своего предателя и не можетъ побѣдить въ себѣ отвращенія. Но Иисусъ идетъ своимъ путемъ. Онъ предвидитъ свой конецъ, волнуется этимъ, съ укоромъ относится къ ученикамъ, когда они не могли пободрствовать съ нимъ въ Его послѣднюю ночь. Онъ же предсказываетъ Петру, что именно онъ то и отречется отъ Него. Такъ Андреевъ изображаетъ Христа особенной личностью, идущей своею дорогою, преслѣдующей свои цѣли и къ нимъ идущей неуклонно. По его изображенію это совершенно особенный учитель. Между нимъ и Давидомъ Лейзоромъ въ изображеніи Андреева нѣтъ сходства.

Но здѣсь можетъ возникнуть одно возраженіе и возраженіе сильное. Да, между Христомъ предшествующаго произведенія и Давидомъ послѣдующаго нѣтъ видимаго сходства. Но за то между Іудой и Анатемой сходство есть. Іуда есть не больше какъ набросокъ, эскизъ для послѣдующей картины, которую развернулъ Андреевъ въ своемъ произведеніи въ лицѣ Анатемы. Внешность Іуды напоминаетъ внешность Анатемы. Іуда такой же безпокойный, вѣчно мятущійся, рыщущій по городамъ и весямъ, какъ Анатема по-

свѣту. Онъ лгунъ, обманщикъ, воръ, какъ и Анатема. Онъ такъ же, какъ и Анатема, носитъ свою идею и ее осуществляетъ. Всѣ эти качества Андреевъ въ Анатемѣ только развернулъ и сдѣлалъ весьма выпуклыми.

Если такое сходство замѣчается между Иудою и Анатемою, то нѣтъ ли подобнаго сходства между Иисусомъ Христомъ и Давидомъ Лейзеромъ. Вѣдь въ существѣ дѣла и въ произведеніи Андреева „Иуда Искариотскій“ инициаторомъ всей великой драмы, разыгранной съ Христомъ, является Иуда. Иуда замыслилъ предательство; онъ привелъ его въ исполненіе; и такимъ образомъ подвелъ Христа подъ страданія. Мысль о томъ, что Христосъ шелъ своимъ путемъ, у Андреева очерчена далеко неясно. Яснѣе очерчена мысль, что Христосъ хотѣлъ привлечь къ себѣ всѣхъ, даже самыхъ отверженныхъ; но лучшіе люди, каковы книжки и фарисеи, распяли его, а другіе лучшіе люди, каковыми были его ученики, тѣ оставили его и попрятались. Худшіе же неистово кричали: „Распни его“. Изъ всего этого можно вывести, если не мысль объ Иисусѣ, какъ о неудачномъ Учительѣ, то, по крайней мѣрѣ, мысль о томъ, что такимъ негоднымъ людямъ, какими оказались всѣ, и проповѣдывать не стоило. По крайней мѣрѣ, Иуда эту мысль и выражаетъ, продавъ своего Учителя. Иуда оказался самымъ искреннимъ: онъ толкнулъ Христа на страданія; онъ же самъ и послѣдовалъ за нимъ одинъ изъ всѣхъ людей, продавъ себя смерти. Вотъ мысли, которыя Андреевъ вложилъ Иудѣ въ послѣднія мгновенія его жизни. Такимъ образомъ и въ „Иудѣ Искариотскомъ“ образъ Иисуса Христа затемняется образомъ Иуды. И не случилось ли, что образъ Иуды Андреевъ возвелъ до образа Анатемы, а образъ Иисуса Христа унизилъ до образа Давида Лейзера?

Такія двойственныя мысли приходятъ въ голову, когда читаешь и сопоставляешь эти два произведенія. Но такой двойственности не получится, если читать одну только „Анатему“. При чтеніи одной трагедіи впечатлѣніе получается болѣе определенное. Правда, Давидъ Лейзеръ изображенъ старикомъ, окруженнымъ семьей, собирающимся умирать, т. е. простымъ старымъ евреемъ, который только тѣмъ и прославился, что раздалъ свое наследство; и самъ онъ на себя смотритъ, какъ на самаго обыкновеннаго человѣка. Но

если читать нѣкоторыя сцены изъ „Анатемы“, то невольно бросается въ глаза ихъ сходство съ нѣкоторыми евангельскими повѣствованіями. Въ этомъ отношеніи наиболѣе характерной является сцена встрѣчи, устроенная Давиду Лейзеру съ городскими бѣдняками послѣ того, какъ онъ объявилъ имъ свое рѣшеніе раздать свое наслѣдство.

Собралась огромная толпа бѣдняковъ, которая рѣшила достойно чествовать своего благодѣтеля. Здѣсь собрались самые разнообразныя люди: ремесленники, торговцы, старые знакомые Давида, пьяницы, женщины и дѣти, музыканты и шарманщики. И всѣ они охвачены однимъ чувствомъ: достойно чествовать Давида. Наконецъ, изъ за поворота появляется Давидъ въ сопровожденіи Анатемы.

„Среди ожидающихъ волненіе и тревога: музыканты бросаются къ своимъ инструментамъ, женщины собираютъ играющихъ дѣтей. Крики: идетъ, идетъ! Зовы: Мойше, Петя, Сарра.

„Веселье, крики, смѣхъ, дѣти лѣзутъ впередъ, кто-то плачетъ, многіе мгновенно протягиваютъ руки къ Давиду. И среди хаоса веселыхъ звуковъ медленно движется Давидъ. Толпа разступается на пути его, многіе бросаютъ вѣтви и постилаютъ свои одежды, женщины срываютъ повязки съ головы и бросаютъ къ его ногамъ на пыльную дорогу“.

Далѣе одинъ изъ встрѣчающихъ говоритъ Давиду: „вотъ люди, которыхъ ты сдѣлалъ счастливыми, привѣтствуютъ тебя и постилаютъ одежды на твоёмъ пути, ибо велика ихъ любовь и не вмѣщается въ груди радость“.

Для Христіанина, для котораго входъ Іисуса Христа въ Іерусалимъ является однимъ изъ величайшихъ событій Евангельской исторіи, развѣ не бросается въ глаза близкое сходство не только въ характерѣ, но и въ выраженіяхъ между обѣими встрѣчами? Сходство представляется близкимъ.

Далѣе, слова, съ которыми обращается Давидъ къ собравшимся для встрѣчи, напоминаютъ собою слова Христа. Давидъ говоритъ:

„Что я сдѣлалъ такое, чтобы заслужить восторгъ и ликование и слезы безумной радости исторгнуть изъ глазъ? Я далъ вамъ деньги и хлѣбъ“...

Нѣкогда и Христосъ обратился къ собравшимся съ по-

добнымъ же упрекомъ: „вы ѣли хлѣбъ и насытились“ (Еванг. Іоан. VI, 26), когда они послѣ насыщенія ихъ хлѣбами хотѣли силою схватить Іисуса и объявить Его царемъ.

А эта сцена съ благословеніями дѣтей, случившимся въ тотъ же знаменательный день, или сцена съ молодой женщиной, обиженной другими людьми и приходшею искать утѣшенія у Давида, развѣ эти сцены не напоминаютъ подобныхъ событій изъ евангельской исторіи?

Это впечатлѣніе еще болѣе усиливается на сценѣ въ зависимости отъ того грима, который придаютъ играющіе нѣкоторымъ лицамъ, какъ, напр., женѣ Давида Сурѣ: молодой женщинѣ, обиженной другими, и страннику. Эти лица напоминаютъ Божію Матерь, Марію Магдалину и Іоанна Крестителя. Такое впечатлѣніе все болѣе и болѣе усиливается, когда читаешь или смотришь на сценѣ указанныя картины. И пишущему эти строки самому пришлось наблюдать, какъ нѣкоторые зрители среди представленія съ гнѣвомъ поднимались и уходили изъ театра, громко захлопывая за собою двери среди всеобщаго вниманія.

Такія впечатлѣнія приходится выносить изъ самой трагедіи, будетъ ли то чтеніе ея, или театральное представленіе. А отсюда сами собою слѣдуютъ и выводы. Картины взяты изъ жизни Христа. Значитъ, и подъ Давидомъ изображенъ не кто иной, а именно Христосъ. Л. Андреевъ въ своей трагедіи выводитъ Христа. Такой выводъ напрашивается невольно и съ нимъ приходится считаться.

Но тогда само собою слѣдуютъ и новые выводы. Если подъ Давидомъ изображенъ Христосъ, то значитъ авторъ трагедіи хотѣлъ изобразить Его совершенно простымъ человекомъ, который только тѣмъ и отличался отъ другихъ, что проникнуть былъ къ нимъ великою любовью. Давида необыкновеннымъ сдѣлали же сами люди, и эти же люди его и развѣчали, побивъ его камнями. Значитъ, Христосъ былъ только народнымъ идеаломъ; и когда народъ въ этомъ идеалѣ разочаровался, то самъ же и обрушился на Него съ ужасающимъ гнѣвомъ. Вотъ какія слѣдствія вытекаютъ, если на Давида смотрѣть, какъ на образъ Христа.

Но здѣсь самъ собою напрашивается и новый вопросъ, если Христосъ простой человекъ, то какъ создалась о немъ слава, какъ чудотворецъ, исцѣлитель больныхъ и воскрес-

тель мертвыхъ? Да такимъ же образомъ, какъ и Давидъ сталъ въ глазахъ народа чудотворцемъ, никогда не дѣлавши ничего подобнаго. Все это сдѣлали не дѣла, а молва. Сначала никто не думалъ о Давидѣ, какъ о какомъ то особенномъ человѣкѣ. Для всѣхъ Давидъ былъ хорошо извѣстенъ по своей прошлой жизни, чтобы о немъ думать что либо иное. Но вотъ на сцену является странникъ и приноситъ о Давидѣ нѣчто совершенно иное. О Давидѣ странникъ говоритъ: „онъ миръ и счастье принесъ на землю, и уже вся земля знаетъ о немъ“. Тотъ же странникъ говоритъ и тѣмъ внушаетъ своимъ слушателямъ новую мысль:

„Правда ли, что вашъ Давидъ исцѣлилъ женщину, у которой была неизлѣчимая болѣзнь, и она уже умирала?“ Хессинъ отвѣчаетъ: „нѣтъ, это неправда“.

Странникъ: Правда ли, что Давидъ возвратилъ зрѣніе человѣку, который былъ слѣпъ отъ рожденія?“

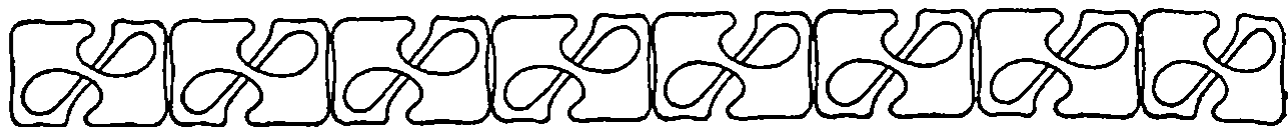
Хессинъ: „Это неправда. Кто-то обманулъ людей, которые непохожи на насъ. Только Богъ можетъ творить чудеса“.

Хессинъ опровергаетъ странника, доказывая, что только Богъ можетъ творить чудеса. Но слова странника пали на подготовленную почву. И уже Безкрайній, Пурикесь, Полный начинаютъ говорить, что Давидъ необыкновенный человѣкъ. Кто изъ обыкновенныхъ людей, говоритъ Сонка, станеть бросать въ людей деньгами, какъ въ собакъ камнями. Нѣтъ, Давидъ необыкновенный человѣкъ.—Это такъ дѣйствуетъ на всѣхъ, что не только Сура, но и Самъ Хессинъ, раньше опровергавшій странника, въ концѣ концовъ вмѣстѣ съ другими начинаютъ думать и говорить, Давидъ не простой человѣкъ.—Давидъ никому не возвратилъ зрѣнія; а между тѣмъ къ нему издали пришли толпы слѣпыхъ, чая отъ него возвращенія зрѣнія.—Давидъ никого не воскресилъ; но пораженные горемъ матери несли къ нему своихъ умершихъ дѣтей, желая, чтобы онъ воскресилъ ихъ. У пишущаго эти строки у самаго невольнаго поднималось чувство возмущенія, когда онъ слушалъ бесѣду на сценѣ странника съ Хессиномъ. Ясно представлялось, какъ можно легкомысленно опровергнуть Евангельскую исторію, объясняя всѣ чудеса Христа одною только молвою, молвою о такихъ дѣлахъ, которыя никто никогда не совершалъ.

И не хорошо сдѣлалъ Л. Андреевъ, если свои личные взгляды на нѣкоторыя событія Евангельской исторіи изложилъ въ такой формѣ. Такая именно форма гораздо хуже любого самаго отрицательнаго сочиненія, созданнаго въ тиши кабинета, даже хуже формы литературнаго произведенія. Тамъ съ отрицательнымъ возрѣніемъ могутъ познакомиться только люди образованные, которые сами могутъ критически отнестись къ читаемому. Здѣсь же, благодаря представленіямъ, съ возрѣніями знакомятся не отдѣльныя личности, а сразу цѣлыя сотни и даже тысячи и при томъ такихъ людей, многіе изъ которыхъ не въ состояніи разобраться въ томъ, что они слышатъ и видятъ. Но даже, если Л. Андреевъ и не хотѣлъ изображать подъ Лейзеромъ Христа, а только, легкомысленно воспользовался поправившейся картиной, то и въ такомъ случаѣ вредъ остается все тѣмъ же. И благодаря этому, Л. Андреевъ затемнилъ тѣ большія достоинства, которыми отличается его произведеніе въ другихъ отношеніяхъ. Мысль о томъ, что здѣсь говоритъ не старый еврей, обыкновенныйи челоѡкъ, а Христось, положительно затемняетъ нѣкоторыя мысли, которыя высказываетъ Давидъ. Пьеса была бы положительно хороша и цѣлостна, если бы не было сцены встрѣчи, не было бы благословенія дѣтей или этой сцены съ падшей женщиной; тѣмъ болѣе, что эта послѣдняя сцена какъ то мало вяжется со всѣми остальными и нехудожественно нарисована: женщину обидѣли люди, а она приходитъ просить у Давида не нравственнаго утѣшенія, а денегъ. Всѣ эти сцены прибавляютъ мало характернаго въ исторію той борьбы, которая развертывается предъ глазами зрителей. Ихъ можно было бы безъ ущерба опустить. Безъ нихъ самая трагедія, по нашему мнѣнію, выиграла бы въ цѣлостности и выпуклости развиваемой идеи.

Д. Брянцевъ.

МЕТАФИЗИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ о душѣ у Лейбница и Гербарта.

(Окончаніе *).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Гербартова теорія представленія и чувства.

Противники Гербарта, стоящіе на кантіанской и неокантіанской точкѣ зрѣнія, напримѣръ, Dr. Ostermann, осудили его психологическую теорію за то, что апперцептивный процессъ въ истолкованіи Гербарта, якобы, ничто иное, какъ особаго рода психическій механизмъ, при посредствѣ котораго представленія—эти единицы душевной жизни—соединяются по чисто механическимъ законамъ. Гербартъ, говорятъ они, вычеркнулъ „Я“ изъ апперцептивнаго процесса, который и сталъ поэтому мертвымъ механизмомъ.

Прежде чѣмъ становиться на ту или другую сторону, слѣдуетъ посмотрѣть на правильномъ ли пути стоитъ критика, имманентна ли она. И тутъ оказывается, что для того, чтобы правильно понять теорію Гербарта, отнюдь ни ее нельзя сопоставлять съ ученіемъ Канта, ни самимъ становиться на точку зрѣнія послѣдняго. Гербартъ совершенно оставляетъ въ сторонѣ доктрину трансцендентальнаго „ego“ и трансцендентальной свободы, какъ не имѣющія никакого значенія и даже прямо препятствующія пониманію психологическаго процесса ¹⁾. Онъ прямо утверждаетъ, что „Локкъ и Лейбницъ въ психологін оба находились на лучшемъ пу-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 6 за 1910 годъ.

1) См. Psychologie als Wissenschaft. I Th., B. V. S. 199.

ти, чѣмъ тотъ, по которому повели насъ далѣе Вольфъ и Кантъ ¹⁾“. Поэтому критика, берущая за основаніе ученіе Канта, а не Лейбница, не можетъ надѣяться на успѣхъ.

Если же мы положимъ въ основу пониманія психологіи Гербарта, не смущаясь его механической терминологіей, которая не можетъ считаться вполне адекватнымъ выраженіемъ скрытыхъ за нею фактовъ и ихъ теорій ²⁾, противоположную этой терминологіи концепцію организма, заключающуюся, какъ мы уже показали, въ монадологіи Лейбница, то надо надѣяться, что тотъ путь, которымъ шелъ Гербартъ, окажется единственнымъ, гдѣ „Я“ можетъ найти свою наивысшую и наилучшую реализацію. Что эта концепція не чужда ему на самомъ дѣлѣ, это видно изъ его описанія нравственнаго самоконтроля. „Чисто нравственное самообузданіе, рѣшительное, однообразное во всякомъ дѣйствіи и допущеніи, какъ можно больше воздерживающееся отъ низшихъ интересовъ и желаній, есть идеаль, который можно назвать *психическимъ организмомъ*, потому что къ нему относится такая связь и субординація представленій, которая не только была бы непременно цѣлесообразной какъ въ самыхъ малыхъ, такъ и въ самыхъ большихъ связяхъ, но и была бы способна цѣлесообразно усвоивать всѣ вновь привходящія внѣшнія впечатлѣнія“ ³⁾. Правда, что только идеальному нравственному самообузданію Гербартъ даетъ названіе *психического организма*, но жизнь представленія, идеаль которой есть организмъ, должна имѣть сама по себѣ природу организма.

Если же это истолкованіе исходной точки теоріи Гербарта вѣрно, то вмѣстѣ съ тѣмъ падаютъ и обвиненія критики въ томъ, что онъ сдѣлалъ невозможнымъ какое бы то ни было развитіе души. Было бы крайне неосновательно полагать, что Гербартъ своими абстрактными, отрицательными опредѣленіями души, совершенно отдѣлилъ ее отъ ея представленій. Абстракція не есть дѣйствительное отдѣленіе; и душа у него, какъ и у Лейбница, съ того момента, какъ входитъ въ условія пространства и времени, живетъ исключительно въ своихъ представленіяхъ и неотдѣ-

1) Herbart. Samml. Werke. B. V. S. 13.

2) См. ibidem, p. 325—326, § 40; ср. также стр. 161.

3) Herbart. Samml. Werke; B. V. S. 165.

лима отъ нихъ. Что эта концепція присуща Гербарту, это доказывается слѣдующимъ мѣстомъ изъ его „Lehrbuch zur Psychologie“: „Заблужденіемъ идеализма было противоположеніе „Я“ тому, что есть „не-Я“ (дѣятельности представленія—представляемому), какъ будто вещи съ самаго начала были исполнены отрицаніемъ „Я“. Въ такомъ случаѣ никогда бы не возникли „Ты“ и „Онъ“, никогда бы не была познана никакая другая личность, кромѣ своей собственной“ ¹⁾. И та „живость представленія, которая въ его задержкѣ образуетъ то, въ чемъ мы познаемъ себя самихъ, въ то время какъ всѣ внѣшнія опредѣленія для нашего „Я“ оказываются случайными,—эта живость принадлежитъ душѣ“ ²⁾. „Единство этой души есть глубочайшее основаніе, по которому въ нашемъ представленіи является то единство, котораго мы потомъ не находимъ въ представляемомъ“ ³⁾.

По своему происхожденію представленія суть самосохраненія души. Предположимъ себѣ, что въ темную ночь мы проходимъ по глухому переулку и вдругъ совершенно неожиданно ударяемся объ что-то твердое. Оказывается, что то была каменная стѣна, которая стояла на нашемъ пути и теперь „дала почувствовать“ намъ свою твердость. Но какимъ образомъ это могло произойти? Что она, такъ сказать, для этого дѣлала? Да просто—стояла на своемъ мѣстѣ и все время оставалась сама собою, т. е. твердою, каменной стѣной. Она только, такъ сказать, сохраняла саму себя. Если бы она не обнаружила этого самосохраненія, т. е. если бы она не осталась твердой, каменной стѣной, то мы, встрѣтивъ ее на пути, и не почувствовали бы ея твердости. Мы тогда совершенно свободно прошли бы мимо—такъ, какъ будто этой стѣны совершенно и не было бы. Но если бы это произошло, то самое существованіе стѣны пришлось бы признать нарушеннымъ; тогда пришлось бы признать, что наше тѣло въ данномъ случаѣ нарушило твердость камня. Однако этого нарушенія не произошло, каменная стѣна дала почувствовать свою твердость. А причиной всего этого было только то, что стѣна оставалась стѣной, т. е. сохраняла ненарушимымъ свое качество. Такимъ образомъ, твердость ка-

1) Ibidem, p. 137, см. также стр. 83—84.

2) Ibidem.

3) Ibidem, p. 136.

менной стѣны можетъ быть разсматриваема какъ обнаруженіе самосохраненія этой стѣны противъ грозившаго ей извнѣ нарушенія. Въ данномъ случаѣ такимъ нарушеніемъ угрожало ей наше тѣло, и по поводу этого-то именно нарушенія и обнаружилась твердость камня, сохранившаго свое качество. Предположимъ теперь, что, подойдя къ стѣнѣ, мы ударили по ней палкой; вмѣстѣ съ этимъ, конечно долженъ былъ раздаться глухой звукъ. Этотъ звукъ можно точно также разсматривать, какъ обнаруженіе самосохраненія стѣны, потому что, если бы въ моментъ взмаха палкой стѣна перестала существовать, то никакого удара и не послышалось бы. Изъ приведенныхъ примѣровъ ¹⁾ видно, что самосохраненіе вещи можетъ обнаружиться различнымъ образомъ. „Актъ самосохраненія такъ же простъ, какъ и сущность, которая себя сохраняетъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ существуетъ безконечное разнообразіе нѣсколькихъ такихъ актовъ: они различаются по нарушеніямъ. Сообразно съ этимъ, разнообразіе представленій и ихъ безконечно сложное сочетаніе не заключаетъ въ себѣ никакой трудности“ ²⁾. Такъ какъ вся жизнь души, по Гербаргу, протекаетъ подъ формою представленій и ихъ различныхъ состояній, то, чтобы понять ее, необходимо уяснить себѣ ихъ взаимоотношенія. Начнемъ съ примѣра. Всякій, хотя бы небольшой, любитель музыки знаетъ, какъ неприятно, когда во время слушанія какой-нибудь аріи вдругъ начнется передвижаніе стульевъ, шелестъ афишъ или тихій разговоръ. Все это мѣшаетъ слушать музыку. Звукъ аріи, шелестъ афишъ и разговоръ—все это такія представленія, которыя трудно уживаются между собою, постоянно мѣшаютъ другъ другу и, взаимно другъ друга затемняютъ: разговоръ мѣшаетъ слушать музыку, а музыка въ свою очередь, мѣшаетъ разговору. Такія представленія, взаимно другъ друга затемняющія, называются противоположными. Противоположныя представленія обыкновенно принадлежатъ къ одной и той же группѣ ощущеній. Во время взаимнаго стѣсненія противоположныхъ представленій наиболѣе страдаютъ самыя слабыя. Они иног-

¹⁾ Примѣры, какъ эти, такъ и послѣдующіе заимствованы частью у Гербарта, а частью у А. Нечаева („Образованіе“ за 1895 г., кн. 1—3).

²⁾ Ibidem p. 110.

да до того стѣсняются представленіями сильнѣйшими, что даже совершенно перестаютъ сознаваться нами, или, говоря языкомъ Гербарта, цѣликомъ погружаются за порогъ сознанія. (Schwelle des Bewusstseins)¹⁾. Для примѣра укажемъ хотя бы на то, что, проходя по шумной улицѣ, мы совершенно не слышимъ собственныхъ шаговъ. „Но если извѣстная степень противоположности можетъ произвести полное затемнѣніе объекта, то меньшая противоположность будетъ имѣть своимъ слѣдствіемъ только частное затемнѣніе. Это частное затемнѣніе допускаетъ еще нѣкоторую степень представліванія²⁾. „Легко понимаемымъ метафизическимъ основаніемъ, по которому противоположныя представленія сопротивляются другъ другу, служитъ единство души, самосохраненіями которой они являются“³⁾. Душа, функционируя, какъ дѣятельность представленія въ извѣстномъ направленіи, стремится и продолжать существовать въ данной своей модификаціи.

„Что же происходитъ отъ даннаго сопротивленія? Совсѣмъ ли уничтожаются представленія или отчасти? Или, не смотря на сопротивленіе, они остаются неизмѣнными? Но уничтоженныя представленія все равно, что совсѣмъ не существуютъ. Съ другой стороны, если бы, не смотря на взаимное нарушеніе, они оставались совершенно неизмѣняемыми, то ни одно изъ нихъ не могло бы вытѣсниться другимъ, что мы однако наблюдаемъ въ себѣ каждую минуту. Наконецъ, если бы представляемое въ каждомъ представленіи измѣнялось благодаря своему сопротивленію, то изъ этого вышло бы не болѣе того, что измѣненное представляемое существовало какъ бы съ начала. Слѣдовательно, представліваніе должно понижаться, не уничтожаясь. Это значитъ, что дѣйствительное представліваніе превращается въ стремленіе къ представліванію (Streben vorzustellen)“⁴⁾. „Это проливаетъ неожиданный свѣтъ на два въ высшей степени важныхъ психическихъ феномена—память и волю“⁵⁾. „Уже самое выраженіе показываетъ, что какъ только исчезаетъ препятствіе, представленіе снова поднимается, въ силу своего

¹⁾ Psychologie als Wissenschaft I Th, B. V, S. 341.

²⁾ Ibidem, p. 324.

³⁾ Herbart. Sämm. Werke. B. V, S. 21.

⁴⁾ Ibidem, p. 16.

⁵⁾ Psychologie als Wissenschaft. I Th., S. 319.

собственного стремленія“ ¹⁾. Въ этомъ и заключается возможность воспроизведенія.

„Представленія не противоположныя, какъ звукъ и цвѣтъ, поскольку они сходятся не задерживаясь, образуютъ комплексъ (compliciren sich); представленія противоположныя поскольку они сходясь не испытываютъ задержки—ни чужой случайной, ни взаимной, неизбежной—сливаются (verschmelzen). Соединенія могутъ быть полными, слиянія же по своей природѣ всегда не полны. Замѣчательными примѣрами такихъ соединеній, которыя, по крайней мѣрѣ отчасти и приближительно, являются полными, служатъ представленія вещи съ нѣсколькими признаками и словъ, какъ знаковъ мыслей. Последнія, т. е. мысли и слова, такъ тѣсно связаны въ родномъ языкѣ, что кажется, будто мыслять посредствомъ словъ“ ²⁾.

„Среди слияній нужно различать два рода: слиянія *до* и *послѣ* задержки. Прежде всего ясно, что, вслѣдствіе единства души, все, что взаимно не сопротивляется, должно стать одной интенсивной единицей. Отсюда слияніе послѣ задержки. Тѣ противоположныя представленія, задержка которыхъ произошла, сливаются именно такъ, какъ будто бы теперь они уже болѣе не задерживаются... Отъ этого отличается слияніе до задержки. Оно зависитъ отъ извѣстной степени однородности представленій и не можетъ имѣть мѣсто при представленіяхъ вполне противоположныхъ“ ³⁾. Въ немъ заключается принципъ эстетическихъ сужденій ⁴⁾.

„То, что соединяется или сливается отъ нѣсколькихъ представленій, даетъ цѣлостную силу (Totalkraft), такъ что ради связи и чрезвычайно слабое представленіе можетъ оставаться въ сознаніи и дѣйствовать тамъ“ ⁵⁾. Это содержитъ въ себѣ основаніе ученія объ опосредствованныхъ воспроизведеніяхъ, которыя по обычному взгляду производятся ассоціаціей представленій. Какъ только какое-либо новое воспріятіе отгѣсняетъ все, что только ни дано въ сознаніи противоположнаго прежнему однородному представленію, послѣднее тотчасъ само собою восходитъ надъ по-

¹⁾ Herbart. Sämm. Werke. B. V, S. 16.

²⁾ Ibidem, p. 21.

³⁾ Psychologie als Wissenschaft, I Th., S. 378—379.

⁴⁾ Herbart. Sämm. Werke. B. V, S. 30.

⁵⁾ Ibidem, p. 21—22.

рогомъ сознанія и восходя будетъ стараться поднять вмѣстѣ съ собою то, что связано съ нимъ при помощи какихъ либо сліяній и соединеній ¹⁾. Такія воспроизводящія представленія Гербартъ называетъ „пособіями“ (Hülfe).

„Уже изъ предшествующаго можно отчасти узнать, что, послѣ того какъ замѣтное множество представленій дано уже въ разныхъ связяхъ, каждое новое воспріятіе должно дѣйствовать какъ раздраженіе, которымъ одно задерживается, другое вызывается и усиливается, продолжающіеся ряды нарушаются или приходятъ въ движеніе, и возбуждаются тѣ или другія душевныя состоянія. Эти явленія становятся болѣе сложными, если (какъ обыкновенно) новое воспріятіе само заключаетъ въ себѣ нѣчто разнообразное, которое одновременно содержится въ нѣсколькихъ связяхъ и рядахъ и даетъ толчекъ, понуждающій ихъ къ новымъ задержкамъ или сліяніямъ. При этомъ новое воспріятіе усваивается прежнимъ представленіямъ хотя и такимъ способомъ, при которомъ оно (послѣ того какъ первое раздраженіе сдѣлало, что могло) должно оказаться порядочно страдающимъ, потому что прежнія представленія, уже вслѣдствіе взаимныхъ связей, являются въ дальнѣйшемъ болѣе напряженными, чѣмъ только что пришедшія единичныя.

Но если уже образованы очень напряженныя, очень многочисленныя соединенія и сліянія, то внутри (im Inneren) можетъ повториться то же самое отношеніе, которое только что было признано между прежними представленіями и новыми воспріятіями. Болѣе слабыя представленія, выступая въ сознаніи по какому бы то ни было закону, дѣйствуютъ какъ раздраженія на указанныя массы представленій и точно такъ же принимаются и усваиваются (апперципируются) ими, какъ это происходитъ при новыхъ чувственныхъ впечатлѣніяхъ. Поэтому, внутреннее воспріятіе аналогично внѣшнему. Здѣсь еще нѣтъ рѣчи о самосознаніи, хотя оно весьма часто связывается съ этимъ. Въ сказанномъ уже заключается то, что подтверждается опытомъ,—именно, что внутреннее воспріятіе никогда не бываетъ пассивнымъ схватываніемъ, но всегда (хотя бы и противъ воли)—активнымъ пониманіемъ. Вмѣсто того, чтобы быть готовыми восходить и погружаться

¹⁾ Ibidem, p. 24; ср. Psychologie, als Wissenschaft, 1 Th., S. 433.

по собственнымъ законамъ, апперципированныя представленія прерываются въ своихъ движеніяхъ болѣе сильными массами, которыя отгоняютъ противоположное имъ, хотя оно могло восходить, и останавливаютъ, сливая съ собою, однородное имъ, хотя оно должно было погружаться“ ¹⁾).

Эту теорію взаимодѣйствія представленій *Hayward* подвергаетъ строгой критикѣ. „Сосуществованіе ощущеній не есть фактъ первоначальный, отъ котораго можно отправляться въ теоріи ассоціаціи представленій или идей; напротивъ, есть предметъ, требующій объясненія, есть собственная проблема психологическаго изслѣдованія въ анализѣ нашей чувственности. Съ сосуществованіемъ ощущеній уже дана вся внѣшняя, матеріальная, чувственная связность; и принявши ее даромъ, въ теоріи „современности ощущеній или представлений“,—мы уже минули настоящую задачу науки о духѣ въ отдѣлѣ ощущеній. Такой промахъ анализа въ психологіи *Гербарта* объясняется единственно фальшивымъ пониманіемъ духовной современности. Если есть какая нибудь дѣйствительная „современность“, то она можетъ быть только современностію тѣхъ комплексовъ чувственныхъ качествъ, какіе мы называемъ внѣшними вещами. Эта реальная современность есть дѣло опыта, дѣло нашего убѣжденія, что то, что существовало для насъ послѣдовательно или является современнымъ, сложнымъ, только въ анализѣ, —существуетъ внѣ нашего духа какъ современное въ строгомъ смыслѣ, какъ дѣйствительные элементы протяженныхъ, матеріальныхъ субстанцій. Такое убѣжденіе, сопровождающее постоянно наши чувственные наблюденія, наши внѣшнія перцепціи, конечно, и даетъ, по извѣстному закону, этотъ призракъ дѣйствительной современности, не наблюдаемыхъ вещей, а самыхъ ощущеній или представленій. Потому что, руководствуясь природою духовныхъ явленій, какъ вещей непротяженныхъ, мы не можемъ допустить, чтобы чувства нашего духа находились на разстояніи другъ отъ друга, или въ такой близости другъ къ другу, въ какой находятся реальныя части матеріальныхъ субстанцій. Кто говоритъ объ отдѣльныхъ современныхъ представленіяхъ, которыя ожидаютъ случая воити между собою въ какую нибудь комбина-

¹⁾ *Herbart. Lehrbuch zur Psychologie. Sämml. Werke. B. V. S. 32—33; ср. Psychologie als Wissenschaft; II Th., B. VI, S. 188—196.*

цію, тотъ, правда, можетъ прикрывать грубость такихъ понятій предположеніемъ метафизической субстанціи, которая, давая имъ опору, закрываетъ такимъ образомъ ихъ сосуществованіе. Но индуктивная наука не пускается въ область метафизики, и современность отдѣльныхъ представленій остается для нея реальнымъ существованіемъ ихъ другъ подле друга или на разстояніи другъ отъ друга, т. е. полнымъ противорѣчіемъ ихъ природѣ какъ вещей непротяженныхъ. Поэтому, въ анализѣ тѣхъ самыхъ ощущеній, которыя кажутся сосуществующими другъ съ другомъ, мы должны открыть работу ассоціаціи, превращающей реальную послѣдовательность ощущеній въ ихъ кажущуюся современность.

Сліяніе представленій одинаковыхъ, разнородныхъ и противоположныхъ есть выраженіе возрастающей относительной сложности преемственныхъ перцепцій и идей,—по закону смежности (для „разнородныхъ“), по закону сходства (для „одинаковыхъ“), по закону сложной ассоціаціи (для „противоположныхъ“). Кроме этого простого факта существованія сложныхъ чувствъ, открывающаго поле психологическому анализу, и этихъ законовъ, которыми дается это духовное сосуществованіе,—сліяніе не выражаетъ ровно ничего. Въмѣсто того, чтобъ объяснять намъ законы воспроизведенія, —какъ этого желаетъ психологія Гербарта,—оно само впервые объясняется изъ этихъ законовъ. Принимая сліяніе какъ фактъ, не требующій дальнѣйшаго объясненія, мы дѣлаемъ здѣсь такую же методическую ошибку, какъ и въ предыдущемъ предположеніи первоначальной современности ощущеній. Если въ послѣднемъ случаѣ мы предупредили психологическій анализъ внѣшнихъ перцепцій: то предположеніемъ сліянія, какъ простѣйшаго, и лежащаго въ основѣ всего воспроизведенія факта, мы просмотрѣли настоящую задачу психологическаго анализа нашихъ сложныхъ идей, духовныхъ волненій и воли“ ¹⁾.

„Насколько душа (Seele) представляетъ, она можетъ быть названа интеллектомъ (Geist) и сердцемъ (Gemüth), поскольку она чувствуетъ и желаетъ. Но сердце обитаетъ въ умѣ, или чувствованія и желанія суть ближе всего состоя-

¹⁾ Hayward. The Critics of Herbartianism. London. 1903; p. 153—155; ср. проф. М. М. Троицкій. Нѣмецкая психологія. Москва 1867; стр. 510—511.

нія представленій“¹⁾). Такимъ образомъ, по Гербарту, душа можетъ функционировать, какъ интеллектъ и какъ чувство, но послѣдняя функція зависитъ отъ первой. Безъ представленія, т. е. безъ познанія не можетъ быть чувства. Невоспитанный человѣкъ менѣе способенъ къ чувству, чѣмъ человѣкъ воспитанный. Возникновеніе чувства Гербартъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ.

Предположимъ, что „соединеніе представленій $a + a$ воспроизводится посредствомъ новаго воспріятія, однороднаго съ a . Между тѣмъ какъ вслѣдствіе своей связи съ a , выступаетъ и a , въ сознаніи является противоположное ему представленіе β . Такимъ образомъ a въ одно и то же время (*zugleich*) и стремится вверхъ и задерживается; въ этомъ стѣсненіи и заключается мѣстопробываніе непріятнаго чувства“²⁾. „Мѣсто прещастствія часто заступаетъ простой недостатокъ въ обычномъ окружающемъ. Если ряду представленій a, b, c, d, e , соотвѣтствуетъ рядъ интуицій a, b, c, e , въ которомъ отсутствуетъ d , то послѣдняго будетъ не доставать, потому что прочія представленія не бываютъ при этомъ въ состояніи возстановить степень незадержанной ясности, въ которой было слито съ ними d . Недоставаніе становится тоской, если рядъ a, b, c, d, e достаточно напряженъ и духъ углубленъ въ него“³⁾. Противоположнымъ случаемъ будетъ, когда представленіе, выступая при помощи собственной силы, (въ случаѣ воспроизведенія) вмѣстѣ съ этимъ вызывается нѣсколькими пособіями (*Hülfe*). Такъ какъ каждое изъ пособій имѣетъ собственную мѣру времени, въ которомъ дѣйствуетъ, то они могутъ другъ друга усиливать, но не ускорять и слѣдовательно, восходящее движеніе происходитъ со скоростью наибольшею между нѣсколькими, вмѣстѣ выступающими, но ему вмѣстѣ съ тѣмъ благопріятствуютъ всѣ остальные. Это благопріятствованіе есть опредѣленіе того, что происходитъ въ сознаніи, но ни въ коемъ случаѣ не опредѣленіе чего нибудь представляемаго; слѣдовательно его можно назвать чувствомъ; безъ сомнѣнія это—чувство удовольствія“⁴⁾. Оно не является ни опредѣленіемъ представляемаго объекта, ни

1) Herbart. Sämml. Werke. B. V, S. 29.

2) Ibidem, p. 31.

3) Ibidem, p. 153.

4) Ibidem, p. 31--32.

опредѣленіемъ движенія представленія, какъ такового. Это просто опредѣленіе того, что находится въ движеніи, т. е. это опредѣленіе, видъ или состояніе представленія, какъ мы его понимаемъ. Это особое состояніе активной души. Мы можемъ рассмотретьъ понятіе „пособія, благопріятствованія“ въ терминахъ собственнаго объясненія Гербарта. Пусть А есть представленіе, которое подвигается въ сознаніе черезъ собственную силу, и a —сила, которая въ результатѣ привела бы его въ сознаніе. Пусть В, С, D суть вспомогательныя представленія и b, c, d —соотвѣтственные имъ силы. Тогда, хотя А могло бы возникнуть въ сознаніи и черезъ одну силу a , въ дѣйствительности его толкаетъ впередъ силы a, b, c, d , изъ которыхъ три послѣднихъ представляютъ избытокъ силы, дѣйствительно потребной для приведенія представленія А въ сознаніе. Онъ то и существуетъ для сознанія, какъ пріятное чувство. Въ такомъ случаѣ, если чувства суть состоянія представленій, оказывается, что душа, функционирующая какъ интеллектъ, функционируетъ также какъ чувство. И сказать, поэтому, что познаніе должно предшествовать чувству, значить просто сказать, что душа, которая живетъ въ представленіяхъ, должна жить раньше, чѣмъ она можетъ чувствовать.

Такъ какъ чувство удовольствія зависитъ отъ избытка силы, необходимой для доведенія представленія до сознательности, то другими словами, оно зависитъ отъ степени продуктивности нашей умственной дѣятельности и поэтому должно опредѣляться исключительно количественнымъ образомъ. То же приложимо и къ страданію. Но развѣ нѣтъ никакого качественного различія между чувствами кромѣ этого общаго и подчасъ неопредѣленнаго различія страданія отъ удовольствія? Dr. Ostermann въ своей длинной критикѣ Гербартовской теоріи чувствъ говоритъ слѣдующее: „Хорошо извѣстно изъ опыта, что чувства различаются другъ отъ друга не только относительно ихъ напряженности, но также и относительно окраски (Färbung). Чувство удовольствія отъ эстетическаго наслажденія носитъ совершенно отличный характеръ отъ чувства удовольствія, скажемъ, отъ удовлетворенной алчности, страданіе отъ скуки—совершенно отличный характеръ чѣмъ страданіе отъ печали“. „Но, если бы чувство, согласно съ Гербартомъ, дѣйствительно имѣло бы своимъ

основаніемъ лишь кооперацію и оппозицію силъ представленія, тогда отличія чувствъ могли бы выразиться только въ терминахъ напряженности, удовольствія или страданія¹⁾. Но что разумѣть подъ качествомъ, какъ противопоставленнымъ количеству или напряженности чувствъ? Есть ли дѣйствительно качество въ чувствѣ? Когда мы говоримъ, что одно удовольствіе отличается отъ другого, мы смотримъ не столько на субъективныя условія такихъ различій, сколько на стимулы чувствъ, и согласно имъ дифференцируемъ и субъективныя условія. Но въ томъ случаѣ, если здѣсь имѣетъ мѣсто только количественная мѣра, необходимо, чтобы такъ называемыя высшія удовольствія могли бы быть опредѣлены и какъ большія. Видимо это не такъ. Такъ удовольствіе челоуѣка порочнаго по большей части болѣе напряжено, чѣмъ удовольствіе добродѣтельнаго. Но это, только видимость, которая означаетъ лишь то, что мы опредѣляемъ мѣру напряженности чувства напряженностью внѣшняго его проявленія. Опредѣленіе высшаго удовольствія, какъ болѣе глубокаго, наиболѣе вѣрно будетъ выражать болѣе внутренней его характеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ меньшую его связь съ внѣшними проявленіями; большая же его продолжительность все же указываетъ на количественное опредѣленіе.

Другое возраженіе, выдвинутое Dr. Ostermann'омъ противъ Гербартовской теоріи чувствъ особенно интересно тѣмъ, что показываетъ, насколько неправильное толкованіе можетъ получить Гербартова концепція представленія. Вотъ оно. „Такъ какъ благопріятствованіе и задержки означаютъ соотвѣтственную прибавку или убавку относительно представленія, то изъ этого слѣдуетъ, что съ измѣненіемъ ясности соотвѣтствующихъ представленій должно рука объ руку идти измѣненіе чувства. Разумѣется, по этой теоріи, тѣ представленія которыя поднялись до полнѣйшей ясности, всегда должны быть носителями самыхъ живыхъ чувствъ удовольствія.... Допустимъ, я занятъ мысленно другомъ, съ которымъ я въ разлукѣ. Его образъ возникаетъ совершенно ясно и безпримѣтно въ моей памяти; но онъ пробуждаетъ во мнѣ острое чувство грусти; затѣмъ я получаю отъ отсутствующаго друга письмо, въ которомъ, совершенно не-

¹⁾ Ostermann. Die hauptsächlichsten Irrtümer der herbarthschen Psychologie. Oldenburg. 1887; p. 104.

ожиданно для меня, онъ сообщаетъ, что скоро будетъ сомной, и моя печаль измѣняется въ живую радость, но не по той причинѣ, что благодаря новому извѣстію представленіе, или, если угодно, цѣлый комплексъ представлений, связанныхъ съ нимъ, достигъ совершенной ясности—такъ какъ его ясность ни увеличивается, ни уменьшается, благодаря полученному извѣстію—но только потому лишь, что я удостоившись черезъ письмо, что я скоро опять буду въ обществѣ друга... Чѣмъ болѣе мысль (отсутствие дорогого друга) тѣснится на передній планъ сознанія—т. е. чѣмъ болѣе она поднимается надъ всѣми другими представленіями до безпрепятственной ясности,—тѣмъ больше страданіе¹⁾.

По Ostermann'у тотъ фактъ, что ясное представленіе „дорогой другъ“ сопровождается чувствомъ страданія, показываетъ, что ясныя представленія не всегда являются носителями самыхъ живыхъ чувствъ удовольствія, какими они должны быть, согласно теоріи Гербарта. Но представленіе „дорогой другъ“ не является тѣмъ представленіемъ, которое пробуждаетъ чувство страданія. Представленіе „дорогой другъ“ уже по самому смыслу выраженія, не можетъ съ собой связывать ничего, кромѣ пріятнаго состоянія. Горестное чувство пробуждено не этимъ представленіемъ, но другимъ, правда, ассоціированнымъ съ нимъ—именно „отсутствующій дорогой другъ“. А это послѣднее представленіе связано, по собственному объясненію Ostermann'a, съ представленіемъ „присутствующій дорогой другъ“. Но послѣднее представленіе не можетъ при данныхъ обстоятельствахъ быть доведеннымъ до какой либо ступени ясности просто потому, что другъ не присутствуетъ или еще неизвѣстно, что онъ вѣдетъ. Это-то представленіе, слѣдующее непосредственно за первымъ представленіемъ, и пробуждаетъ чувство страданія, и пробуждаетъ его потому, что оно—неясное представленіе. Оно станетъ совершенно яснымъ, когда я дѣйствительно увижу своего друга и буду находиться съ нимъ въ личномъ общеніи, но не до того. Ostermann, повидимому, полагаетъ, что въ этомъ примѣрѣ во время всего умственного опыта имѣется только одно представленіе, въ то время какъ ихъ здѣсь по крайней мѣрѣ три.

¹⁾ Ibidem.

Критика, какую мы находимъ у Ostermann'a, основана на допущеніи, что теорія Гербарта отдѣляетъ представленіе отъ центральной объединяющей дѣятельности, которая опредѣляетъ, какія представленія должны стать яснѣе, въ гармоніи съ цѣлымъ душевной жизни. Но если мы примемъ во вниманіе, что Гербартово „представленіе“ предполагаетъ живую, презентативно активную душу, то тогда, съ точки зрѣнія этой душевной жизни, представленія, которыя возвысились до полнѣйшей ясности, должны быть всегда носителями и самыхъ живыхъ чувствъ удовольствія. Нѣкоторая форма физическаго наказанія, испытываемая въ извѣстный моментъ— совершенно ясное представленіе только въ томъ смыслѣ, что индивидъ дѣйствительно страдаетъ. Но такого представленія онъ вовсе не ищетъ: оно является чѣмъ то чуждымъ и противоположнымъ его органической апперцептивной душевной жизни, которая стремится избѣжать страданія. Это не его представленіе. Всякое же представленіе, которое дѣйствительно можетъ быть названо его, будучи приведено въ полную ясность, будетъ сопровождаться чувствомъ удовольствія.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Гербартова теорія воли. Критика. Выводы.

„Способность ¹⁾ желанія (Begehren) вмѣстѣ съ способностями представленія и чувствованія должны заключать въ себѣ полное подраздѣленіе; слѣдовательно, она должна обнимать собою и пожеланія (Wünsche), и влеченія (Triebe), и неясныя стремленія (Sehnsucht), потому что всего этого нельзя причислять ни къ чувствамъ, ни къ представленіямъ“ ²⁾.

Природа желанія (въ широкомъ смыслѣ) лучше всего выясняется изъ разсмотрѣнія его происхожденія. „Въ томъ, что представленіе въ одно и то же время (zugleich) и стремится вверхъ и задерживается, заключается, какъ мы видѣли, мѣстопробываніе непріятнаго чувства, которое можетъ перейти въ желаніе (именно объекта, представляемаго черезъ α), если задержка, производимая черезъ β , слабѣе той силы,

¹⁾ Слово „способность“ у Гербарта является лишь общимъ понятіемъ. См. „Lehrbuch zur Psychologie“ §§ 2, 3 и 8.

²⁾ Herbart, Sämmtl. Werke. B. V, S. 78.

съ которой выступаетъ α¹⁾. Но ни въ коемъ случаѣ нельзя дѣло представлять такъ, какъ будто чувство является источникомъ желанія. Гербартъ по этому поводу указываетъ на Локка и говоритъ, что „слѣдовало бы воспользоваться его превосходнымъ замѣчаніемъ въ „Опытѣ о человѣческомъ разумѣ“²⁾. Оно хотя и не исчерпываетъ предмета, однако ведетъ на правильный путь и показываетъ, что многія желанія (если только не всѣ) существуютъ независимо отъ чувствъ, хотя и могутъ сопровождаться ими“³⁾.

Тутъ мы сталкиваемся у Гербарта какъ бы съ нѣкоторымъ противорѣчіемъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ пишетъ, „что желанія, какъ и чувства, обитаютъ не въ представленіи вообще, но всегда въ извѣстныхъ опредѣленныхъ представленіяхъ“, а съ другой стороны, онъ говоритъ, что слѣдуетъ отличать „желанія, направленіе которыхъ опредѣляется просто лишь наличнымъ расположеніемъ духа“. Противорѣчіе — которое разрѣшимо лишь на почвѣ нашего пониманія теоріи Гербарта, не какъ механической, а какъ органической концепціи душевной жизни.

У каждаго человѣка существуютъ наклонности или такія продолжительныя расположенія духа, которыя благопріятствуютъ возникновенію извѣстнаго рода желаній. Большею частью онѣ являются слѣдствіемъ привычки, которая повидимому изъ способности представленія переносится сюда, въ способность желанія; потому что это — прежде всего мысли, слѣдующія обычному направленію и сейчасъ же, если только не наступаетъ никакого препятствія, переходящія въ поступокъ, прежде чѣмъ явится какое бы то ни было замѣтное чувство или желаніе; если же что нибудь станетъ на пути, то возгорается желаніе, сопровождаемое чувствомъ усилія и напряженной дѣятельности“⁴⁾.

„Хотѣніе (Wellen)⁵⁾ есть желаніе съ предположеніемъ достиженія желаемаго. Это предположеніе связывается съ желаніемъ, коль скоро въ подобныхъ случаяхъ дѣйствіе

1) Ibidem, p. 31.

2) Локкъ. Опытъ о человѣческомъ разумѣ; рус. пер. Савиной 1898; ч. II, § 35.

3) Herbart, Sämml. Werke B. V. S. 71; sp. 74.

4) Ibidem, p. 81.

5) Въ отличіе отъ „Wunsch“ — пожеланіе.

было успешнымъ. Потому что тогда съ началомъ однороднаго дѣйствованія сейчасъ же ассоціруется представленіе продолженія, которое будетъ закончено удовлетвореніемъ желанія. При этомъ возникаетъ взглядъ на будущее, который все болѣе расширяется по мѣрѣ того, какъ человѣкъ научается приспособлять средство къ цѣли. Допустимъ, что рядъ α , β , γ , δ образовался въ болѣе раннемъ воспріятіи хода событій. Пусть теперь представленіе δ находится въ состояніи желанія. Хотя оно, какъ таковое, вопреки задержкѣ стремится вверхъ, тѣмъ не менѣе помощи, которыя оно оказываетъ представленіямъ γ , β , α , могутъ дѣйствовать безъ задержки, если только эти послѣднія не встрѣчаютъ никакой задержки въ сознаніи. Слѣдовательно, если γ , β , α воспроизводятся въ надлежащей постепенности, и если одно изъ этихъ представленій соединено съ дѣйствованіемъ (Handelen), то происходитъ такое дѣйствіе (Handlung), при помощи котораго, при благопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, дѣйствительно можетъ возобновиться прежній ходъ, событій, такъ что α , β , γ относятся къ δ , какъ средство къ цѣли“¹⁾.

„Если въ нѣсколькихъ пунктахъ круга мыслей существуютъ такія положенія, въ которыхъ представленія стремятся кверху, какъ желанія, то они легко могутъ встрѣчаться и вступать въ борьбу между собою при тѣхъ воспроизведеніяхъ, съ помощью которыхъ происходитъ обдумываніе, которое кончается выборомъ“²⁾.

„Часто бываетъ, что въ то время какъ, послѣ обдумыванія, рѣшеніе начинается складываться въ понятіе, поднимается желаніе, сопротивляющееся этому рѣшенію. Тогда человѣкъ не знаетъ, чего онъ хочетъ; онъ разсматриваетъ себя какъ стоящаго между двумя силами, которыя тянутъ его въ противоположныя стороны. Въ этомъ саморазсмотрѣніи онъ противопоставляетъ разумъ и желаніе такъ, какъ если бы они были посторонними совѣтниками, а онъ самъ кѣмъ то третьимъ, который прислушивался бы къ нимъ обоимъ и затѣмъ рѣшалъ. Онъ считаетъ себя свободнымъ рѣшать, какъ хочетъ.

Но разумъ, которому онъ повинуется, и желаніе которое раздражаетъ и обольщаетъ его, въ дѣйствительности

¹⁾ Ibidem, p. 154.

²⁾ Ibidem, p. 155.

находятся не внѣ его, но въ немъ, и самъ онъ ничуть не третій на ряду съ тѣми двумя, но въ этихъ двухъ заключается и дѣйствуетъ его собственная душевная жизнь. Если же, наконецъ, онъ дѣлаетъ выборъ, то этотъ выборъ—не что иное, какъ совмѣстное дѣйствіе вышеупомянутыхъ разума и желанія, свободно стоящимъ между которыми онъ себя воображалъ.

Но когда человѣкъ находитъ, что разумъ и желаніе въ ихъ совмѣстномъ дѣйствіи произносятъ надъ нимъ рѣшеніе, онъ является себѣ несвободнымъ и подчиненнымъ чужимъ силамъ.

Очевидно, что здѣсь опять таки обманъ,—и обманъ, вытекающій прямо изъ того же самого источника, какъ и первый. По тому же самому, что разумъ и желаніе находятся совсѣмъ не внѣ его, а онъ не внѣ ихъ,—и происходящее изъ нихъ рѣшеніе есть совсѣмъ не чужое рѣшеніе, но его собственное. Онъ сдѣлалъ выборъ только при помощи своей самодѣятельности, хотя и не при помощи какой нибудь силы, которая отличалась бы отъ его разума и его желанія, и которая могла бы дать другой результатъ, чѣмъ эти два¹⁾.

„Между тѣмъ какъ сознаніе свободы, поскольку оно должно стоять въ серединѣ между разумомъ и желаніемъ, не основывается ни на какихъ лучшихъ фактахъ, кромѣ вышеупомянутыхъ,—получается другой результатъ, если разсматривать самый разумъ какъ мѣстопробываніе свободы. Нѣтъ ничего болѣе очевиднаго, какъ то, что страстный человѣкъ есть рабъ. Его неспособность обращать вниманіе на основы выгоды и долга, его гибель изъ за собственнаго грѣха—очевидны. Въ противоположность этому, разумный человѣкъ, отгоняющій свои желанія, коль скоро они противорѣчатъ тому, что хорошо обдуманно, по справедливости называется свободнымъ; и онъ тѣмъ болѣе свободенъ, чѣмъ болѣе силенъ въ этомъ отношеніи. А можетъ ли такая сила простирается до безконечности,—этого не могутъ рѣшить никакіе факты, которые всегда свидѣтельствуютъ только объ ограниченныхъ силахъ“²⁾.

Въ заключеніе изложенія Гербартова ученія о душѣ, прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему, намъ представляется

¹⁾ Ibidem, p. 83—84.

²⁾ Ibidem, p. 185—186.

не лишнимъ коснуться того, что должно произойти по психологическимъ законамъ (конечно, лишь съ вѣроятіемъ) съ душой, которая вѣчна, „когда разрывается тѣлесная оболочка и разсѣваются ея разнородные элементы. Прежде всего, исчезаютъ тѣ особенныя вліянія, которыя свойственно было испытывать тѣлу въ томъ возрастѣ, котораго достигъ человѣкъ: слѣдовательно, исчезаетъ препятствіе, которымъ ограничивались въ живости своего дѣйствія самыя старыя и самыя напряженныя представленія. Поэтому смерть прежде всего есть вообще переходъ къ молодости, хотя и безъ возвращенія къ дѣтству, потому что ни одна изъ постепенно образованныхъ связей представленій не можетъ снова разорваться. Однако послѣднее время земной жизни съ ея трудами и заботами ставится въ равновѣсіе со всѣмъ прошлымъ“.

„Въ то время, какъ движенія представленій опредѣляются вообще стремленіемъ къ равновѣсію, можетъ всетаки встрѣтиться нужда въ большихъ пертурбаціяхъ между этими представленіями, пока они не достигнутъ равновѣсія; потому что показано, какъ изъ движеній возникаютъ новые законы движеній и какъ бурное скопленіе представленій въ теченіи жизни дѣлаетъ необходимой позднѣйшую переработку. Само собою ясно, что послѣ смерти это должно происходить совсѣмъ иначе, чѣмъ во время жизни среди чувственныхъ земныхъ вещей. Даже сновидѣніе совсѣмъ не похоже на это, потому что, хотя внѣшнія чувства закрываются сномъ, однако онъ оказываетъ давленіе на представленія, такъ что законы ихъ связи дѣйствуютъ только отчасти, отчего и происходитъ каррикатурность сновидѣній. А послѣ смерти, освободившись отъ тѣла, душа должна бодрствовать совершенно, чѣмъ когда бы то ни было въ жизни.

Наконецъ, по прошествіи того, что мы называемъ часами, днями, годами, для каждой души, насколько бы глубокой и спутанной ни была ея беспорядочность, должно наступить такое движеніе представленій, которое все слабѣе, все тише приближается къ общему равновѣсію, никогда не достигая его совершенно; однако это происходитъ все-таки временнымъ образомъ: безконечно тихое колебаніе представленій, безконечно слабый слѣдъ того, что мы называемъ жизнью, есть вѣчная жизнь“ ¹⁾.

¹⁾ Ibidem, p. 171—173.

Таково ученіе Гербарта, въ правильномъ его освѣщеніи. Совершенно въ другомъ видѣ оно представляется его критикамъ, среди которыхъ наиболѣе обращающимися на себя вниманіе являются Dr. Ostermann и проф. М. М. Троицкій. „Гербартова метафизика духа, говоритъ послѣдній, есть странная смѣсь двухъ теорій—„монадологіи“ Лейбница, и ученія Пристли, или друга его Митчеля, „о нематеріальной матеріи, т. е. о простыхъ, другъ друга проникающихъ субстанціяхъ, изъ которыхъ слагается матерія“¹⁾. „Для ближайшаго ознакомленія съ психологіею Гербарта мы должны всецѣло отрѣшиться отъ дѣйствительности и погрузиться въ область Фризовой мнѣологіи духа. Какъ ни прискорбно имѣть дѣло съ одними лишь наслѣдственными болѣзнями воображенія, мы не можемъ пренебречь ими, какъ скоро онѣ выдаются за необыкновенные порывы основательнаго ума“²⁾. Очевидно, что такой рѣзкій отзывъ можетъ быть основанъ лишь на очень поверхностномъ и, въ силу этого, грубомъ пониманіи теорій. И дѣйствительно, такой характеръ и носить изложеніе психологіи Гербарта и его школы въ книгѣ М. М. Троицкаго. „Представленія“, пишетъ онъ, суть какъ бы особая субстанція, съ двумя главными атрибутами,—„сознаніемъ“ и „крѣпостію“, изъ которыхъ первый, „сознаніе“, всецѣло зависитъ отъ послѣдняго, „крѣпости“, и, какъ думаетъ Гербартъ, служитъ именно показателемъ его. Такимъ образомъ „стѣсненіе“ есть собственно подавленіе „крѣпости“; но вслѣдствіе неразрывной связи съ нею „сознанія“, будетъ въ то же время и утратою „сознанія“—а по вышесказаннымъ резонамъ, и „потемнѣніемъ“ представленій“³⁾.

„Остается такимъ образомъ вопросъ: какъ происходитъ таинственный процессъ „стѣсненія“?

Чтобы подступить къ этому пункту, надобно опять возвратиться къ общимъ традиціямъ нѣмецкой психологіи. Гербартъ и его школа, какъ Фризь и Кантъ, вѣрятъ въ дѣйствительное „сосуществованіе“ „представленій“, въ ихъ смежное пребываніе въ пространствѣ духа или, какъ они охотнѣе выражаются, чтобы не расходиться съ общимъ вкусомъ,— „въ полѣ духа“⁴⁾.

¹⁾ Троицкій. Нѣмецкая психологія, 1867, стр. 498.

²⁾ Ibidem, p. 488—489.

³⁾ Ibidem, p. 491.

⁴⁾ Ibidem, p. 492.

„Тутъ предстоитъ намъ ознакомиться съ такими психологическими странностями, которымъ могъ бы позавидовать самъ Фризь. И могло ли быть иначе? Объяснять несуществующій фактъ можно только соответственными средствами: въ кругъ вещей, созданныхъ воображеніемъ, успѣшно работаетъ опять одно воображеніе.—Вотъ что мы узнаемъ у Гербарта, въ отвѣтъ на предложенный вопросъ.

Стѣсненіе другого есть во всякомъ случаѣ отношеніе не деликатное, а можетъ быть и враждебнымъ. Если представленія „стѣсняють“ другъ друга, то причина этого должна лежать въ какихъ нибудь недружелюбныхъ свойствахъ „представленій“. Какія же представленія обладаютъ такими свойствами?—Гербартъ отвѣчаетъ: „представленія противоположныя“¹⁾.

„Гербартъ полагаетъ, что въ „противоположности“ представленій отыскана необходимость ихъ обоюднаго вліянія на взаимную крѣпость, въ силу котораго они стѣсняють другъ друга и тѣмъ самымъ лишаютъ себя дѣйствительнаго сознанія, или потемняютъ одно другое.

Этимъ благополучно разрѣшается и другой вопросъ, который у Фриза остался точно также безъ надлежащаго разрѣшенія,—вопросъ о „подкрѣпленіи“, на которомъ основанъ процессъ обратный, пріобрѣтеніе утраченнаго сознанія, или проясненіе представленій. Такъ какъ представленіе, подвергшееся неприяностямъ „стѣсненія“, существенно не теряетъ ничего, потому что остается съ тою же первоначальною „крѣпостью“, хотя и „стѣсненною“, „сдавленною“, „связанною“, то требуется только освободить его отъ недружелюбныхъ объятій другого или другихъ,—и оно снова придетъ въ то положеніе, какое имѣло до стѣсненія или по крайней мѣрѣ близкое къ тому“²⁾.

„Такъ какъ, по предположенію, стѣсненныя представленія не прекращають въ духѣ своего темнаго существованія; такъ какъ, далѣе, вновь прибывающія представленія встрѣчаются въ немъ со всѣмъ запасомъ его богатствъ, „ясныхъ“ и „темныхъ“, и при своей противоположности однимъ, должны въ то же время въ отношеніи къ другимъ оказаться именно „непротивоположными“, или „одинаковыми“, то по

¹⁾ Ibidem, p. 492—493.

²⁾ Ibidem, p. 493—494.

этому самому они и могутъ оказать дружескую услугу ка-кимъ нибудь „представленіямъ“, томившимся въ состояніи „стѣсненія“, соединяя свою „крѣпость“ съ ихъ „крѣпостію“ и такимъ образомъ давая имъ преимущество надъ ихъ противниками. Оказаніе такихъ услугъ составляетъ, въ психологіи Гербарта, теорію благодѣтельныхъ „пособій“¹⁾. (Hülfe).

Мы не будемъ продолжать цитировку дальше, ибо для нашей цѣли достаточно и этого и можно не касаться частностей, тѣмъ болѣе, что проф. Троицкій, какъ мы замѣтили уже въ предисловіи, къ своей работѣ, въ основу своего изложенія кладетъ не работы самого Гербарта, а его ученика Vollkmann'a.

Теперь мы можемъ подвести итоги нашей работы и обозначить пункты сходства и различія въ ученіяхъ о душѣ Гербарта и Лейбница, какъ они выяснились по пути нашего изслѣдованія.

1. Въ то время, какъ у Лейбница исходнымъ понятіемъ его монадологіи было—сила, живая, недѣлимая, качественно простая, совершенно изолированная, но носящая въ себѣ, въ области безсознательнаго въ потенциальномъ видѣ весь міръ, сущность, жизнь которой состоитъ въ перцепціяхъ, являющихся ея собственными модификаціями—у Гербарта этимъ исходнымъ пунктомъ является понятіе простого качества, реала, который не имѣетъ никакихъ задатковъ. Жизнь его начинается въ формѣ представленій—самосохраненій, начинается съ того момента, когда онъ поставляется въ связь съ противоположными качествами—реалами и начинаетъ реагировать на ихъ нарушенія въ силу взаимной противоположности.

2. Вся жизнь какъ монадъ Лейбница, такъ и реаловъ Гербарта состоитъ въ представленіяхъ и въ ихъ различныхъ состояніяхъ. Чувство и воля не имѣютъ самостоятельнаго значенія, это лишь ихъ особое свойство или состояніе. У Лейбница воля лишь принципъ, постулированный для обозначенія непрерывности душевной перцепирующей дѣятельности. У Гербарта—это стѣсненное состояніе представленій перешедшихъ въ стремленіе къ представленію. Чувство у

¹⁾ Ibidem, p. 494.

него—излишекъ силы, требующейся для приведенія этихъ представленій въ ясность, въ сознаніе. Что же касается Лейбница, то у него оно лишь результатъ ощущенія безпрепятственной перцептивной дѣятельности ея, какъ бы, аккомпаниментъ.

3. Жизнь души у Лейбница начинается въ сферѣ подсознательной, въ видѣ незамѣтныхъ перцепцій, у Гербарта же ея начало въ сознаніи и лишь потомъ представленія въ силу своей противоположности оказываются изъ него вытѣсненными.

4. Представленія, какъ у того, такъ и другого не состоянія въ душѣ, а состоянія души, ея модификаціи, въ которыхъ и черезъ которыя она только и живетъ. Вслѣдствіе этого только и является возможность ея дѣйствительнаго, органическаго развитія. Жизнь души—жизнь организма, а не механизма.

Эта идея наиболѣе рельефное выраженіе получила у Лотце ¹⁾, къ краткому изложенію основныхъ положеній ученія о душѣ и ея жизни у него мы теперь въ заключеніе и перейдемъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Ученіе Лотце ²⁾ представляетъ собою третій этапъ на пути развитія монадологическаго ученія. Онъ начинается съ внутренняго опыта. „У насъ нѣтъ иного способа, знатьъ онъ въ „Микрокосмѣ“, заглянуть въ сущность души, кромѣ обратныхъ заключеній изъ подмѣченныхъ фактовъ нашего сознанія. Мы должны мысленно представлять себѣ, какою надлежитъ быть ея природѣ, чтобы она могла переносить то, что мы ощущаемъ, какъ ея состоянія, и совершать то, что мы находимъ въ себѣ самихъ, какъ ея дѣятель-

¹⁾ См., напр., „Микрокосмъ“, рус. перев. Е. Корша, Москва. 1866; стр. 227.

²⁾ Кромѣ общей монографіи по метафизикѣ Лотце проф. Я. Озе. Персонализмъ и проективизмъ въ метафизикѣ Лотце. Юрьевъ. 1896, специально по данному вопросу существуетъ диссертация Krestoff'a Lotze's metaphysischer Seelenbegriff. Halle. 1890, но тамъ собственно душѣ и ея силамъ посвящено всего лишь восемь страницъ.

ности“¹⁾. Душа, по Лотце такъ-же, какъ и по Лейбницу, простая, но находящаяся во взаимодействіи со всѣмъ міромъ, сущность. Онъ принимаетъ теорію способностей, но плодотворность ея видитъ лишь при разграниченіи ихъ на первоначальныя и производныя. „Только, когда тщательному наблюденію, говоритъ Лотце, удастся отдѣлать отъ первоначальныхъ способностей души тѣ, которыя, очевидно, приобрѣтаются только ходомъ образованія, оно успѣетъ наконецъ открыть и законы этихъ коренныхъ настроеній духа, а также и не менѣе важные законы ихъ взаимнаго другъ на друга вліянія“²⁾. „Всякая множественность первоначальныхъ способностей, говорятъ возражатели, не противорѣчитъ ли единству души?“³⁾ „Правда, о способностяхъ этихъ часто говорили такъ, какъ будто бы онѣ были уже совсѣмъ готовые дарованія, внѣдренныя въ душу одно наряду съ другимъ, и этому недостаточному изображенію справедливо противопоставлялось требованіе, смотрѣть на разнообразныя свойства всякаго существа, какъ на различныя выраженія единой и всегда себѣ равной его природы, вызванныя у нея только взаимодействіемъ, въ какое вступаетъ она съ природой другихъ элементовъ. Но надо полагать, что справедливо оспаривая небрежный оборотъ рѣчи, ставятъ уже слишкомъ высоко новизну и цѣнность этого опроверженія“⁴⁾. „Дѣло въ томъ, что если природа ея отвѣчаетъ на одно какое-либо раздраженіе опредѣленнымъ образомъ, тогда и другое проявленіе, какимъ отзовется она на второе раздраженіе, не будетъ уже неопредѣленно или предоставлено ей на произволь; одинъ шагъ рѣшаетъ уже и всѣ остальные, и какія бы ни дѣйствовали на нее разнообразнѣйшія впечатлѣнія, отношенія ея къ каждому изъ нихъ обусловливается тѣмъ, какъ отнеслась она къ которому либо одному“⁵⁾. Кроме того „не такъ отрывочно вступаетъ она въ свои проявленія, чтобы одна изъ ея частей пробуждалась въ то время, какъ другія еще дремлютъ; напротивъ, въ каждой формѣ своей дѣятельности душа участвуетъ вся цѣликомъ; уже и въ представленіи дѣйствуетъ она не одною только сторо-

1) Лотце. Микрокосмъ, рус. перев. Е. Корпа, Москва, 1866; стр. 207.

2) Ibidem, p. 213.

3) Ibidem, p. 213.

4) Ibidem, p. 214.

5) Ibidem, p. 216.

ной своего существа, но придаетъ лишь цѣлому одностороннее выраженіе, потому что на извѣстное опредѣленное возбужденіе способна отвѣчать только одною опредѣленною возможностью самопроявленья“ ¹⁾. „Не сама собою и не безъ возбужденья со стороны стремится природа ея къ дѣятельности, или властна она предназначить себѣ цѣль и направленіе своихъ дѣйствій, но впечатлѣнія извнѣ вызываютъ ее къ воздѣйствіямъ, изъ дальнѣйшаго соотношенія которыхъ между собою возникаетъ все многообразіе внутренней жизни“ ²⁾. „Она не только носитель своихъ состояній, но притомъ еще знаетъ и себя въ этомъ качествѣ, и, сберегая въ памяти пережитое прежде, рядомъ съ впечатлѣніями настоящаго, она не только представляетъ стороннему наблюдателю зрѣлище послѣдовательнаго ряда измѣненій, но и сводить въ себѣ различные процессы развитія своего измѣнчиваго существа въ единство высшаго смысла,—гораздо выше того, какое можно бы было когда либо приписать бесплодной косности нерушимой (и бессознательной) субстанціи“ ³⁾.

„Но въ чемъ же теперь состоитъ то, что остается тождественнымъ, себѣ равнымъ въ этомъ развитіи? Въ чемъ состоитъ то первобытное существо, та суть души, которая начало нашего изслѣдованія, повидимому, обѣщало обозначить ближе? Мы бы готовы были отвѣчать: какъ всякое существо познается только по тѣмъ слѣдствіямъ, какими подпадаетъ оно нашему наблюденію, то и о душѣ можемъ мы сказать лишь одно, что она есть именно то, что носитъ въ себѣ способность къ этому развитію“ ⁴⁾.

„Въ томъ видится намъ истинная сущность, чѣмъ стало наконецъ развивающееся существо, и какъ въ совсѣмъ сможившемся и цвѣтущемъ растеніи, мы видимъ отнюдь не что либо меньшее однообразнаго и безформеннаго роста, изъ котораго оно вышло, такъ же точно и въ представленіяхъ, которыя мы мыслимъ, въ чувствахъ и стремленіяхъ, которыя сопровождаемъ самымъ теплымъ участіемъ, не расположины мы видѣть только скудную замѣну помысла о неразвитомъ, первобытномъ существѣ души“ ⁵⁾.

¹⁾ Ibidem, p. 224.

²⁾ Ibidem, p. 229.

³⁾ Ibidem, p. 232—233.

⁴⁾ Ibidem, p. 235.

⁵⁾ Ibidem, p. 238.

Переходя далѣе къ отдѣльнымъ душевнымъ явленіямъ и способностямъ Лотце говоритъ: „къ числу простѣйшихъ фактовъ въ которыхъ явель психическій механизмъ, принадлежитъ извѣстное наблюденіе, что изъ несмѣтнаго числа представленій, которыми обязаны мы внѣшнимъ впечатлѣніямъ, въ каждый данный моментъ только весьма лишь немногія дѣйствительно предстають нашему уму; большая же часть совсѣмъ исчезаетъ для сознанія, хотя и не теряется вмѣстѣ съ тѣмъ для души вообще, потому что, безъ всякаго повторенія внѣшнихъ впечатлѣній, забытыя представленія снова предстають воспоминанію ¹⁾“. „И сколь ни далеки мы отъ того, чтобы отрицать устойчивость представленій, мы не колеблемся однакожь признать во вліяніи ихъ другъ на друга причину, почему вытѣсняются они изъ сознанія. Но если опытъ вездѣ понуждаетъ насъ къ такой уступкѣ, то, съ другой стороны, намъ вовсе не подѣ силу выяснить причину этой необходимости. Мало сослаться здѣсь на единосущность души, не позволяющую различнымъ ея состояніямъ проходить безсвязно и бездѣйственно одному подлѣ другого. Вѣдь единство навело бы насъ прежде всего на ожиданіе, что душа будетъ стремиться слить все многообразіе внутреннихъ своихъ состояній въ одинъ тождественно-общій строй. Но намъ извѣстно, что нѣтъ такой склонности въ сознательномъ ходѣ представленій, такъ какъ въ немъ остаются сохранными всѣ разнообразныя впечатлѣнія, да не можетъ ея быть и въ тѣхъ бессознательныхъ состояніяхъ, въ которыя переходятъ исчезающія представленія, такъ какъ изъ сплошной глубины забвенія они возникаютъ опять съ тѣми же яркими противоположностями, какими обладали въ прежнемъ сознаніи ²⁾“.

„Было время, когда много толковали о врожденныхъ идеяхъ, которыя, принадлежа человѣческому духу прежде всякаго опыта, составляютъ будто бы неотъемлемую часть его существа“ ³⁾. „Но ихъ ни въ какомъ смыслѣ нельзя назвать врожденными, кромѣ того, что въ первобытной природѣ духа лежитъ черта, понуждающая его, подѣ наитіемъ опыта, неизбежно вырабатывать именно эти пріемы познанія,

¹⁾ Ibidem, p. 244.

²⁾ Ibidem, p. 245—246

³⁾ Ibidem, p. 283.

а не другіе, и что не одно содержаніе опыта передаетъ ихъ духу совсѣмъ готовыя, но что именно потребна была первобытная природа послѣдняго для того, чтобы къ образованію ихъ побудился онъ силою опытныхъ впечатлѣній“¹⁾).

Характеристику чувствованій и ихъ отношеній къ представленіямъ Лотце даетъ посредствомъ слѣдующаго сравненія: „Какъ краска въ картинѣ оживаетъ и сильнѣе выдаетъ ея рисунокъ, не обладая сама по себѣ тѣмъ же многообразіемъ правильныхъ соотношеній, какое обнаруживается въ рисункѣ, такъ и чувствованія проникаютъ насквозь всю духовную жизнь, не приумножая собою числа существенно различныхъ формъ, помимо того представимаго содержанія, къ которому они примыкаютъ. Если къ первоначальнымъ особенностямъ духа принадлежитъ та, чтобы не только испытывать въ себѣ перемѣны, но и подмѣчать ихъ въ представленіи, то столь же первобытною чертою его должно признать ту, что онъ не только представляетъ себѣ эти перемѣны, но съ удовольствіемъ или недовольствомъ ощущаетъ еще ту цѣну, какую они для него имѣютъ, то возбуждая его въ смыслѣ его собственной природы, то силясь навязать ему такія формы и сочетанія состояній, которыя противны естественному ходу его дѣятельности“²⁾).

„Сравнительно съ представленіемъ и чувствомъ воля содержитъ въ себѣ своеобразный элементъ духовной жизни, псеудобовыводимый изъ обоихъ первыхъ, хотя и зависящій отъ нихъ, какъ поводовъ его проявленья. Въ числѣ многообразныхъ явленій, относимыхъ, подъ разными именами, къ ней непосредственно или только приурочиваемыхъ по извѣстному средству, есть много такихъ, въ которыхъ мы, съ своей стороны, можемъ распознать только особыя формы представленія и внутренняго чувства. Мы, конечно, слишкомъ щедро расточаемъ названіе воли и стремленья, и обозначаемъ имъ многіе такіе случаи, къ которымъ душа относится лишь какъ наблюдающее сознаніе, а не какъ дѣятельное существо“³⁾).

„Только тамъ мы можемъ быть убѣждены, что имѣемъ дѣло съ настоящимъ актомъ воли, гдѣ ясно сознаются вле-

1) Ibidem, p. 285.

2) Ibidem, p. 300.

3) Ibidem, p. 319—320.

кущія къ поступку побужденія, а рѣшеніе насчетъ того, слѣдовать имъ или нѣтъ, подлежитъ дальнѣйшему розыску и предоставляется не собственной силѣ влекущихъ побужденій, но опредѣленію свободнаго выбора независимаго отъ нихъ духа. Въ такой близкой связи понятіе свободы оказывается съ понятіемъ воли: ибо только въ этомъ рѣшеніи насчетъ данной наличности фактовъ состоитъ истинная дѣятельность воли человѣческой“¹⁾.

„Вотъ почему, кажется, одинъ только предрасудокъ способенъ отважиться на попытку свести природу воли къ чистому лишь знанію и защищать ту мысль, что сужденіе: *я хочу*, равнозначительно ясному и увѣренному въ себѣ сознанію другого: *я буду, я сдѣлаю*“²⁾. Камень, бросаемый Лотце, очевидно, въ огородъ Гербарта.

Останавливаться на дальнѣйшихъ представителяхъ этого направленія теперь мы не будемъ, предоставляя это будущему³⁾. Надѣмся, что при болѣе благоприятныхъ условіяхъ намъ удастся, если не дать исторію монадологическихъ ученій, то, во всякомъ случаѣ, что эта работа послужитъ канвой для „монадологической трилогіи“: *Лейбницъ, Гербартъ и Лотце*.

К. А. Смирновъ.

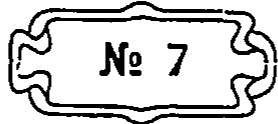
1) Ibidem, p. 322.

2) Ibidem, p. 323.

3) Желających ознакомиться съ ученіемъ Тейхмюллера можемъ отослать къ уже упомянутой книгѣ проф. Я. Озе (см. гл. IX) или къ статьѣ проф. А. А. Козлова въ журналъ „Вопросы философіи и психологіи“, кн. 24—25.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ по Харьковской епархіи.

15 Апрѣля

№ 7

1910 года.

Содержаніе. 1. Дни и часы приѣма у Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго.—Руководственныя указанія мѣрь, выработанныхъ Харьковскимъ епархіальнымъ миссіонерскимъ Совѣтомъ и утвержденныхъ Его Высокопреосвященствомъ.—Протоколъ годичнаго собранія Общества вспомошествованія нуждающимся воспитанникамъ Харьковской духовной семинаріи.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1908—1909 учебный годъ. (Продолженіе).—Отъ Комиссіи по устройству въ Сакахъ помѣщеній для больныхъ духовнаго вѣдомства.—Епархіальныя извѣщенія.

1.

ДНИ и ЧАСЫ ПРИЕМА

у Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго.

Въ понедѣльникъ Его Высокопреосвященствомъ принимаются должностныя лица различныхъ учрежденій духовнаго вѣдомства, а именно: въ 10 ч. утра Преосвященный Викарій, въ 10^{1/2} ч. Ректоръ Семинаріи, Предсѣдатель Совѣта и Начальница Епархіальнаго женскаго училища, Смотритель мужскаго духовнаго училища, Епархіальный Наблюдатель, Епархіальный Миссіонеръ, члены Консисторіи, Городскіе благочинные, Предсѣдатель Правленія Епархіальнаго свѣчнаго завода и др.

Во вторникъ и пятницу въ 10 ч. утра Секретарь консисторіи, въ 11 ч. дня свѣтскія лица, священники и прочіе просители.

Въ среду, четвергъ, субботу, воскресенье и вообще по праздникамъ приѣма не бываетъ.

Въ лѣтнюю пору Владыка принимаетъ просителей и лицъ, имѣющихъ нужду къ нему, въ городскомъ домѣ по средамъ въ 11 ч. дня, а должностныхъ лицъ въ 10 ч.; на дачѣ въ загородномъ домѣ приѣма не бываетъ.

Ключарь и регентъ Архіерейскаго хора являются ко Владыкѣ утромъ за день до архіерейскаго богослуженія, а лѣтомъ въ среду.

Посвящающіеся въ духовный санъ (ставленники) съ ставленническими дѣлами являются къ секретарю Его Высокопреосвященства, говѣютъ предъ посвященіемъ въ Покровскомъ монастырѣ не менѣе трехъ дней, потомъ направляются къ духовнику для исповѣди; послѣ исповѣди являются съ дѣломъ къ Владыкѣ и отъ него направляются къ посвященію. Послѣ посвященія новорукоположенные учатся служить въ Кааедральномъ соборѣ или въ монастырѣ и, получивши на ставленническомъ дѣлѣ отмѣтку о достаточномъ обученіи богослуженію, представляютъ дѣло секретарю Его Высокопреосвященства; имъ готовится грамота и они идутъ къ Архипастырю за благословеніемъ и полученіемъ грамоты. Потомъ изъ консисторіи получаютъ указъ и отправляются на мѣсто служенія.

—————

Руководственныя указанія мѣръ, выработанныхъ Харьковскимъ Епархіальнымъ Миссіонерскимъ Совѣтомъ и утвержденныхъ Его Высокопреосвященствомъ 17 февраля 1910 г. для противодѣйствія сектанскому натиску на православную Церковь и православное населеніе, по вопросу о миссіонерской постановкѣ Закона Божія въ церковныхъ школахъ.

1) Свѣдѣнія о заблужденіяхъ сектантовъ и опроверженіе ихъ не могутъ быть сообщаемы и предлагаемы въ одноклассной церковно-приходской школѣ въ видѣ полной и цѣлостной научной системы. Подобная постановка дѣла не соотвѣтствовала бы возрасту и развитію учащихся. Неумѣстной была бы и полемика по предметамъ, пререкаемымъ сектантами. При обученіи Закону Божію въ церковно-приходскихъ школахъ болѣе умѣстна полемика не прямая, а косвенная, или апологетика православнаго ученія. Законучитель долженъ заботиться о надлежащемъ раскрытіи, уясненіи и обоснованіи положительнаго ученія православной церкви въ виду тѣхъ или другихъ мѣстныхъ сектъ. Это можетъ быть дѣлаемо легко и успѣшно на разнымъ ступеняхъ обученія Закону Божію, при прохожденіи составныхъ его предметовъ: Св. Исторіи В. и Н. Завѣта (церковной исторіи въ двухклассныхъ школахъ), катихизиса, богослуженія.

2) Тамъ же, гдѣ сектантство заявляетъ о себѣ открыто, пропаганда ведется сильно, такъ что и дѣти православныя школьнаго возраста знакомятся отчасти съ ученіемъ, богослуженіемъ и жизнію

сектантовъ и интересуются этими явленіями, равнымъ образомъ, если въ школѣ есть и дѣти сектантовъ, внесеніе полемическаго элемента при обученіи Закону Божію дѣлается неизбѣжнымъ. Эту полемику умѣстнѣе всего пріурочить къ изученію катихизиса. Катихизисъ проходитъ на второй (въ церковно-приходской одноклассной школѣ) или на третій годъ обученія (въ двухклассной), слѣдовательно тогда, когда учащіеся въ извѣстной мѣрѣ ознакомлены съ положительнымъ христіанскимъ ученіемъ при изученіи молитвъ и священной исторіи В. и Н. Завѣта и достигли достаточной степени развитія. Вообще же полемическому элементу при обученіи Закону Божію въ начальной школѣ не должно быть отводимо много мѣста и даваемо широкой постановки. Самое обличеніе должно быть дѣлаемо съ мягкостію, безъ раздраженія и насмѣшки.

3) Въ школахъ второклассныхъ, въ первые два года апологетическій матеріалъ должно совмѣстить съ нормальной программой по Закону Божію, а въ третій годъ выдѣлить въ особый повторительный курсъ съ подробныхъ разборомъ главныхъ сектантскихъ заблужденій и сообщеніемъ историческихъ данныхъ о происхожденіи, ученіи и богослуженіи той или другой или нѣсколькихъ сектъ.

4) При апологетической или полемической постановкѣ обученія Закону Божію въ церковно-приходскихъ школахъ нужно имѣть въ виду мѣстныя или ближайшія къ приходу секты.

5) Прѣмѣрное распредѣленіе апологетическаго матеріала въ курсѣ Закона Божія для одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ составлено протоіереемъ Іустиномъ Ольшевскимъ. Эта программа принята 3 и 4 Всероссійскими миссіонерскими съѣздами, чрезвычайнымъ собраніемъ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ и допущена отъ 9 августа 1900 года Св. Синодомъ, какъ руководство для церковно-приходскихъ школъ Харьковской епархіи, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ даетъ о себѣ знать сектантство (штунда и толстовщина). Поэтому духовенству Харьковской епархіи необходимо точно руководствоваться этою программой.

6) Изложеніе положенныхъ статей на урокахъ, равно разборъ заблужденій сектантовъ (при полемической постановкѣ обученія Закону Божію) законоучитель долженъ вести съ русскою Библіею въ рукахъ. Ученикамъ можетъ быть данъ Новый Завѣтъ и книга, изданная Училищнымъ Совѣтомъ. „Историческое чтеніе изъ книгъ Ветхаго Завѣта“. Цитаты изъ Св. Писанія, приводимыя сектантами и православными въ защиту своего ученія, могутъ быть записываемы по указанію законоучителя въ особыя тетради. Можно рекомендовать,

какъ руководство для учащихся, „Миссіонерскій Катихизисъ“ Д. П. Боголюбова, 6-е изданіе. Только не слѣдуетъ рабски имъ пользоваться. По мѣстамъ необходимо упрощать изложеніе, дополнять другими текстами и соображеніями, опускать разборъ заблужденій сектантовъ, какихъ нѣтъ въ данной мѣстности. Вопросы о св. Писаніи и Преданіи, о священствѣ, о вѣрѣ и дѣлахъ, о почитаніи св. угодниковъ Божіихъ, здѣсь разработаны довольно хорошо.—Для учениковъ второклассныхъ школъ можно рекомендовать книгу Н. Кутепова „Краткое изложеніе вѣроученія русскихъ рационалистическихъ и мистическихъ сектъ“ и протоіерея Т. Буткевича „Секта штунд-балтистовъ“, „Секта молоканъ“, „Секта хлыстовъ и скопцовъ“ въ отдѣльномъ изданіи. Руководствомъ и пособіемъ для законоучителей можетъ служить сочиненіе протоіерея Т. Буткевича о сектахъ, Оболенскаго „Критич. разборъ ученія рационалистическихъ сектъ“, брошюры прот. Н. Кутепова о преданіи, церкви, священствѣ, почитаніи святыхъ. оправданія вѣроу.

П Р О Т О К О Л Ъ

**годового собранія Общества вспомошествованія
нуждающимся воспитанникамъ Харьковской Ду-
ховной Семинаріи, состоявшагося 21-го февраля
1910 года.**

21-го Февраля 1910 года состоялось годовое собраніе Общества вспомошествованія нуждающимся воспитанникамъ Харьковской Духовной Семинаріи, подъ предсѣдательствомъ Преосвященнаго Василія, Епископа Сумскаго. По открытіи засѣданія Предсѣдательствующимъ Преосвященнымъ, съ указаніемъ на главные предметы, подлежащіе разсмотрѣнію и обсужденію членовъ собранія, Предсѣдатель Правленія Общества, о. Ректоръ Семинаріи Алексѣй Юшковъ сказалъ рѣчь о задачахъ, преслѣдуемыхъ Обществомъ, и тѣхъ результатахъ, которые имъ были достигнуты въ теченіе перваго года, со времени его возникновенія отъ 27-го Сентября 1908 года. Затѣмъ, прочитаны были: отчетъ Общества за 1908—1909 г. секретаремъ Правленія Общества преподавателемъ А. Ѳ. Вертеловскимъ и докладъ по провѣркѣ его членами ревизіонной комиссіи преподавателемъ

Н. В. Кудревичемъ. Отчетъ Общества собраніемъ былъ утвержденъ. При этомъ собраніе единогласно признало необходимымъ принести особую благодарность Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнѣйшему Арсенію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому, какъ за покровительство Обществу, такъ и за весьма значительныя пожертвованія, выразившіяся: а) во взносѣ 200 руб. 4⁰/₁₀₀ рентою и б) въ пожертвованіи на нужды Общества 1730 руб. 27 коп., вырученныхъ редакціею журнала „Вѣра и Разумъ“ отъ изданія проповѣдей Его Высокопреосвященства и обращенныхъ въ неприкосновенный капиталъ. вмѣстѣ съ тѣмъ Преосвященный Василій предложилъ собранію, не найдетъ ли оно желательнымъ избрать почетными членами Общества протоіерея Каѳедрального Собора С. П. Любичкаго и Почетнаго Блюстителя по хозяйственной части, казначея Правленія Общества Д. Г. Фигуровскаго, оказавшихъ щедрую матеріальную поддержку Обществу. Предложеніе это было принято собраніемъ единогласно. Въ дополненіе къ этому, по предложенію члена Общества законоучителя Коммерческаго Училища священника о. І. Филевскаго, собраніе признало необходимымъ выразить благодарность всѣмъ о.о. благочиннымъ, трудившимся по собиранію пожертвованій по подписнымъ листамъ въ пользу Общества, но особенно слѣдующимъ тремъ: 4-го Изюмскаго округа свящ. о. Михаилу Пономареву, 1-го Зміевскаго—священнику о. Николаю Красину и 1-го Изюмскаго—прот. о. Стефану Коханову, какъ потрудившимся въ этомъ дѣлѣ наиболѣе успѣшно въ отчетномъ году. Составъ Правленія Общества оставленъ прежній, по желанію членовъ собранія, выраженному единогласно. Но по предложенію Предсѣдателя Правленія о. Ректора Семинаріи А. М. Юшкова, въ виду увеличенія дѣлъ Общества, собраніе признало необходимымъ число выборныхъ членовъ увеличить съ 4 до 6. Новыми членами Правленія были избраны единогласно: Н. В. Гогинъ и С. И. Чистосердовъ. Такъ закончился первый годъ дѣятельности Общества вспомошествованія нуждающимся воспитанникамъ Харьковской Духовной Семинаріи, со времени возникновенія его, 26 Сентября 1908 года, съ надеждами на дальнѣйшее успѣшное его продолженіе въ будущемъ, вызываемое возрастающими нуждами учащихся.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1908—1909 учебный годъ.

(Продолженіе *).

Общія свѣдѣнія объ успѣхахъ, поведеніи и состояніи здоровья воспитанницъ.

Успѣхи воспитанницъ въ отчетномъ году наглядно изображаются въ нижеслѣдующей таблицѣ, показывающей число воспитанницъ каждаго класса, получившихъ баллы: 5, 4, 3 и 2 по всемъ предметамъ вмѣстѣ и не оказавшихъ успѣховъ.

КЛАССЫ и ОТДѢЛЕНІЯ.	Общее число воспитанницъ	Число получавшихъ баллы.				Не оказали успѣховъ
		5	4	3	2	
Приготовительный I-ое отдѣленіе	53	19	21	12	—	1
Приготовительный II-е отдѣленіе	57	20	23	11	—	3
Первый классъ I-ое отдѣленіе	51	8	18	22	2	1
Первый классъ II-ое отдѣленіе	55	12	22	19	2	—
Второй классъ I-ое отдѣленіе	63	17	21	19	4	—
Второй классъ II-ое отдѣленіе	57	11	15	28	3	—
Третій классъ I-ое отдѣленіе	52	7	23	17	3	2
Третій классъ II-ое отдѣленіе	53	10	23	20	—	—
Четвертый классъ I-ое отдѣленіе	40	9	14	16	—	1
Четвертый классъ II-ое отдѣленіе	45	11	16	16	—	1
Пятый классъ I-ое отдѣленіе	44	14	22	8	—	—
Пятый классъ II-ое отдѣленіе	48	12	23	11	1	1
Шестой классъ I-ое отдѣленіе	38	11	18	6	—	2
Шестой классъ II-ое отдѣленіе	35	5	16	13	—	1
7-й дополнительный классъ	28	21	7	—	—	—

Какъ видно изъ представленной таблицы, успѣхи воспитанницъ за отчетный годъ могутъ быть признаны вполне удовлетворительными. Удовлетворительны были успѣхи воспитанницъ и по необязательнымъ предметамъ: французскому языку, музыкѣ и иконописанію. Французскому языку обучалось 128 воспитанницъ; музыкѣ (игрѣ на рояли)—157, игрѣ на скрипкѣ 15, иконописанію—26 воспитанницъ.

*) См. ж. „В. и Р.“, отд. Извѣстій и Замѣтокъ № 5 за 1910 г.

Лучшія воспитанницы по успѣхамъ и поведенію, согласно постановленію Педагогическаго Совѣта, Его Высокопреосвященствомъ утвержденному, удостоены награды книгами и похвальными листами.

Таковыхъ было: въ приготовительномъ 1 отд.—11, въ подготов. II отдѣл.—11 воспит.; въ 1 кл. 1-го отд.—4, въ 1 кл. 2-го отд.—6; во 2-мъ норм.—6, во 2 парал.—2; въ 3 норм. кл.—2, въ 3 парал.—4; въ 4 норм.—5, въ 4 пар.—6; въ 5 нор.—1, въ 5 парал.—3; въ 6 норм.—6, въ 6 парал.—2; въ 7 кл.—8 воспитанницъ.

Награды давались воспитанницамъ, имѣющимъ по каждому предмету изъ годового и экзаменнаго балла „5“.

2) За поведеніемъ воспитанницъ, согласно § 29 Училищ. Устава, имѣла наблюденіе главнымъ образомъ Начальница Училища самолично и чрезъ воспитательницъ. Поведеніе воспитанницъ въ отчетномъ году отмѣчено въ общемъ балломъ—„5“.

Воспитанницы обнаружили въ своемъ поведеніи религіозность, трудолюбіе, скромность и почтительность къ старшимъ. Христіанскія обязанности исполнялись воспитанницами неопустительно съ должнымъ усердіемъ и благоговѣніемъ. Всѣ онѣ исправно присутствовали на утреннихъ и вечернихъ молитвахъ, изъ коихъ однѣ читались очередною воспитанницею, а другія были пѣты всѣми воспитанницами. Предъ уроками воспитанницы читали дневное Евангеліе. Уроки начинались и заканчивались молитвою.

Въ воскресные и праздничные дни воспитанницы присутствовали на Богослуженіи въ домово́й училищной церкви, при чемъ сами исполняли все церковное чтеніе и пѣніе. Согласно опредѣленію Св. Синода отъ 2-го—18-го Іюля 1908 г. за № 4503, въ чтеніи принимали участіе не только воспитанницы старшихъ классовъ, но и младшія. Въ церковномъ пѣніи на правомъ и лѣвомъ клиросахъ принимали участіе всѣ воспитанницы 5 и 6 класса, а иногда и 7-го кл., поочередно, а на лѣвомъ клиросѣ пѣли и ученицы 4-го кл., составляя лѣвый хоръ. По временамъ за Богослуженіемъ нѣкоторыя пѣснопѣнія исполнялись всѣми воспитанницами.

Предъ праздникомъ Рождества Христова, съ 18-го по 21-ое Ноября, и въ постъ Св. Четырдесятницы всѣ воспитанницы говѣли, исповѣдывались и причащались Св. Таинъ; по средамъ и пятницамъ Великаго поста присутствовали на Преждеосвященныхъ Литургіяхъ въ училищной церкви. Установленные церковью посты соблюдались какъ воспитанницами, такъ и воспитательницами. Ученическія обязанности выполнялись воспитанницами добросовѣстно и аккуратно;

замѣчавшаяся-же малоуспѣшность нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣла причинами своими неразвитость и малоспособность.

За поведеніемъ воспитанницъ въ классное время и во время приготовленія уроковъ наблюдали воспитательницы и Начальница Училища.

3) Состояніе здоровья воспитанницъ въ отчетномъ году нельзя назвать удовлетворительнымъ. Всѣхъ случаевъ заболѣванія и леченія въ училищной больницѣ было 658. Болѣзни были слѣдующія: брюшной тифъ—117 случаевъ, скарлатины—12 случаевъ, рожа—2, трахома—4, вѣтряная оспа—6, заушница—10, горловыя болѣзни—119, гастритъ—16, кровавый поносъ—3, воспаленіе около сердечной сумки—2, крупозное воспаленіе легкихъ—1, воспаленіе слѣпой кишки—1 случай. Большинство случаевъ острыхъ заболѣваній представляло теченіе тифа, исключительно и необычайно тяжелаго; въ большомъ количествѣ наблюдались тяжелыя осложненія воспаленіемъ легкихъ, нерѣдко были комбинированныя осложненія съ этихъ обѣихъ сторонъ, были случаи желудочнаго и кишечнаго кровотеченій. Восемь случаевъ тифозныхъ заболѣваній окончились смертью въ училищной больницѣ. Умерли воспитанницы: Станкова Анна 5-го парал. кл., Пономарева Анна 3 норм., Мухина Ксенія 2-го норм., Рогальская Антонина 4-го норм., Грекова Анна 7-го кл., Рубинская Марія 2-го пар., Мухина Валентина 4-го норм., Орлова Анна 3-го норм., 3 воспитанницы (Шокотова Марія 4-го норм., Николаевская Елизавета 4-го пар. и Навродская Екатерина 6 кл.) умерли въ домѣ родителей и 1 воспитанница (Переверзева Марія 5-го норм. кл.) скончалась въ больницѣ Краснаго Креста въ г. Харьковѣ.

Кромѣ того, Сукачева Лидія 6 норм. кл. умерла въ училищной больницѣ отъ остраго воспаленія сердечной сумки и Грызодубова Евгенія 6 нор. кл. скончалась въ домѣ родителей отъ чахотки.

Училищнымъ врачомъ по зубнымъ болѣзнямъ отъ 19-го Сент. 1908 г. по 12-ое мая 1909 г. въ училищѣ было сдѣлано 42 приема. Принято было 463 воспитанницы, изъ нихъ 206 въ первый разъ и 257 вторично.

Обстоятельства, благопріятствовавшія и препятствовавшія успешному веденію учебно-воспитательнаго дѣла. Число пропущенныхъ преподавателями уроковъ. Мѣры, принятыя и предполагаемыя къ возвышенію учебно-воспитательнаго дѣла.

Учебно-воспитательное дѣло въ отчетномъ году находилось въ удовлетворительномъ состояніи и велось правильно, вполне согласно съ § 83 „Училищнаго Устава“.

Къ обстоятельствамъ, благопріятствовавшимъ успѣшному веденію учебнаго дѣла, надо отнести то, что преподаватели, обладая педагогическою опытностью, относились къ своимъ обязанностямъ добросовѣстно и исполняли ихъ съ надлежащимъ усердіемъ. Классныя воспитательницы и ихъ помощницы усердно содѣйствовали веденію учебно-воспитательнаго дѣла; присутствовали на урокахъ, во время вечернихъ занятій репетировали съ воспитанницами заданные уроки, своими объясненіями способствовали успѣшному и сознательному усвоенію ихъ и замѣняли отсутствовавшихъ преподавателей, занимались съ дѣтьми чтеніемъ, письмомъ подъ диктовку или рукодѣліемъ.

Преподавателями и учительницами опущено по болѣзни и другимъ уважительнымъ причинамъ 253 урока.

Для возвышенія учебно-воспитательнаго дѣла были приняты и практиковались, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, слѣдующія мѣры:

1) Въ виду переполненности Училища вслѣдствіе открытія 7-го дополнительнаго класса и 2-хъ отдѣленій приготов. кл., отчего ощущалась тѣснота, особенно въ спальныхъ помѣщеніяхъ, а скученность не могла не отзываться и на учебно-воспитательномъ дѣлѣ въ Училищѣ, Совѣтъ Училища, принимая во вниманіе опредѣленіе Св. Синода отъ 23 Ав.—5-го Сентября 1907 г. за № 5077, которымъ существованіе приготов. классовъ при Епарх. Училищахъ признано необязательнымъ, призналъ необходимымъ войти съ ходатайствомъ къ Его Высокопреосвященству о закрытіи обоихъ отдѣленій пригготовительнаго класса.

2) Совѣтъ Училища, съ участіемъ преподавателей и воспитательницъ, разсматривалъ вносимыя Начальницею Училища и Инспекторомъ классовъ двухъ—мѣсячныя вѣдомости о поведеніи и успѣхахъ воспитанницъ, неуспѣвшихъ по неразвитости, малоспособности, или болѣзни, поручалъ особому вниманію учащихся во время классныхъ уроковъ и воспитательницъ во время вечернихъ занятій.

3) Вѣдомость о числѣ малоуспѣвавшихъ воспитанницъ по истеченіи двухъ мѣсяцевъ представлялась Совѣтомъ при журналахъ Его Высокопреосвященству.

4) Инспекторъ классовъ, посѣщая уроки преподавателей, а также наблюдая за пригготовленіемъ уроковъ воспитанницами во время вечернихъ занятій, въ потребныхъ случаяхъ давалъ соотвѣтствовавшія указанія и разъясненія, рекомендовалъ учащимъ тѣ или другія пособія и велъ съ ними бесѣды о возможно лучшей постановкѣ учебнаго дѣла.

5) Начальница Училища лично, во время посѣщенія уроковъ и вечернихъ занятій и чрезъ воспитательницъ, слѣдила за успѣхами и поведеніемъ воспитанницъ и требовала отъ нихъ усерднаго и аккуратнаго исполненія своихъ обязанностей.

6) Инспекторомъ классовъ совмѣстно съ преподавателями и воспитательницами обращалось вниманіе на внѣ-классное чтеніе воспитанницами книгъ, съ цѣлью развитія и обогащенія свѣдѣніями, помимо класснаго преподаванія.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ, и въ отчетномъ году практиковались общія для всего класса чтенія книгъ, особенно во время механическихъ занятій руководѣлемъ.

Въ великій постъ, особенно во дни говѣнія, ученицамъ выдавались книги для чтенія религіозно-нравственнаго содержанія. Ближайшее наблюденіе за внѣ-класснымъ чтеніемъ имѣли воспитательницы подъ руководствомъ инспектора классовъ и при содѣйствіи преподавателей.

7) Для болѣе яснаго и отчетливаго усвоенія знаній употреблялись наглядныя пособія. Кроме того, неоднократно во внѣ-классное время показывались воспитанницамъ при помощи волшебнаго фонаря туманныя картины, имѣвшія своимъ содержаніемъ священно-историческія событія, изображенія замѣчательныхъ историческихъ дѣятелей, физическія явленія, архитектурныя сооруженія, типы народовъ; при чемъ велись соотвѣтствующія картинамъ чтенія или давались надлежащія разъясненія.

8) Для развитія литературнаго вкуса воспитанницъ, для пріученія ихъ къ правильному и выразительному чтенію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для доставленія имъ пріятнаго и полезнаго развлеченія, иногда устраивались въ присутствіи близкихъ Училищу лицъ литературно-вокальные вечера, на которыхъ воспитанницы произносили заученныя стихотворенія, пѣли хоромъ и играли на музыкальныхъ инструментахъ приготовленныя пьесы.

9) Въ предотвращеніе случаевъ поздняго начинанія нѣкоторыми воспитанницами составленія задаваемыхъ сочиненій и другихъ письменныхъ работъ противъ назначеннаго срока и происходящей отсюда торопливости воспитанницъ въ исполненіи письменныхъ упражненій, требовались отъ пишущихъ черновыя тетради, которыя просматривались преподавателями. Въ случаѣ отступленія отъ этого требованія обращалось не исправныхъ особое вниманіе инспектора классовъ.

10) Въ видахъ поощренія къ трудолюбію лучшихъ по успѣ-

хамъ и поведенію воспитанницъ, Совѣтъ Училища награждалъ ихъ книгами и похвальными листами. Съ тою же цѣлью при отпускахъ воспитанницъ въ дома родителей ихъ баллы по успѣхамъ и поведенію выставлялись въ отпускныхъ билетахъ.

11) Въ старшихъ классахъ весьма много способствовало развитію педагогическихъ способностей воспитанницъ ихъ практическія занятія въ образцовой церковно-приходской школѣ.

Къ числу обстоятельствъ, препятствовавшихъ успѣшному веденію учебно-воспитательнаго дѣла, надо отнести постигшую Училище въ отчетномъ году эпидемію тифа.

(Продолженіе будетъ).

Отъ Коммисіи по устройству въ Сакахъ помѣщеній для больныхъ духовнаго вѣдомства.

Коммиссія по устройству въ с. Сакахъ, Евпаторійскаго уѣзда, помѣщеній для больныхъ духовнаго вѣдомства имѣетъ честь довести до свѣдѣнія епархіальнаго духовенства, что въ виду годъ отъ года увеличивающагося количества лицъ духовнаго вѣдомства, желающихъ жить въ епархіальныхъ помѣщеніяхъ, въ виду ограниченнаго количества сихъ помѣщеній, а также въ виду того, что они работаютъ лишь въ теченіе трехъ лечебныхъ сезоновъ (съ мая по августъ—съ будущаго 1910 года помѣщенія эти будутъ сдаваться лицамъ духовнаго вѣдомства лишь на полную лечебную очередь (мѣсяць); льгота можетъ быть даваема больнымъ духовнаго вѣдомства лишь на два дня; желающіе жить въ епархіальныхъ помѣщеніяхъ больше этого срока платятъ за номеръ впродъ за весь свѣдующій мѣсяць и при условіи, если этотъ номеръ не сданъ завѣдующимъ новому очередному сезонному больному.

Духовенство военное никакими льготами въ епархіальныхъ помѣщеніяхъ не пользуется, потому что въ Сакахъ существуетъ спеціальная военная грязелечебница, гдѣ военное духовенство и безъ того можетъ помѣщаться на льготныхъ условіяхъ, наравнѣ со всѣми военными.

Епархіальныя извѣщенія.

1. Обь опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

а) Безмѣстный діаконъ Іоаннъ *Вербилцкій* опредѣленъ 27 марта на діаконское мѣсто при Александро-Невской церкви, села Рай-Александровки, Изюмскаго уѣзда.

б) Учитель церковно-приходской школы Павелъ *Ченченко* опредѣленъ 24 марта и. д. псаломщика къ Рождество Богородичной церкви, села Ђздоцкаго, Богодуховскаго уѣзда.

в) Потомствеинный почетный гражданинъ Иванъ *Капустянскій* опредѣленъ 24 марта и. д. псаломщика къ Вознесенской церкви, села Ђздоцкаго, Ахтырскаго уѣзда.

г) Сынъ священника Николай *Ковалевскій* опредѣленъ 30 марта и. д. псаломщика къ Іоанно-Богословской церкви, села Солнцевки, Харьковскаго уѣзда.

д) Крестьянинъ Всеволодъ *Лубенскій* опредѣленъ 30 марта и. д. псаломщика къ Рождество-Богородичной церкви, слоб. Бунчужной, Старобѣльскаго уѣзда.

е) Крестьянинъ Филиппъ *Маценко* опредѣленъ 6 апрѣля и. д. псаломщика къ Соборной Успенской церкви, города Богодухова.

2) О перемѣщеніи священно-церковно-служителей на другія мѣста.

а) Священникъ Черниговской епархіи Іоаннъ *Заводовскій* перемѣщенъ 29 марта на священническое мѣсто при Троицкой церкви, села Василевки, Лебединскаго уѣзда.

б) Діаконъ церквей: Покровской, села Безлюдовки, Харьковскаго уѣзда, Петръ *Лобковскій* и Крестовоздвиженской, слоб. Черкасской Лозовой, того же уѣзда, Николай *Васютинскій* перемѣщены 18 марта одинъ на мѣсто другого.

в) Псаломщикъ Рождество-Богородичной церкви, слоб. Бунчужной, Старобѣльскаго уѣзда, Григорій *Соболевъ* перемѣщенъ 30 марта на псаломщицкое мѣсто при вновь устроенной Успенской церкви, села Чепиговки, того же уѣзда.

г) Псаломщикъ Успенской церкви, села Хотѣни, Сумскаго уѣзда, Антоній *Стѣнцовъ* перемѣщенъ 3 апрѣля на псаломщицкое мѣсто при Николаевской церкви, слободы Никольской, Старобѣльскаго уѣзда.

д) Псаломщикъ церкви, села Солнцевки, Харьковскаго уѣзда, Павелъ *Краснокутскій* перемѣщенъ 30 марта на псаломщицкое мѣсто къ Всѣхсвятской церкви, села Вировъ, Сумскаго уѣзда.

е) Псаломщикъ Архангело-Михайловской церкви, города Краснокутска, Богодухов. уѣзда, Николай *Мигулинъ* перемѣщенъ 5 апрѣля на псаломщицкое мѣсто при Георгіевской церкви, слоб. Ольховатки, Волчанскаго уѣзда.

ж) Псаломщикъ Іоанно-Воинской церкви, села Андреевки, Сумскаго уѣзда, Вячеславъ *Прядкинъ* и и. д. псаломщика Рождество-Богородичной церкви, села Удѣ, Харьковскаго уѣзда, Димитрій *Бабенко* перемѣщены 5 апрѣля одинъ на мѣсто другого.

з) И. д. псаломщика церкви слоб. Бугаевки, Изюмскаго уѣзда, Аванасій *Гончаровъ* и псаломщикъ села Ряснаго, Ахтырскаго уѣзда, Василій *Свѣчаревскій* перемѣщены 3 апрѣля одинъ на мѣсто другого.

3) Объ увольненіи за штатъ.

Священникъ Троицкой церкви, села Василевки, Лебединскаго уѣзда, Феодоръ *Заводовскій* уволенъ, согласно прошенію, за штатъ 29 марта.

4) Объ утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

а) Къ церкви слоб. Ново-Красной, Купянскаго уѣзда, утвержденъ 11 марта старостою крестьянинъ Даниль *Котляровъ*.

б) Къ церкви сл. Кривой Луки, Изюмскаго уѣзда, утвержденъ 12 марта старостою кр. Григорій *Грунскій*.

в) Къ церкви слоб. Коломійчихи, Купянскаго уѣзда, утвержденъ 14 марта старостою кр. Гавріиль *Зубъ*.

г) Къ церкви сл. Тимоновой, Старобѣльск. у., утвержденъ 20 марта старостою кр. Гавріиль *Хамловъ*.

д) Къ Покровской церкви, сл. Котельвы, Ахтырскаго уѣзда, утвержденъ 20 марта старостою кр. Николай *Бурковецъ*.

е) Къ церкви села Богородичнаго, Изюмскаго уѣзда, утвержденъ 21 марта старостою кр. Назарій *Буднякъ*.

ж) Къ вновьустроенной церкви Успенской, села Чепиговки, Старобѣльск. у., утвержденъ 21 марта старостою кр. Лука *Бойко*.

з) Къ Митрофаніевской церкви, города Недригайлова, Лебединскаго уѣзда, утвержденъ 23 Марта старостою кр. Павелъ *Коваленко*.

и) Къ Петро-Павловской церкви, города Харькова, утвержденъ 27 марта старостою крестьянинъ Мина *Гень*.

к) Къ вновьустроенной Николаевской церкви, хутора Нуровой, Изюмскаго уѣзда, утвержденъ 26 марта старостою кр. Иванъ *Слабуновъ*.

к) Къ церкви села Заводянки, Староб. у., утверждень 28 марта старостою кр. Иванъ *Лысенко*.

л) Къ церкви сл. Шаровой, Староб. у., утверждень 24 марта старостою кр. Алексѣй *Кваша*.

м) Къ церкви села Янкова Рога, Ахтырскаго уѣзда, утверждень 31 марта старостою кр. Григорій *Пастычникъ*.

н) Къ церкви слободы Голой Долины, Изюмскаго уѣзда, утверждень 30 марта старостою кр. Василій *Капнинъ*.

о) Къ Николаевской церкви, слоб. Новой Водолаги, Валковскаго уѣзда, утверждень 31 марта старостою кр. Елисей *Лазаренко*.

п) Къ Троицкой церкви, слоб. Алексѣевки, Зміевскаго уѣзда, утверждень 2 апрѣля старостою крестьянинъ Харлампій *Демьяненко*.

р) Къ Николаевской церкви, слободы Бѣлки, Ахтырскаго уѣзда, утверждень 3 апрѣля старостою крестьянинъ Миронъ *Волошинъ*.

5) Объ утвержденіи и. д. псаломщиковъ въ должности.

И. д. псаломщика Успенской церкви, слободы Соколова, Зміевскаго уѣзда, Петръ *Федоровъ* утверждень 18 марта въ должности псаломщика.

6) Объ утвержденіи должностныхъ лицъ.

а) Священникъ Рождество-Богородичной церкви села Двурѣчнаго Кута, Харьковскаго уѣзда, Василій *Ястремскій* назначень 13 марта духовникомъ духовенства 2 округа Харьковскаго уѣзда, вмѣсто состоявшаго въ сей должности протоіерея Порфирія *Шоколова*.

б) Донской Епархіальный Миссіонеръ Левъ *Кунцевичъ* назначень 7 апрѣля на должность Харьковскаго Епархіальнаго Миссіонера.

7) О производствѣ въ чины.

Высочайшимъ Приказомъ по гражданскому вѣдом. отъ 18 дек. 1909 г. за № 87 за выслугой лѣтъ утверждены канцеляр. служит. Харьков. Духов. Консistorіи *Слоновскій* въ чинѣ коллежск. регистратора со старшинствомъ съ 1 сент. 1908 г. и надзиратель Сумскаго духов. учил. *Грызодубовъ* въ чинѣ коллежск. секретаря со старшинствомъ съ 28 окт. 1905 г.

8) О присоединеніи къ православію.

Священникомъ Троицкой церкви, города Сумъ Алексѣемъ *Мигулиннымъ* присоединены къ православію 25 марта штундисты крестьянинъ Филиппъ Ивановъ *Бѣлоусовъ* и жена его Марфа Давилюва дочь.

9) Обь утвержденіи въ должности законоучителей.

а) Діаконъ Харьковской Христорожественской церкви Димитрій *Бугаевъ* утвержденъ 17 марта законоучителемъ Харьковскаго частнаго начальнаго училища Л. В. Югансонъ.

б) Священникъ церкви слоб. Самотоевки, Ахтырскаго уѣзда, Василій *Куминовъ*, назначенъ 30 марта законоучителемъ Самотоевского 2-го начальнаго училища.

в) Священникъ Харьковской Серафимовской церкви Николай *Ястремскій* назначенъ 30 марта законоучителемъ въ частномъ училищѣ 3-го разряда, съ профессиональнымъ классомъ учрежденнаго въ г. Харьковѣ В. П. Трифильевой.

г) Священникъ Воскресенской церкви, села Хорошева, Харьковскаго уѣзда, Іоаннъ *Закрицкій*, назначенъ 24 марта законоучителемъ мѣстнаго народнаго училища.

10) Вакантныя мѣста:

а) *Священническія:*

При Спасской церкви, Харьковскаго училища слѣпыхъ.

б) *Діаконскія:*

При Николаевской церкви, города Харькова.

и в) *Псаломщицкія:*

— Николаевской церкви, города Лебедина.

— Покровской церкви, сл. Большой Писаревки, Богодухов. у.

— Всѣхсвятской церкви, гор. Славянска, Изюмскаго уѣзда.

— Спасской церкви Харьковскаго училища слѣпыхъ.

— Успенской церкви, въ сл. Хотѣни, Сумскаго уѣзда.

— Архангело-Михайловской церкви города Краснокутска, Богодуховскаго уѣзда.

II.

Содержаніе. Поученіе на литургіи преждеосвященныхъ Даровъ. Воспитанника VI класса X. Д. Семинаріи Николая Церковническаго.—Миссіонерскій листокъ. Собесѣдованіе съ сектантами въ сл. Ободахъ, Сумскаго уѣзда. Свящ. Феодора Сулимы.—Епархіальная хроника.—Прощаніе духовенства Харьковской епархіи съ митрофорнымъ протоіереемъ Т. И. Буткевичемъ. (Продолженіе).—Некрологъ.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Архипастырское посланіе къ паствѣ казанской.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Результаты новыхъ приемовъ въ земледѣліи.—Алкоголизмъ дѣтей.—Объявленія.

ПОУЧЕНІЕ

на литургіи преждеосвященныхъ Даровъ *).

*„Положи, Господи, храненіе
устомъ моимъ и дверь огражденія
во устнахъ моихъ“.*

Такъ, возлюбленные братіе, воспѣваетъ Святая Церковь въ великіе дни поста и покаянія на литургіи преждеосвященныхъ Даровъ. Къ престолу Всевышняго, какъ облака кадиладнаго дыма, несутся наши горячія и пламенные моленія, мы просимъ Всещедраго Бога увидѣть Своимъ милостивымъ окомъ наши воздѣтыя руки, услышать гласъ моленія нашего, призрѣть на нашу тихую, смиренную молитву. Но въ то же время мы чувствуемъ въ глубинахъ сердца нашего, что только тогда молитва наша чиста будетъ предъ Богомъ, благоуханна, какъ дымъ кадиладный, когда будутъ возносить ее и уста чистыя и нескверныя, чуждыя слова гнилого и празднаго. И вотъ мы, братіе, возносимъ къ Господу новое моленіе, просимъ Его освятить слово наше, оградить уста отъ всего грѣховнаго: „Положи, Господи, храненіе устомъ моимъ и дверь огражденія во устнахъ моихъ“.

Такъ взываемъ мы, чувствуя, какъ ничтожны въ этомъ отношеніи наши собственныя силы, сознавая необходимость для христіанина „образа здравыхъ словесъ“ (2 Тим. I, 13), чуждыхъ зла и непотребства, необходимость воздержанія

*) Произнесено въ семинарскомъ храмѣ на литургіи преждеосвященныхъ Даровъ 7 апрѣля.

языка, этого малаго члена нашего, но много дѣлающаго злого и грѣховнаго (Іак. III, 5).

Грѣховно и нечисто, возлюбленные братіе, было все тѣло человѣческое послѣ грѣхопаденія. Но могучею силою Божіею, искупительными заслугами Спасителя нашего Господа Христа Іисуса,—Который, освятивъ Церковь и представивъ ее „не имущу скверны или порока, или нѣчто отъ таковыхъ“ (Еф. V, 27), освятилъ и насъ, членовъ Тѣла Своего,—освящено было и самое грѣховное тѣло наше,—содѣлано храмомъ Духа Святаго (I Кор. IV, 10).

Поэтому-то всѣ заботы, всѣ старанія христіанина относительно тѣла своего должны быть направлены къ тому, чтобы представить „тѣлеса свои жертву живу, святу, благоугодну Богу, (Рим. XII, 1), хранить безъ порока духъ, душу и тѣло въ пришествіе Господа нашего Христа Іисуса (I Тим. V, 23).

Однимъ изъ членовъ, одною изъ частей этого тѣла христіанскаго является, братіе, и языкъ нашъ. Онъ „небольшой членъ,—по словамъ апостола,—но много дѣлаетъ“ (Іак. III, 5). Будучи оскверненнымъ, онъ охватываетъ заразою оскверненія и все тѣло, дѣлаетъ скверными и нечистыми всѣ члены этой храмины Духа Святаго. Какъ быстро движущееся колесо можетъ и само загорѣться отъ тренія и спалить все, находящееся съ нимъ въ соприкосновеніи, такъ бываетъ и съ языкомъ нашимъ, если онъ сдѣлается, какъ говоритъ апостоль, собраніемъ и прикрасой неправды (Іак. III, 6). Потому-то и призываетъ насъ, братіе, апостоль: „ удержи языкъ свой отъ зла и уста твои отъ лукавыхъ рѣчей“ (I Петр. III, 10).

И дѣйствительно, незначительное слово можетъ вызвать уже многое, какъ показываетъ и обыденная жизнь, полная грѣха и беззаконія, лести и неправды. Но изъ всѣхъ грѣховъ, которые нашли себѣ прочное и надежное обиталище на языкѣ нашемъ, болѣе другихъ выдѣляется сквернословіе. Страшное и глубоко-прикорбное явленіе видимъ мы, возлюбленные братіе! Тотъ языкъ, который возноситъ хвалу Господу, произноситъ Его святое имя, принимаетъ Святія Животворящія Таіны, читаетъ слово Божіе, тотъ языкъ чрезъ какія-нибудь минуты произноситъ то, что тяжело и больно слышать истинному христіанину.

„Всяко слово гнило да не исходитъ изъ устъ вашихъ“ (Еф. IV, 29), „отложите срамословіе“ (Кол. III, 8), потому что всякое слово праздное, а тѣмъ болѣе слово грѣховное, услышано будетъ Вездѣсущимъ и Всевѣдущимъ Богомъ, записано будетъ на огромныхъ свиткахъ прегрѣшеній нашихъ, и за это слово дастъ каждый изъ насъ отвѣтъ въ день Страшнаго Суда Христова и воздаянія...

Какъ привычно, какъ постоянно сдѣлалось, однако, слово гнилое въ устахъ человѣка въ наше печальное для чистоты христіанства время. Какъ свободно и непринужденно слетаетъ оно и съ устъ многолѣтнихъ, убѣвленныхъ сѣдинами старцевъ, и съ лепечущаго языка еще полуневиннаго младенца! Но могучій голосъ сознанія человѣческаго, голосъ сердца и совѣсти, все упорно протестуетъ противъ этого явнаго поруганія чистоты тѣла нашего—храма Духа Святаго.

Грѣшны и повинны въ сквернословіи, можетъ быть, и мы, братіе возлюбленные, но обратимъ взоръ на душу нашу, на сердце, въ которомъ подъ толстою корою грѣха и грѣховнаго усыпленія все еще струится чистый источникъ совѣсти, этого немолкаемаго гласа Божія, вспомнимъ свѣтлые дни невиннаго дѣтства нашего, припомнимъ, какими скорбными струнами отозвалось сознаніе наше на первое услышанное или нами самими произнесенное слово гнилое. Развѣ не вспыхивало яркимъ румянцемъ стыда наше лицо, когда доносилось до слуха бранное, безстыдное слово, развѣ не звучалъ въ глубинѣ еще мало-загрязненнаго сердца нашего могучій звонъ колокола совѣсти, когда въ первый разъ произносилось это слово и нами? Какъ больно сжималось тогда сердце наше, какъ мучительно снѣдалъ наше сознаніе стыдъ и, кажется, хотѣлось скорѣе провалиться сквозь землю, чѣмъ поднять послѣ этого глаза на свѣтлый міръ Божій. Прошли года, и замолчалъ голосъ совѣсти. Но онъ время отъ времени просыпается, пробуждается тогда, когда вылетаетъ гнилое слово изъ устъ нашихъ предъ лицомъ невиннаго ребенка, предъ хрустальной чистотой сердца дѣвочки и женщины. Вспоминается тогда и бывшая чистота нашей души и невинное наше дѣтство, и опускаются нечистыя очи, замираетъ слово гнилое на устахъ говорящаго.

Обыденная жизнь наша тоже часто протестуетъ и воз-

стаетъ противъ нечистаго слова. Мы не посмѣемъ сказать его среди большаго собранія, въ присутствіи лицъ почтенныхъ и уважаемыхъ, мы никогда не допустимъ и едва-ли даже помыслимъ произнести бранное слово предъ лицомъ земного царя. И вотъ, при всемъ этомъ, мы, завѣряя всѣхъ и cadaго въ существованіи въ насъ горячей вѣры въ Бога, Творца и Промыслителя Нашего, не задумываемся чуть-ли не на каждомъ шагу произносить брань и нечистыя слова предъ Лицемъ Того, Кто все видитъ и слышитъ, отъ Кого не укроется ни одна мысль человѣческая, предъ Кѣмъ трепещутъ херувимы и серафимы, закрывая свои лица предъ сіяніемъ славы Божіей. Гдѣ же, въ такомъ случаѣ, наша вѣра, нашъ страхъ Божій и наши стыдъ и совѣсть?!

А между тѣмъ, вѣдь, сейчасъ грѣшенъ такъ предъ Богомъ весь нашъ русскій народъ, вся необъятная родина наша, полная храмовъ Божіихъ, называвшаяся святой Русью. Изъ какихъ-то отдаленныхъ, туманныхъ краевъ прилетѣла и пронеслась надъ ней темная и смрадная буря развратнаго, нечистаго, соблазнительнаго литературнаго направленія. Изъ какой-то смрадной глубины поднялись грязныя, мутныя, волны разнузданной проповѣди грѣха, разврата и сладострастія, и залили и печать, и литературу, и всю общественную жизнь, всѣ слои общества земли Русской. Словно ослабла и порвалась узда, сдерживающая до этихъ поръ всѣ разнузданныя инстинкты человѣка, словно прорвалась плотина, удерживавшая собою всѣ проявленія грѣховной человѣческой природы.

И раздались надъ святой Русью неслыханныя еще слова, полилась грязная, порочная пѣсня, зазвучали небывалыя рѣчи... Казалось, что общество захлебнется и утонетъ въ этомъ разнузданномъ ураганѣ гнилого слова.

Но, благодареніе Богу, проснулось уже здравое сознаніе въ средѣ еще не погибшаго духовно русскаго общества. Представители Святой Церкви, всегда стоявшей на стражѣ чистоты и нравственности, всегда ратовали противъ такого безумнаго злоупотребленія святѣйшимъ даромъ слова. Раздались затѣмъ, сначала робкіе, но потомъ все болѣе и болѣе, рѣшительные протесты и изъ слоевъ интеллигенціи. Многіе писатели, даже реалистическаго направленія, выступили уже словесно и печатно противъ этого могучаго царства гнилого

слова, и открываются уже глаза ослѣвленного общества, съ ужасомъ и омерзениемъ смотрятъ вслѣдъ промчавшейся бури. Укоряетъ и мучитъ ихъ совѣсть, протестуетъ нравственное чувство, возмущается сознание.

А изъ глубины вѣковъ, изъ тумана сѣдой древности первыхъ временъ христіанства съ молчаливымъ укоромъ смотрятъ на насъ строгіе, суровые очи великихъ подвижниковъ, святыхъ пустынниковъ, затворниковъ и молчальниковъ. Они не только удерживали „языкъ свой отъ зла и уста свои еже не глаголати лести“ (I Петр. III, 10), но затворяли совѣмъ свои уста на долгіе, долгіе годы, созерцая въ глубокомыслии неизреченныя милости и тайны Божіи. Такъ провели свою жизнь великіе отцы Оиванды: Антоній, Пахомій и Павелъ, такъ подвизался и нашъ отечественный угодникъ Божій, св. Серафимъ Саровскій.

И зоветъ насъ, возлюбленные братіе, слово Божіе, зоветъ еще неугасшая совѣсть, призываетъ общечеловѣческое сознание и молчаливый укоръ очей святыхъ молчальниковъ, зоветъ все это насъ къ слову доброму и чистому, чуждому грѣха и сквернословія. „Отложите“,—гремитъ надъ нами съ высоты амвона церковнаго апостоль, —отложите сквернословіе устъ вашихъ“ (Кол. III, 8), „сквернословіе и пустословіе... не прилично вамъ“ (Еф. V, 4), „никакое гнилое слово да не исходитъ изъ устъ вашихъ“ (Еф. IV, 29). Чѣмъ мы, братіе, отговоримся, оправдаемся предъ апостоломъ? Неразуміемъ-ли?..

Но слово Божіе и наука о душѣ человѣческой отвѣтятъ намъ, что источникомъ всего дурного служитъ наше же собственное сердце: „исходящее изъ устъ изъ сердца исходитъ, и сіе оскверняетъ человека (Мѣ. XV, 18). Поэтому и всѣ заботы наши о нравственной чистотѣ языка должны быть начаты съ заботы о сердцѣ: „сердце чисто созрижди во мнѣ Боже и духъ правъ обнови во утробѣ моей!“ (Пс. L, 7). Удалимъ изъ него всѣ нечистыя и грѣховныя мысли, удалятся тогда съ языка нашего и „слова лукавствія“. Вспомнимъ далѣе, зачѣмъ даны намъ уста, къ какому служенію предназначенъ языкъ нашъ. Даръ Божій, онъ данъ намъ, какъ отличіе отъ всѣхъ безсловесныхъ животныхъ, данъ для того, чтобы мы хвалили и славили Творца и Благодѣтеля нашего, выражали наши благодаренія и молитвы,

сообщали другъ другу наши мысли для взаимнаго назиданія и споспѣшествованія, къ благополучію нашему, паче же „къ созиданію вѣры“ (Еф. IV, 29). Есть богатая пища языку нашему, для всѣхъ и каждаго открытый благодатный источникъ, это слово Божіе. „Живо и дѣйственно оно, по слову апостола,—„и острѣ всякаго меча обоюдоостраго: оно проникаетъ до раздѣленія души и духа, составовъ и мозговъ, и судитъ помышленія и намѣренія сердечныя“. (Евр. IV, 12). Пусть же оно, вмѣстѣ съ дивными, умилительными словами покаянныхъ, просительныхъ, благодарственныхъ и хвалебныхъ молитвъ и пѣснопѣній Святой Церкви нашей, будетъ постоянно на языкѣ христіанина, и тогда уже не окажется мѣста слову нашему, слову грѣховному и нечистому.

И не будетъ тогда такихъ словъ на свиткахъ и хартіяхъ прегрѣшеній нашихъ, не прійдется отвѣчать намъ за нихъ въ день Страшнаго Суда Христова, когда люди „отъ словесъ своихъ и оправдаются и отъ словесъ своихъ осудятся“.

Но немощны, братіе возлюбленные, силы наши, слаба воля, сильно искушеніе. Трудно удержать намъ языкъ свой, но вся надежда наша на Господа...

И среди умилительныхъ пѣснопѣній литургіи преждеосвященныхъ Даровъ воззовемъ, братіе, къ Всемогущему и Всещедрому Богу:

„Положи, Господи, храненіе устомъ нашимъ и дверь огражденія во устнахъ нашихъ“, „да исправится молитва“ наша „яко кадило предъ тобою“! Аминь.

Воспитанникъ VI класса Х. Д. Семинаріи

Николай Церковничій.

МИССИОНЕРСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Собесѣдованіе съ сектантами въ сл. Ободахъ, Сумскаго уѣзда.

Баптизмъ въ сл. Ободахъ, Сумскаго уѣзда, появился въ концѣ 1908 года, и здѣсь нашелъ онъ для себя настолько благоприятную почву, что за короткое время очень развился,

и въ настоящее время число баптистовъ въ сл. Ободахъ доходить до ста человѣкъ. Основателями и первыми пропагандистами баптизма здѣсь были крестьяне Григорій Андрюховъ, Герасимъ Андрюховъ, по профессіи портной (въ данное время проживаетъ онъ въ г. Конотопѣ, часто наѣзжаетъ въ сл. Ободы для пропаганды), Косьма Шевченко съ шестью взрослыми сыновьями и др. Въ настоящее время послѣдователи баптизма преимущественно люди молодые, въ возрастѣ отъ 20 до 30 лѣтъ, народъ рьяный и ревностный, какъ говорятъ, не по разуму. Епархіальной миссіей обращено на сл. Ободы особое вниманіе, и миссіонеры часто пріѣзжали сюда для собесѣдованій, чѣмъ успѣли остановить дальнѣйшее развитіе баптизма; и хотя ободянскіе баптисты усиленно занимаются пропагандой, но на мѣстѣ успѣха уже не имѣютъ. Съ цѣлью пропаганды и для общенія съ сектантами разъѣзжаютъ они по уѣздамъ Сумскому, Конотопскому и Львовскому, продаютъ и бесплатно раздаютъ свои брошюры въ родѣ: „Грѣхи противъ тѣла“—Я. Фетлера, „Пробужденіе Сихора“—С. Гордона, „Адъ“—Р. Торрея, „Потрясающій вопросъ“—его-же, „Путь, увѣренность и радость спасенія“—В. Ф., и др. За пропаганду баптизма въ сл. Шептуховкѣ, Львовскаго уѣзда, Ободяне, въ этомъ уже году, были арестованы и водворены на мѣсто своего жительства. Вотъ вкратцѣ исторія баптизма въ сл. Ободахъ Сумскаго уѣзда.

Для собесѣдованія съ сектантами пріѣзжалъ сюда 6 марта н. г. помощникъ миссіонера, священникъ Феодоръ Сулима. О пріѣздѣ его тотчасъ же узнали и православные и сектанты и вечеромъ того же дня пришли къ нему нѣсколько человѣкъ ревнителей православія, съ которыми онъ бесѣдовалъ о разныхъ предметахъ вѣры съ 7 часовъ вечера до 12 ночи. Съ жадностію слушали они миссіонера, дѣлали помѣтки въ своихъ библіяхъ и просили разъяснить нѣкоторыя непонятныя имъ мѣста Св. Писанія. На 7 марта назначено было публичное собесѣдованіе. Въ назначенное время во храмѣ собралось около 700 человѣкъ, явились и всѣ сектанты съ намѣреніемъ или собесѣдовать, или въ случаѣ крайности „сорвать“ собесѣдованіе, но послѣднее имъ не удалось.

Собесѣдованіе было предложено о святости Церкви

Христовой. Предъ собесѣдованіемъ миссіонеръ пригласилъ всѣхъ помолиться Господу Богу о томъ, чтобы Онъ далъ силы и разумъ священнослужителямъ правильно преподать Слово истины, а паствѣ воспринять его умомъ и сердцемъ. Пропѣли молитвы Духу Святому и за Царя и отечество.

Съ возраженіями со стороны баптистовъ выступили Маркъ Ивановъ Любичъ, Д. Говорунъ, П. Шевченко и Г. Андруховъ, всѣ остальные баптисты разсѣялись въ разныхъ мѣстахъ храма, очевидно, для удобства „сорвать“ бесѣду. Послѣ молитвы М. Любичъ вступилъ съ миссіонеромъ въ переговоры о томъ, поскольку времени каждому собесѣднику говорить, можно ли вступать въ собесѣдованіе каждому желающему, требовалъ, чтобы православные не мѣшали сектантамъ говорить и чтобы самъ М. Любичъ, Говорунъ и Андруховъ стали на солен, рядомъ съ миссіонеромъ. Порѣшили: говорить каждому собесѣднику по десяти минутъ, никому въ собесѣдованіе не вмѣшиваться, стоять на солен сектантамъ миссіонеръ не разрѣшилъ, какъ лицамъ не только не посвященнымъ, но и отступникамъ отъ православной вѣры; заключительное слово должно принадлежать миссіонеру. Кромѣ этого миссіонеръ добавилъ, что въ основѣ собесѣдованія должна быть любовь и что если сектанты проявятъ намѣреніе произвести безпорядокъ, то собесѣдникъ ихъ теряетъ право говорить и всѣ должны будутъ стоять и слушать миссіонера. Послѣ договора М. Л. сказалъ: „а теперь я приглашаю всѣхъ помолиться Богу, такъ какъ никто еще не молился, а только пропѣли что-то непонятное, а вотъ мы покажемъ, какъ пужно молиться“. Въ этомъ миссіонеръ сектантамъ тоже отказалъ и спросилъ православныхъ: „вы молились?“ „Молились,“ отвѣтили всѣ. О чемъ?— „Чтобы Господъ послалъ намъ Духа Святаго воспринять ученіе нашей святой Церкви“. Послѣ этого, за отказъ помолиться, сектанты совершенно отказались вступать въ собесѣдованіе, но остались во храмѣ, и миссіонеръ началъ бесѣду съ православными.

Давъ опредѣленіе Церкви Христовой, миссіонеръ выяснилъ слушателямъ, что Церковь Христова свята, чиста и непорочна (Левр. 20, 26; Римл. 1, 2; 2 Корѣ. 12, 9; Дѣян. 1, 8; 1 Тимѣ. 2, 20 и пр.), а по сему-то Ап. Петръ внушаетъ намъ

пребывать въ добродѣтеляхъ (2 Петра 1, 3—11), и никакіе пороки не должны даже именоваться между христіанами (Ефес. 5, 3—5 и 30). Дальше миссіонеръ указалъ на то, какъ велико различіе между тѣмъ, каковыми мы должны быть и каковы мы на самомъ дѣлѣ (Еккл. 7, 20; Псл. 13, 3; 52, 4). Послѣ этого предложилъ такой вопросъ: куда же намъ причислить согрѣшающихъ людей? есть ли для нихъ мѣсто въ Церкви Христовой? „Скверняютъ“ ли они святость Церкви? Предложивъ эти вопросы, миссіонеръ выяснилъ, что для согрѣшающихъ возможно покаяніе (Іерм. 8, 4; Іезк. 18, 23; Притч. Солом. 24, 16; Іоан. 8, 4—6; Мѡ. 18, 22; Лук. 11, 4; 2 Петра 3, 9), и что Самъ Христосъ пришелъ въ міръ не для праведниковъ, но для грѣшниковъ (Мѡ. 9, 13; Тим. 1, 15); слѣдовательно, люди согрѣшающіе къ Церкви Христовой принадлежатъ и будутъ принадлежать къ ней до второго пришествія, до жатвы (Мѡ. 13, 24—30; 25, 33; Ефес. 5, 30). На этомъ мѣстѣ М. Любичъ остановилъ миссіонера и спросилъ: „можно ли говорить“ и ему. Получивъ разрѣшеніе, М. Л. началъ обличать православныхъ во грѣхахъ и нераскаянности, въ томъ, что Православная Церковь не обличаетъ грѣшниковъ, и затѣмъ сталъ укорять миссіонера въ томъ, что онъ всѣмъ грѣшникамъ даетъ мѣсто въ Церкви Христовой, когда Слово Божіе повелѣваетъ извергать таковыхъ (1 Корѡ. 5, 1—13; Мѡ. 18, 15—17), такъ какъ Церковь не должна имѣть ни пятна, ни порока (Ефес. 5, 27). Послѣ этого М. Л. настоятельно сталъ требовать разъясненія приведеннымъ мѣстамъ Св. Писанія и спрашивалъ, какъ исполняетъ Православная Церковь повелѣніе Господне: „повѣдай Церкви?“ Миссіонеръ началъ свое возраженіе такъ: „Господь говоритъ: Мои мысли—не ваши мысли, не ваши пути—пути Мои (Ис. 55, 8—9);—не я причислилъ немощныхъ людей къ Церкви Христовой, а самъ Христосъ Спаситель, какъ уже и сказано и доказано“ (Мѡ. 13, 24—30; 25, 33; 2 Тимѡ. 2, 20). Дальше миссіонеръ выяснилъ, что „развращенныхъ“ Православная Церковь извергаетъ (Евр. 10, 29) и указалъ примѣры, да и сами они отдѣляются отъ нея (Галт. 1, 8—9), а согрѣшающіе по немощи своей—сами раскаиваются и исповѣдуютъ свои грѣхи; объ изверженіи самаго тяжкаго грѣшника говорится и въ 1 пос. Корѡ. 5 главѣ, а всѣмъ вообще внушается покаяніе (2 Корѡ. 7, 9; Іак. 4, 8; Откр. 3, 3), Самъ

Господь принимаетъ кающихся грѣшниковъ (Лук. 15, 1—32), ради грѣшниковъ Господь создалъ и Церковь и возлюбилъ ее и предалъ Себя за нее (Ефес. 5, 25—27), согрѣшающіе люди не „оскверняютъ“ святости Церкви Христовой (Іоан. 1, 5). Правда, пока мы въ тѣлѣ, мы какъ бы устранены отъ Господа (2 Кор. 5, 6; 1 Кор. 13, 12; Евр. 12, 22—25), но это не означаетъ того, что мы не принадлежимъ къ Церкви Христовой, ибо въ противномъ случаѣ явится противорѣчіе въ Словѣ Божіемъ. Здѣсь сектанты вновь остановили миссіонера и заявили, что уже прошло болѣе 10 минутъ, условленныхъ для рѣчи каждому собесѣднику. На это миссіонеръ отвѣтилъ сектантамъ, что они отъ собесѣдованія отказались и, слѣдовательно, всѣ условія потеряли свое значеніе и что теперь полнымъ распорядителемъ собесѣдованія является только онъ; и затѣмъ продолжалъ: Апостолы неоднократно внушаютъ намъ, что только тогда мы наслѣдуемъ царство Божіе т. е. небесное, когда пребудемъ тверды и непоколебимы въ вѣрѣ до конца (Евр. 3, 12—14), но и это не означаетъ, что грѣшники не принадлежатъ къ Церкви Христовой. Послѣ этого миссіонеръ вновь спросилъ сектантовъ: „когда вся Церковь Христова состояла изъ однихъ непорочныхъ? и согрѣшающіе люди „скверняютъ ли ее? и кто изъ васъ можетъ похвалиться своею чистотою, святостію и непорочностію?“ Въмѣсто отвѣта М. Л. началъ говорить, что у православныхъ исповѣдь совершается не по заповѣди апостольской (Іак. 5, 16)... есть грѣхи къ смерти и есть грѣхи не къ смерти (1 Іоан. 5, 16), а у православныхъ всѣ тяжко согрѣшаютъ, и миссіонеръ причисляетъ ихъ къ Церкви и не объяснилъ намъ, какъ совершается изверженіе развращенныхъ отъ Церкви, „это, очевидно, для него колючій вопросъ“, да у васъ, православные, этого нѣтъ, у васъ къ Церкви всѣхъ присоединяютъ, а отъ Христа удаляютъ; дайте намъ разъясненіе этого?!“ Миссіонеръ кратко повторилъ уже сказанное, указавъ и на чинъ отлученія отъ Церкви въ недѣлю православія, далъ должное разъясненіе пос. Іаков. 5 г. 16 ст., что у насъ исполняется говѣющими предъ св. причащеніемъ, когда они испрашиваютъ другъ у друга прощенія. И послѣ этого спросилъ у православныхъ: поняли ли они притчу о плеведахъ, — о томъ, кого повелѣлъ Апостоль извергнуть, что повелѣваютъ Апостолы согрѣшающимъ, бываетъ-ли у насъ извер-

женіе развращенныхъ? Православные отвѣтили: мы все это поняли, вы даете отвѣты на все, пусть же и они дадутъ вамъ отвѣтъ на вашъ вопросъ“.

Въ это время одинъ изъ сектантовъ изъ толпы народа громко сказалъ: „братіе, молитесь душевно“. А М. Л. вмѣсто отвѣта началъ говорить, что для спасенія необходимо читать Слово Божіе, что Господь училъ просто, ясно и для всѣхъ понятно, а не мудрствовалъ, какъ миссіонеръ, читайте Слово Божіе и оно вразумитъ васъ... Но такъ какъ М. Л. началъ уклоняться отъ положительнаго отвѣта, то миссіонеръ остановилъ его, не оставивъ безъ разъясненія сказаннаго имъ (Лук. 24, 45; Мѡ. 13, 10—11; Марка 4, 11—13 и 34), и затѣмъ далъ отвѣтъ на свой вопросъ: „ни одинъ истинный христіанинъ не можетъ похвалиться своею святостію, даже св. Апостолы жаловались на немощи свои, не всѣ члены Церкви Христовой, даже временъ апостольскихъ, сохранили полную чистоту и святость (Дѣян. 6, 1)“. М. Л. возражалъ: „вамъ отецъ говоритъ, что члены Церкви Христовой всегда согрѣшали, а указываетъ такой примѣръ, изъ коего видно, что во времена Апостоловъ Церковь была свята, „немножко только люди согрѣшали, притѣсняли вдовъ“, а у васъ и пьяницы, и блудники, и развратники, и убійцы, и всѣхъ ихъ миссіонеръ причисляетъ къ Церкви“. Миссіонеръ продолжилъ указанія на состояніе церквей Римской, Коринтской Галатійской и др., изъ коего видно, что во всѣхъ нихъ были согрѣшающіе (Римл. 1,7; 1 Кор. 1,2 и 11; 5, 4—5; Галт. 1, 6; 3,1; 2, 4; Ефес. 1, 1; Откр. 2, 3 и пр.). Несмотря на то, эти церкви апостолы называютъ святыми (Ефес. 1,1 срв. Откр. 2,3).

Церковь свята потому: а) что святъ Господь Богъ нашъ (Левт. 20, 26; Іоан. 8, 46), въ Немъ и мы содѣлываемся праведными (2 Кор. 5, 21), б) свято Его ученіе (Римл. 1, 2), в) свята благодать, пребывающая въ церкви (2 Кор. 12, 9; 1 Кор. 15, 10), г) святы таинства (1 Кор. 4, 1; Мѡ. 3, 11; Дѣян. 1, 8), д) и сами вѣрующіе освящаются отъ Духа Святаго (1 Тимѡ. 1, 2), ибо и призваны мы къ святости (Римл. 1, 7; Евр. 2, 11; Ефес. 2, 19—21). Поэтому то Апостоль Петръ и называетъ христіанъ родомъ избраннымъ, царскимъ священствомъ, народомъ святымъ (1 Петра 2, 9). М. Л., не ожидая конца бесѣды, спрашиваетъ: „вы намъ больше не позволите

говорить?“ „Да, нѣтъ“, отвѣтилъ миссіонеръ, и всѣ сектанты демонстративно и съ шумомъ выходятъ изъ храма. Миссіонеръ обратилъ вниманіе православныхъ на гордость, самонадѣянность и невѣжество сектантовъ, не пожелавшихъ дослушать бесѣды.

Въ заключеніе миссіонеръ кратко повторилъ содержаніе бесѣды, преподалъ должное наставленіе православнымъ, и послѣ молитвы съ миромъ разошлись всѣ по домамъ своимъ.

Помощникъ Епархіальнаго миссіонера,
Священникъ Θεодоръ Сумма.

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Прощаніе духовенства Харьковской епархіи съ митрофорнымъ протоіереемъ Т. И. Буткевичемъ, по случаю вторичнаго избранія его членомъ Государственнаго Совѣта и отъѣзда на постоянное жительство въ С.-Петербургъ.

(Продолженіе *).

О. Тимоеей отвѣтилъ о. Давіилу, а въ лицѣ его и всему Харьковскому духовенству, слѣдующею рѣчью, въ которой каждое слово дышало неподдѣльной грустью оставляющаго навсегда родную епархію, каждая фраза говорила объ искренней любви о. Тимоеея къ маститому Харьковскому Архипастырю и родному Харьковскому духовенству; ясно было, что рѣшенію о. Тимоеея покинуть родное гнѣздо предшествовала тяжелая внутренняя борьба.

„Ваше Высокопреосвященство, Ваше Преосвященство, достопочтеннѣйшіе отцы и братія“!—началь о. Тимоеей сильнымъ, но дрогнувшимъ голосомъ— „Какой смыслъ имѣетъ настоящій торжественный обѣдъ? По моему разумнію, когда отъѣзжающаго чествуютъ обѣдомъ близкіе ему люди, то этимъ они хотятъ нѣсколько облегчить угнетающую его тягость разлуки съ ними. Да, я, дѣйствительно, сильно нуждаюсь въ такомъ облегченіи. Мнѣ нѣтъ нужды скрывать, какъ тяжело мнѣ оставлять Харьковъ. Здѣсь я пользовался истинно-отеческимъ рас-

*) См. ж. „В. и Р.“, от. Извѣстій и Замятокъ № 6 за 1910 г.

положеніемъ и нѣжною любовію нашего мудраго, опытнаго и безмѣрно благостнаго Архипастыря. Объ этомъ знаютъ далеко за предѣлами нашей епархіи. Да и какъ не знать этого? Достаточно сказать только, что въ пять лѣтъ его святительства на харьковской кафедрѣ онъ удостоилъ меня трехъ такихъ рѣдкихъ наградъ, какихъ въ другихъ епархіяхъ болѣе меня трудящіеся священники не получаютъ въ 15—20 лѣтъ, а вѣрнѣе сказать—и во всю свою жизнь. Но вамъ неизвѣстны тѣ келейныя расположенія нашего любвеобильнаго Архипастыря ко мнѣ, которыми я пользовался не только здѣсь, въ Харьковѣ, но и въ Петербургѣ во время присутствованія Владыки въ Св. Синодѣ и когда я работалъ въ Предсоборномъ Присутствіи. Дороги были для меня мудрость и опытность нашего Святителя: вѣдь я шагу не дѣлалъ безъ его совѣта, наставленія и указанія. Земнымъ поклономъ благодарю Васъ, высокопреосвященнѣйшій Владыко, за все то добро, которое Вы для меня дѣлали и дѣлаете!

Благодарю и васъ, Ваше Преосвященство. Немного времени пришлось мнѣ работать подъ Вашимъ руководствомъ. Но и за это время Вы дарили меня только благорасположеніемъ. Думаю, что Вы не измѣнили бы его, если бы Господу угодно было и продлить мое служеніе.

Жгучею грустью сжимается мое сердце отъ мысли, что я долженъ оставить страну, взростившую, вскормившую, взлелѣявшую и воспитавшую меня своими чудными пѣснями, своими задушевными думами, своимъ славнымъ прошедшимъ и своимъ скорбнымъ настоящимъ. О, прости меня моя милая, моя дорогая родина, моя славная Малороссія, что я оставляю тебя! Лѣта моей начавшейся старости да будутъ тебѣ порукою, что я нигдѣ и никогда не перестану быть твоимъ сыномъ и не забуду тебя,—и если, по прошествіи девяти лѣтъ, мнѣ не суждено будетъ возвратиться къ тебѣ живымъ, на покой, чтобы прожить свои послѣдніе дни среди твоихъ вишневыхъ садовъ, то завѣтнымъ желаніемъ моимъ будетъ,—чтобы кости мои были положены въ твою сырую землю рядомъ въ костыми моихъ предковъ...

Прости меня и ты, честное и благородное духовенство харьковской епархіи! Если не безъ скорби раставались съ тобою твои славные и знаменитые Архипастыри, если знаменитый витія русской Церкви, незабвенный Иннокентій писалъ своему петербургскому другу—Сербиновичу, что „три дня его пребыванія въ Харьковѣ“, по пути изъ Петербурга на новую кафедру Херсонскую, „были днями скорби и слезъ“; если о тяжести разлуки съ тобою писалъ изъ Вильны

въ своемъ прощальномъ посланіи твой бывшій Архипастырь, знаменитый ученый богословъ—историкъ Макарій; если со скорбію разставались съ тобою преосвященные Савва и Іустинъ; то какъ же не скорбѣть при разлукѣ съ тобою мнѣ, 32 года стоявшему въ твоихъ рядахъ, жившему одною съ тобою жизнію, одушевлявшемуся однимъ съ тобою идеалами, надеждами и чаяніями. Я счастливъ, имѣя возможность засвидѣтельствовать торжественно, что и здравствующій Святитель нашъ имѣетъ о тебѣ доброе мнѣніе, которое онъ высказалъ однажды въ бесѣдѣ съ своимъ бывшимъ викаріемъ, нынѣ полтавскимъ епископомъ Іоанномъ, поставивъ тебя даже выше духовенства Казанской епархіи. Что касается меня, то я позналъ тебя съ дѣтства. Знаю твою благопокорливость своимъ Архипастырямъ, знаю твое трудолюбіе и твое честное и усердное отношеніе къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ. Вотъ почему, несмотря на всю трудность миссіонерскаго служенія, я безъ страха готовъ былъ посвятить себя ему. И я не ошибся. Когда сегодня о.о. благочинные въ своихъ адресахъ отмѣчали и даже не по заслугамъ восхваляли мою миссіонерскую дѣятельность, мнѣ невольно пришло на умъ слѣдующее сравненіе. Чтобы согрѣть комнату и обогрѣть живущихъ въ ней, кромѣ печи необходимы дрова и спичка. Прекрасныя сухія березовыя дрова—это приходскіе пастыри; вѣря искренности о.о. благочинныхъ, я былъ, какъ миссіонеръ, лишь спичкою. Но что сама по себѣ значить эта спичка? Даже сгорѣвъ до тла, она одна никого не согрѣетъ. Не самообольщаюсь: плоды миссіи сказываются. Гордое и заносчивое сектантство стало снова прятаться въ свое подполье. Раньше пропагандисты сектантства торжественно, съ своими хорами, разъѣзжали по селамъ и нахально требовали приходскихъ священниковъ являться на состязаніе. Нынѣ мы не можемъ упросить ихъ посѣщать наши миссіонерскія собесѣдованія. Недавно я зашелъ въ штундо-баптистическую молельню на Старо-Московской улицѣ; раньше въ ней бывали сотни посѣтителей; не помѣщавшаяся въ ней толпа стояла на улицѣ; а теперь я засталъ въ ней лишь шесть мужичковъ, да восемь бабъ. Но успѣхи эти достигнуты не миссіонерами только: честь духовенству, которое ревностно взялось за святое дѣло.—Тяжело мнѣ раставаться съ духовенствомъ харьковской епархіи и потому, что оно чрезвычайно щедро дарило меня своимъ довѣріемъ и своею любовію. Не буду касаться всѣхъ многочисленныхъ частныхъ; для этого потребовалось бы много времени. Буду кратокъ. Свое довѣріе ко мнѣ оно доказало всему русскому народу и русскому правительству уже двухкратнымъ, почти единогласнымъ, избраніемъ

меня въ члены Государственнаго Совѣта,—и какъ бы я былъ счастливъ, если бы Господь помогъ мнѣ оправдать его!.. Его любовь ко мнѣ есть истинная причина того, что, уѣзжая изъ Харькова, я оставляю только друзей и не имѣю ни одного врага. Яства на этомъ обѣдѣ чрезвычайно вкусны; но—не оттого, что они дорого оплачены и изысканны, а оттого что они растворены любовію дорогого моему сердцу духовенства.

Да здравствуетъ же славный Святитель церкви Харьковской высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Арсеній! Да здравствуетъ преосвященнѣйшій Василій, Викарій Харьковскій! Да здравствуетъ честное, благородное и трудолюбивое духовенство Харьковской епархіи“!

Рѣчь о. Тимоеея произвела на всѣхъ глубокое впечатлѣніе. Послѣ „многолѣтія“ въ залѣ водворилась тишина..., черезъ нѣсколько минутъ прерванная Преосвященнымъ епископомъ Васиіемъ, который произнесъ тостъ за здоровье супруги о. Тимоеея Антонины Порфирьевны, всѣхъ его дѣтей и родственниковъ. „Антонина Порфирьевна“, говорилъ Владыка,—„первая помощница о. Тимоеея, хранительница его и въ то же время, какъ любящая жена и мать,—страдалица; не мало тревогъ и волненій перенесла она во время такъ наз. освободительнаго движенія, когда о. Тимоеею, какъ искреннему и прямому патриотическому дѣятелю и борцу угрожала даже смерть; Антонина Порфирьевна знала опасности, которымъ подвергалъ себя о. Тимоеей, знала смыслъ и значеніе того великаго дѣла, которому онъ отдался, раздѣляя всецѣло его взгляды и убѣжденія... Знала все это, и ея доброе женское сердце болѣло, она страдала, не имѣя силъ ни предотвратить этихъ опасностей, ни направить волну русской смуты въ русло, которымъ смѣло шель ея супругъ... Любящая и любимая семья, горячая молитва и непоколебимая вѣра въ правое, святое дѣло, которому съ такимъ самоотверженіемъ служилъ о. Тимоеей, окрыляли духъ Антонины Порфирьевны и давали ей силы для перенесенія тяжелыхъ испытаній“... Окончилъ Владыка Василій свой тостъ пожеланіемъ Антонинѣ Порфирьевнѣ, дѣтямъ и роднымъ о. Тимоеея долгой жизни въ добромъ здоровьи и благополучіи. Задушевный тостъ Преосвященнаго Васиіа былъ принятъ всѣми съ искреннимъ, нескрываемымъ удовольствіемъ, такъ какъ супруга о. Тимоеея своими истинно—христіанскими добродѣтелями, которыя у всѣхъ на виду, и своимъ сердечнымъ, благожелательнымъ отношеніемъ къ соработникамъ о. Тимоеея, друзьямъ, знакомымъ и многочисленнымъ ежедневнымъ посѣтителямъ и просителямъ оставляетъ въ сердцахъ Харьковскаго духовенства неизгладимыя о себѣ воспоми-

нанія, какъ воплощенная доброта, какъ образцовая жена священника и мать многочисленнаго семейства, какъ радушная, сердечная хозяйка дома и умныя собесѣдница.

Присутствовавшій на обѣдѣ старшій сынъ о. Тимоѳея—Сергій Тимоѳеевичъ, студентъ мѣстнаго университета, отъ избытка наполнявшихъ его сыновнее сердце благородныхъ чувствъ обратился съ слѣдующею прочувствованною рѣчью—благодарностью къ Владыкамъ и всему многочисленному сонму присутствовавшихъ:

„Ваше Высокопреосвященство, Ваше Преосвященство, Дistinguishedнѣйшіе отцы и Милостивые Государи!

Я счастливъ тѣмъ, что присутствую на этомъ торжественномъ и высокомъ по своимъ мотивамъ обѣдѣ. Я рѣшаюсь по мѣрѣ своихъ силъ выразить тѣ чувства, которыя наполняютъ мою душу въ настоящее время.

Прежде всего, позвольте Вамъ, Ваше Высокопреосвященство, отъ лица фамиліи Буткевича выразить самую глубокую и сердечную благодарность за все то доброе, которое Вы сдѣлали по отношенію къ папѣ, а косвенно и всѣмъ намъ членамъ его семьи.

За тѣмъ я обращаюсь къ Вамъ, Дistinguishedнѣйшіе Отцы, и ко всѣмъ здѣсь собравшимся для чествованія моего отца, чтобы выразить вамъ нашу семейную благодарность за то расположеніе и сердечность, которыя Вы постоянно оказывали нашему отцу.

Въ лицѣ васъ папа всегда видѣлъ людей, преданныхъ долгу службы, всегда готовыхъ самоотверженно и безпредѣльно работать на пользу Св. Церкви. Съ такими чувствами папа всегда возвращался со всѣхъ миссіонерскихъ и другихъ собраній духовенства; и это побуждало его еще съ большей энергіей и самопожертвованіемъ служить родной ему Харьковской епархіи.

Я знаю, какъ папѣ тяжело разставаться съ Вами,—но теперь я вижу, что и Вы, такъ сердечно провожая отца, чувствуете, что провожаете своего,—провожаете человѣка, для котораго Ваши интересы одинаково близки его собственнымъ интересамъ. Здѣсь я вижу, что благородная работа, честный трудъ вознаграждаются не только жалованьемъ, но и получаютъ высшую награду—признаніе того общества, на благо котораго отецъ трудился болѣе четверти вѣка.

Я счастливъ, повторяю, еще и потому, что я могу рассказать, какъ очевидецъ, о настоящемъ торжествѣ и его причинахъ въ назиданіе своимъ младшимъ братьямъ. Я твердо вѣрю, что все то, что здѣсь видѣлъ и слышалъ будетъ гордостью нашего рода, будетъ неизгладимымъ, пріятнѣйшимъ эпизодомъ изъ жизни моего отца—

это съ одной стороны,—а съ другой послужить намъ идеаломъ того, къ чему каждый изъ насъ долженъ и будетъ стремиться.

Я заключаю сказанное пожеланіемъ Вамъ, Ваше Высокопреосвященство, Вамъ, Ваше Преосвященство, Вамъ, достопочтеннѣйшіе отцы и милостивые государи, многихъ лѣтъ“.

Священникъ Маркіанъ Федоровскій.

(Окончаніе будетъ)

Н Е К Р О Л О Г Ъ.

27 февраля сего года въ слободѣ Масловкѣ, Зміевскаго уѣзда, скончался престарѣлый 66-лѣтній священникъ Михайль Діомидовичъ Краснокутскій. Почившій—сынъ псаломщика, родился въ селѣ Солдатскомъ, Богодуховскаго уѣзда, обучался въ Харьковской Духовной Семинаріи, которую и окончилъ въ 1867 году. Вся жизнь этого пастыря церкви была жизнь безвѣстнаго труженика, бѣднаго человѣка, скромнаго работника—и на Нивѣ Христовой, и въ дому своемъ. Въ малыхъ лѣтахъ, оставшись сиротой, онъ тянулъ неприглядную долю сиротскую—и въ семействѣ своей матери, у которой, кромѣ него, было еще 6 человѣкъ дѣтей,—и въ училищѣ, гдѣ въ нуждѣ и бѣдности выносилъ терпѣливо свое сиротство, все усиліе прилагая къ занятіямъ наукой.—Но и потомъ, окончивъ курсъ въ Семинаріи, принявъ священническій санъ, онъ провелъ жизнь свою въ глуши, въ мѣстахъ, удаленныхъ и отъ центровъ просвѣщенія и отъ сосредоточія жизни общественной, гдѣ радостью и утѣшеніемъ ему только и служили: бесѣды съ пасомыми, школьныя занятія съ дѣтьми и отдыхъ въ кругу близкихъ своихъ,—въ своемъ семействѣ. Какую пищу развитому человѣку могутъ дать такіе уголки нашей родины, какъ сл. Молодовая, Волчанскаго уѣзда, въ которой почившій прослужилъ семнадцать лѣтъ и гдѣ онъ почти былъ забытъ и товарищами своими, и родственниками, и даже начальствомъ, которое только въ 1896 году, послѣ двадцати восьми-лѣтней службы его въ священномъ санѣ, за усердную службу его наградило бархатной скуфьею. И никакого-то онъ не упрекалъ, ни на что не сѣтовалъ—сей скромный деревенскій труженикъ, ничего онъ не искалъ, довольствуясь сознаніемъ твердо исполняемаго долга, а тутъ и старость незамѣтно подкралась. Когда онъ еще думалъ пожить при измѣнившихся, наконецъ—лучшихъ условіяхъ, ибо за годъ предъ кончиной получилъ лучшее мѣсто въ слоб. Масловкѣ, вблизи г. Чугуева, на берегу Донца,—думалъ порадоваться на семейство свое, которое онъ воспи-

таль и поставилъ на твердыя ноги (два сына у него—священники, одинъ только окончилъ курсъ Семинаріи, дочь замужемъ за священникомъ и только одинъ былъ псаломщикомъ, пользуясь постоянной поддержкой своего отца), и тутъ-то, вмѣсто отдыха и радостей земной жизни, получилъ онъ успокоеніе въ жизни вѣчной—небесной, гдѣ Господь его скромнаго, безвѣстнаго труженика да приметъ въ обители Своя.—Солнечный ясный день 1-го марта (день погребенія Отца Михаила), присутствіе на погребеніи его двухъ благочинныхъ, пяти священниковъ и четырехъ діаконовъ, торжественное стройное пѣніе, глубоко прочувствованная рѣчь священника слоб. Гракова о. Елисея Попова,—все соединилось, чтобы хотя по смерти воздать должный почетъ, заслуженную дань уваженія сему скромному работнику на нивѣ Христовой.

Миръ праху твоему, честный труженикъ! Вѣчная память тебѣ, дорогой отецъ!

Свящ. В. Мужинъ.

Иноепархіальный отдѣлъ.

Архипастырское посланіе къ паствѣ Казанской.

Господь нашъ Іисусъ Христосъ чистое и святое ученіе Свое сообщилъ ученикамъ Своимъ непосредственно чрезъ живую передачу (преданіе). Такъ же поступали и Святые Апостолы. И они болѣе учили чрезъ устную передачу (преданіе) ученія Христова. Только немногіе изъ двѣнадцати первыхъ и семидесяти другихъ Апостоловъ изложили ученіе Христово письменно (въ Евангеліяхъ и Посланіяхъ). Посему и преемники Апостоловъ болѣе держались преданія, почитая и писанія апостольскія. И однако, несмотря на эту двойственность и, такъ сказать, полноту источниковъ наученія истинной вѣрѣ, всегда были еретики, раскольники и сектанты, которые своевременно были обличаемы. Эти лжеучители и совопросники старались исказить даже ученіе Христово предъ лицомъ Его Самого. Всѣ вы, вѣроятно, слышали, какъ они лукаво вопрошали Его: „достоинъ ли дати дань царю-кесарю?“ Онъ же отвѣтилъ имъ: „покажите мнѣ златницу кинсонную!“ Они принесли Ему пѣнязь. Тогда Онъ сказалъ: „чей образъ здѣсь написанъ?“ „Кесаревъ!“ „Воздадите же кесарево кесареву, а Божіе Богови“.

Подобно сему обличали злословесниковъ и еретиковъ Святые Апостолы и ихъ преемники. И вѣра Христова въ тайнѣ великой сохранялась множествомъ христіанъ въ полной чистотѣ и святой неповрежденности, несмотря на всѣ гоненія на христіанъ: отъ іудеевъ и язычниковъ.

Въ 313-мъ году по Рождествѣ Христовомъ вѣра христіанская волею благочестиваго Императора Константина равноапостольнаго объявлена была свободною. И вотъ еретикъ Аріій свободно выступилъ на проповѣдь своей ереси. Его опровергли 318 отцевъ, собравшіеся на первомъ Вселенскомъ соборѣ, какъ наивысшемъ церковномъ судилищѣ на землѣ. Также были осуждаемы и другія ереси и непорядки церковные на пяти другихъ Вселенскихъ соборахъ. И такимъ образомъ многое и премногое было обсуждено и установлено въ церкви Вселенскими соборами. Но вотъ злочестивый Греческій императоръ Ираклій задумалъ соединиться съ магометанами, которые осуждали святые иконы, называя ихъ идолами. Онъ сталъ уничтожать святые иконы, думая привлечь чрезъ то магометанъ въ Христову вѣру. Но они на это не обратили почти никакого вниманія. А между тѣмъ христіане многіе пострадали, защищая иконопочитаніе, какъ чествованіе не дерева и красокъ, а тѣхъ святыхъ лицъ, которыя изображены на нихъ, воздавая каждому честь не божескую, а свою особливую—кому апостольскую, кому мученическую, кому исповѣдническую, кому святительскую, кому подвижническую. Долгодолго иконоборцы возмущали покой церковный. Но вотъ составился седьмой Вселенскій соборъ и опредѣлилъ онъ чтить святые иконы, а тѣмъ, кто говорилъ, что иконы-идолы, тѣмъ произнести анаѣму, т. е. отлученіе. И воспоминаніе о седьмомъ соборѣ названо было торжествомъ Православія, чинопослѣдованіе котораго у насъ совершается въ Православной Церкви до нынѣ, въ первое Воскресеніе Великаго поста. Кромѣ отмечающихъ иконопочитаніе, здѣсь провозглашается анаѣма и на другихъ еретиковъ, раскольниковъ и сектантовъ и прочихъ лжеучителей. Напримѣръ, на тѣхъ, которые отвергаютъ Св. Троицу, Божество Господа нашего Іисуса Христа, приснодѣвство Богородицы, непогрѣшимость Святой Православной Церкви, обязанность для христіанина повиноваться Ей и проч.

Казалось бы, теперь христіане должны были насладиться полнымъ духовнымъ міромъ и благоустроеніемъ общаго дѣла спасенія. Но нѣтъ, врагъ спасенія изобрѣлъ новую причину къ расколу—властолюбіе. Епископы Рима, какъ Архіереи бывшей столицы мірового государства Римскаго, захотѣли быть не только выше всѣхъ Архіе-

реевъ, но и Владыками ихъ. И вотъ началось раздѣленіе западныхъ христіанъ (латинянъ) отъ восточныхъ (грековъ). Посему, когда нашъ русскій князь святой Владимиръ сталъ искать истинную святую вѣру, то, кромѣ грековъ, явились къ нему, уже какъ бы съ особой вѣрою, латиняне, а также евреи и магометане. Какъ 'мудрый и чтившій мудрую свою бабу Олгу, ранѣе принявшую христіанство отъ грековъ, онъ принялъ христіанство отъ нихъ же и всю Русь крестилъ и научилъ Православію, воспринятому въ той его полнотѣ и совершенствѣ духовномъ, котораго оно достигло въ теченіи почти трехъ вѣковъ и въ которомъ оно сохраняется въ Православно-Русской Церкви, Богу содѣйствующу, до нынѣ. Прегній великій сонмъ святыхъ учителей и святителей, подвижниковъ благочестія вселенской, бывшей нераздѣльной, церкви: Игнатій Антиохійскій, Поликарпъ Смирнскій, Иринеи Ліонскій, Николай Мирликійскій, Аѳанасій Александрійскій, Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Амвросій Медиоланскій, Іоаннъ Дамаскинъ и другихъ многочисленныхъ святыхъ, пополнили и наши святые подвижники благочестія и святители Христовы: Антоній и Θεодосій Печерскіе, Тихонъ Задонскій, Митрофанъ Воронежскій, Иннокентій Иркутскій, Гурій, Варсонофій и Германъ Казанскіе чудотворцы, Сергій Радонежскій, Московскіе чудотворцы: Петръ, Алексій, Іона и Филиппъ, Зосима и Савватій Соловецкіе, Димитрій Ростовскій, Θεодосій Углицкій, Серафимъ Саровскій и многіе другіе святые, ихъ же имена Ты, Господи, вѣси.

Злосчастный же Западъ, державшійся римскаго руководства, иначе называемый католическимъ, саморазлагался все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ онъ увеличивалъ свое вѣроученіе и самовластіе. Особенно великое отпаденіе отъ католичества было совершенно монахомъ Лютеромъ. Женившись, онъ тѣмъ самымъ презрѣлъ одно изъ самыхъ общихъ преданій всѣхъ церквей и затѣмъ онъ отвергъ и всѣ церковныя преданія. Примѣру его послѣдовали протестанты—Цвинглій и Кальвинъ. И вотъ они вынуждены были и самое Священное Писаніе толковать такъ, какъ кто можетъ, по своимъ силамъ, не справляясь съ святоотеческими писаніями, самыми древними, на примѣръ съ толкованіемъ Великаго Толковника и вселенскаго учителя святаго Іоанна Златоуста.

Вмѣстѣ съ преданіемъ вообще, отступники отъ католичества отвергли почти и всѣ таинства (кромѣ крещенія) и обряды, даже иконопочитаніе и поклоненіе Кресту Господню. И чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе совершалось всевозможное отрицаніе всего древняго, самаго истиннаго и благочестиваго. Посему можно сказать, что новые про-

тестантскіе сектанты не оставили камня на камнѣ изъ всего того богатѣйшаго наслѣдія духовнаго, которое дала Православная Церковь за періодъ вселенскихъ соборовъ и что она даетъ до нынѣ. Это, можно сказать, древніе гностики, хвалившіеся своимъ личнымъ знаніемъ всего, которыхъ обличали еще Апостолы и ихъ святыя преемники, а по нынѣшнему говоря: это рационалисты, которые все хотятъ понять своимъ разумомъ, не обращая никакого вниманія ни на ученія святыхъ отцевъ, ни на преданія всей Вселенской Церкви. И эти дерзкіе презрители всякаго священнаго для насъ преданія уже давно насылаются на святую Русь—прежде чрезъ колонистовъ (нѣмцевъ) на благодатный теплый югъ, гдѣ ихъ, какъ ядовитыхъ змѣй, пригрѣли русскіе, а теперь и къ намъ шлютъ своихъ проповѣдниковъ другіе колонисты—Волжскіе, поселенные здѣсь для наученія насъ рациональному земледѣлію. И вотъ они, нисколько не научивши наше крестьянство разумному земледѣлію, хотятъ засѣвать наши души сѣменами своихъ лжеученій. Говоря душевно, слѣдуетъ сказать, что это несносное дѣло, что насъ, давно обрѣтшихъ вѣру истинную и крѣпко содержащихъ единую, святую, соборную и апостольскую вѣру Христову, хотятъ совратить въ ту или другую нѣмецкую вѣру, которая въ главномъ ея руслѣ отъ разстриги монаха—Лютера началась вообще недавно, а еще новѣе въ ея сектахъ: баптистахъ, адвентистахъ, квакерахъ и піэтистахъ. Развѣ новыя вѣры дѣлаются, какъ новомодныя платья? Вѣдь вѣра истинная есть та, которая самая древняя, самая нужная, которая предана Христомъ Апостоламъ, а чрезъ нихъ преемникамъ ихъ по дару и власти Духа Святаго, подаваемого въ таинствѣ священства и другихъ таинствахъ, по благодати Божіей вообще, обитающей въ Православной Русской Церкви чрезъ непререкаемое преемство и нерушимо сохраняемой въ святой нашей Церкви отъ древнѣйшихъ временъ и до нынѣ.

Православные христіане! Внемлите ученію Святой Православной Церкви, примите ея Святыя Тайны и не будьте измѣнниками своей матери духовной—Святой Церкви, возродившей васъ въ купели крещенія о Господѣ и налутствующей васъ всѣхъ богатствомъ святыхъ и животворящихъ таинъ, освящающихъ всѣ многоразличныя отношенія и положенія наши. Осѣните себя крестнымъ знаменіемъ и вмѣстѣ съ Святою Церковью скажите: „анаѰема глаголющимъ иконы быти идолы, а равно и всѣмъ тѣмъ, кто святоотеческія, соборныя и апостольскія преданія ни во что же вмѣняютъ: анаѰема“.

Сойдите и держите преданія, имже научитесь отъ Господа, чрезъ Святое Его Евангеліе и единую, святую, апостольскую и все-

ленски-соборную церковь, и Господь Богъ Своею любовью, благодарію Іисуса Христа и общеніемъ Духа Святаго будетъ съ вами, ущедря васъ Своими милостями и уготовляя васъ для вѣчнаго блаженства, со всѣми угодившими Богу! Аминь.

Никаноръ, Архіепископъ Казанскій и Свѣяжскій.

Алексій, Епископъ Чистопольскій.

Михаилъ, Епископъ Чебоксарскій.

Андрей, Епископъ Мамадьинскій.

1910 года, марта 1.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Результаты новыхъ пріемовъ въ земледѣлія.

Корреспондентъ „Нов. Вр.“ изъ Харькова сообщаетъ интересныя для сельскихъ хозяевъ свѣдѣнія.

Землевладѣльцемъ Харьковской губерніи г. Нѣмцевичемъ производятся, богатые своими результатами, опыты черезрядныхъ посѣвовъ яровыхъ колосовыхъ хлѣбовъ, съ троекратнымъ пропалываніемъ свободныхъ междурядій и окучиваніемъ всходовъ зерна.

Результаты получаются прекрасные: при затратахъ на посѣвъ количества сѣмянъ въ три раза меньшаго урожай получается чуть-ли не въ 4 раза больше, чѣмъ при сплошномъ посѣвѣ на крестьянскихъ земляхъ.

Ячменя было посѣяно $2\frac{1}{2}$ десятины,—урожай его получился со всей площади въ 485 пудовъ; овсомъ занято было также $2\frac{1}{2}$ десятины, которыя дали 600 пудовъ зерна; съ 5 пудовъ проса, засѣянныхъ на 5 десятинахъ, получено 300 пудовъ зерна; съ вики, которая была посѣяна очень рѣдко между кукурузою, получено 8 пуд.

Способъ обработки и дальнѣйшаго ухода у Нѣмцевича таковъ.

Земля пашется глубоко, не менѣе, какъ на 4 вершка; боронится до тѣхъ поръ, пока комочки земли будутъ величиной въ горошину. Посѣвъ производится рядовой сѣялкой, при чемъ каждые 2 сошника закрываются, а третій сѣетъ, вслѣдствіе чего получаютъ свободныя междурядія вершковъ въ 7.

Какъ только покажется всходъ и хорошо обозначатся рядки, всѣ междурядія тщательно и глубоко пропалываются сапками (мотыгами), чтобы земля сдѣлалась вновь совершенно рыхлой. Вторая полка производится, какъ только всходы поднимутся вершка на 3—4, всѣ сорныя растенія уничтожаются тщательнымъ образомъ. Третій

разъ междурядія проходятся сапками передъ выбрасываніемъ колоса; на этотъ разъ уже производится не полка, а окучиваніе всходовъ, и дѣлается такъ: въ началѣ каждаго междурядія сапки ставятся острымъ концомъ на землю, возможно наклоннѣе и затѣмъ протягиваются вдоль междурядія. Рыхлая земля разсыпается на обѣ стороны и наворачивается на оба ряда посѣвовъ. Этимъ заканчивается этотъ простѣйшій, но и замѣчательный по результатамъ способъ обработки земли.

Алкоголизмъ дѣтей.

Къ поразительнымъ выводамъ пришелъ, по словамъ „Голоса Москвы“, д-ръ Коровинъ въ своемъ докладѣ въ обществѣ борьбы съ алкоголизмомъ: въ Россіи, въ самомъ коренномъ ея слоѣ, въ крестьянствѣ, больше половины дѣтей обоого пола уже пьяницы. Въ Московской губ. въ сельскихъ школахъ при участіи учителей, священниковъ, путемъ нѣсколькихъ вопросовъ въ систематической анкетѣ получились такіе результаты:

Изъ общаго числа мальчиковъ (14.280) пьютъ 67%. Изъ 8.337 дѣвочекъ пьютъ 46%.

Но это только общая средняя цифра. Интересны детальныя данныя по возрасту (школы кончаютъ 13 лѣтъ).

Тогда получается, что 7—8-лѣтнихъ мальчиковъ-пьяницъ 61%, а дѣвочекъ—40%.

Процентное исчисленіе мѣняется (разумѣется, къ худшему) съ возрастомъ, и къ окончанію школы пьющихъ мальчиковъ уже 78%, а дѣвочекъ 41%.

Учатъ пить отцы—42% всѣхъ случаевъ, матери—32%, оба родители заодно—11%. Родные и знакомые являются также развратителями (23%).

Но развращеніе идетъ такъ уже быстро, что дѣти пьянствуютъ даже и самостоятельно, въ собственной компаніи (мальчиковъ 6%, дѣвочекъ 2½%).

„Нравится пить (есть и такая графа)—54% мальчиковъ и 50% дѣвочекъ.

Характеренъ фактъ уже начавшагося вырожденія призывной молодежи, по оффиціальнымъ даннымъ:

Главный военный штабъ, отмѣчая малоразвитость и незрѣлость призывныхъ за послѣднія 10 лѣтъ, устанавливаетъ, что къ призыву 1909 г. только 40 человекъ изъ 100 оказались пригодными для военной службы.

Съ февраля сего 1910 года въ Троицкой Сергіевской Лаврѣ выходитъ подъ редакціей преосвященнаго НІКОНА, епископа Вологодскаго, еженедѣльное издание:

„ТРОИЦКОЕ СЛОВО“.

Цѣна за 50 №№ въ годъ одинъ рубль съ пересылкою.

Изданіе это предпринято обителію преподобнаго Сергія въ ознаменованіе исполнившагося 300-лѣтія освобожденія лавры отъ польско-литовской осады. Какъ живой памятникъ славныхъ подвиговъ великихъ борцовъ за св. Церковь Православную, за Самодержавнаго Царя и Святую Русь, въ тяжелую годину смутнаго времени „Троицкое Слово“ будетъ продолжать, по мѣрѣ силъ, святое служеніе троицкихъ иноковъ тѣмъ свѣтлымъ идеаломъ, за которые полагали души свои наши приеноблаженные предки на зарѣ новой, Богомъ благословенной династіи славнаго Царственнаго Дома Романовыхъ. Отвѣчая на запросы современной духовной жизни, оно ставитъ своею задачею раскрывать въ сознаніи русскихъ людей и укрѣплять въ ихъ сердцахъ тѣ основныя начала православнаго міровоззрѣнія, которыя легли въ основу нашей русской народной души. По своему содержанию, духу и направленію „Троицкое Слово“ будетъ тоже, что и извѣстные „Троицкіе Листки“, вотъ уже 32-й годъ издаваемые лаврою и разошедшіеся въ количествѣ до 150 милліоновъ оттисковъ. Редакція „Троицкаго Слова“ надѣется, что и новое начинаніе обители преподобнаго Сергія будетъ встрѣчено православными русскими людьми съ тою же любовію, какъ и „Троицкіе Листки“.

Подписка принимается: 1) въ редакціи „Троицкаго Слова“ Сергіевъ посадъ, Моск. губ.; 2) въ Петербургѣ—въ часовнѣ Троицкаго подворья Фонтанка, 44, у Аничкина моста; 3) въ Вологдѣ, въ канцеляріи преосвященнаго; 4) въ Москвѣ на Троицкомъ подворьѣ у о. эконома, на Самотекѣ.

Всѣ письма и статьи, назначаемыя для изданія, высылаются по адресу редактора: Вологда, преосвященному Нікону.

Редакторъ цензоръ Ніконъ, Епископъ Вологодскій и Томскій.

„МУЗЫКА возвышенная, какъ выразительница лучшихъ душевныхъ чувствованій всегда имѣла и имѣеть громадное значеніе въ жизни человѣка. Кому, какъ не музыкѣ, дана чудная власть пробуждать въ человѣкѣ его лучшіе инстинкты, настраивать душу, обогащая ее духовными чувствами и впечатлѣніями. Трудно найти человѣка, которому не хотѣлось бы въ минуты радости, тоски и печали излить въ музыкѣ волнующія чувства, отрѣшиться на время отъ низменнаго дома и забыться то въ величаво-торжественныхъ, то въ грустно-минорныхъ аккордахъ, вознестись душою въ чистый міръ идеальнаго добра, гармоніи и красоты...“

„Кормчій“ 29 янв. 1900 г.).

ЛУЧШІЯ ИНСТРУМЕНТЫ ДЛЯ ХОРОВЫХЪ СПѢВОКЪ, ДЛЯ ДУХОВНОЙ И СВѢТСКОЙ МУЗЫКИ

ФИСГАРМОНИИ

собственной фабрики въ ЛЕЙПЦИГѢ (амер. сист.) и лучш. заграничн. фабр. КАРПЕНТЕРЪ, ШИДМАЙЕРЪ въ 90, 100, 130, 150, 165, 190, 240, 275 руб. и дороже.

Рояли отъ 600 руб. и Піанино отъ 375 р. и дороже Граммофоны—Тонармъ новѣйшихъ моделей въ 18, 20, 25, 35, 55, 75 руб. и дор. ПЛАСТИНКИ свѣтскаго и духовнаго содержанія въ большомъ выборѣ.

ДУХОВНЫЕ ХОРЫ—Чудовской, Синодальный, Архангельскаго, Васильева и др.

Полный иллюстрир. прейсъ-курантъ № 61 и каталоги пластинокъ БЕЗПЛАТНО.

Для лицъ духовнаго званія допускается разсрочка платежа.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ,

МОСКВА, Кузнецкій мостъ, домъ Захарьина. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Морская, 34.
РИГА, Сарайная, 15.

При заказѣ или запросѣ прошу ссылаться на это объявленіе.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведения Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того, пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведения Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведения другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Биографическій очеркъ Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомнина).—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомнина).—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами?“—В. Ковалевскаго.—„Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомнина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомнина).—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомнина).—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомнина.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомнина.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Зло, его сущность и происхожденіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла“. Профес. Н. Глубоковскаго.—„Основное или Апологетическое Богословіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Статьи объ антихристѣ“. Профес. А. Д. Бѣляева.—„Книга Руувъ“. Пресвященнаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Экзарха Грузіи).—„Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф. прот. Т. И. Буткевича.—„Естественное Богопознаніе“. Профес. С. С. Глаголева.—„Философія монизма“. Профес.—прот. Т. Буткевича.—„Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.—„Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Профес. П. И. Липницкаго.—„Законъ причинности“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“. Профес. П. П. Соколова.—„Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.—„Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шилтова.—„Психологическіе очерки“. Профес. В. А. Снегирева.—Чтенія по космологіи. Профес. В. Д. Кудрявцева.—„Законъ жизни“ Профес. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лишь, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и **съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы** въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи **не позже**, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакция извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ; за перемѣну адреса уплачивается 30 коп.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакция проситъ высылать по слѣдующему адресу: **въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.**

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакция считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца каждой четверти года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи каждой четверти, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 коп.
